

ISSN 2409-8965

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Конфликтология

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-04-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, кандидат социологических наук, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-04-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bol'shakov Andrei Georgievich, doktor politicheskikh nauk, kandidat sotsiologicheskikh nauk, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Большаков Андрей Георгиевич — доктор политических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета. 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Абрамова Ирина Олеговна — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: dir@inafr.ru

Амелин Веналий Владимирович — доктор исторических наук, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета.

460018, Оренбургская обл., , Оренбург, пр. Победы, 13.

E-mail: avenali@mail.ru

Белозеров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета. 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: vk_belozerov@mail.ru

Бойко Иван Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук. 428015, Чувашия, г. Чебоксары, Московский просп., 29, корп. 1.

E-mail: boyko2003@yandex.ru

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: dbondar@hotmail.com

Бочарников Игорь Валентинович — доктор политических наук, проректор по научно-исследовательской работе Московского государственного гуманитарно-экономического института.

107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49,

E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Анжела Ди Грегорио — доктор политологии, профессор Департамента международных, правовых и историко- политических исследований Миланского университета.

20122 Италия, Милан, ул. Консерваторио, 7.

E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Емельянов Антон Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Анна Задора — доктор политологии, профессор Межуниверситетского Дома наук о человеке.

67300, Франция, Эльзас, Страсбург, 6-ая Туринская улица, 5 аллея генерала РувийоЧилтигейма, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Кассае Ныгусие В. Микаэль — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Нестерчук Ольга Алексеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов. 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Радвани Жан — доктор географических наук, профессор Государственного института языков и цивилизаций Востока. 75013 Франция, Париж, ул. Гранд Мулен, д. 65.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Семененко Ирина Станиславовна — доктор политических наук, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Сидорова Галина Михайловна — доктор политических наук, Московский государственный лингвистический университет, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д.38 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Чернышов Юрий Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Шутов Анатолий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

119992, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, строение 1.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2.

krainovgn@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250.
sudorgin@madi.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509,

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542;

E-mail: v.volokh@yandex.ru

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Университетская набережная, 7-9.

г. Санкт-Петербург, Россия, 199034.

E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482,

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент Университет: Краснодарский государственный институт культуры Кафедра: истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Скоба Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
sverhtitan@rambler.ru.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Батьковский Александр Михайлович – доктор экономических наук, АО Центральный научно-исследовательский институт экономики, систем управления и информации «Электроника», советник генерального директора, 127299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, 12, batkovskiy_a@instel.ru

Морозко Наталья Иосифовна – доктор экономических наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 49, Ленинградский проспект, Москва. 125993. NIMorozko@fa.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Бурда Алексей Григорьевич – доктор экономических наук, профессор Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина", Частное образовательное учреждение высшего образования "Южный институт менеджмента" Кафедра: экономической кибернетики, финансов и кредита, 350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 209 корпуса экономического факультета

Черкасов Валерий Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, первый заместитель главного редактора научно-практического журнала «Информационная безопасность регионов», Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 410009, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Дачная, 30А, кв. 116

Архипова Надежда Ивановна – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6

Кормишин Евгений Данилович - доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Гончаренко Любовь Ивановна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Налоги и налогообложение» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 125993. Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49.

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и

международных отношений, профессор,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, 190121, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжков Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный
сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В.
Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра
социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский
государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула,
проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры
психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Editorial collegium

Chairman of the Editorial Board

Bolshakov Andrey Georgievich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Conflictology of Kazan Federal University. 420111, Russia, Kazan, Kremlevskaya str., 18.
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Irina Abramova — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.
E-mail: dir@inafr.ru

Amelin Venali Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Director of the Research Institute of History and Ethnography of the Southern Urals of Orenburg State University.
460018, Orenburg region, , Orenburg, Pobedy Ave., 13.
E-mail: avenali@mail.ru

Vasily Klavdievich Belozerov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.
E-mail: vk_belozerov@mail.ru

Boyko Ivan Ivanovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Chuvash State Institute of Humanities.
428015, Chuvashia, Cheboksary, Moskovsky Ave., 29, building 1.
E-mail: boyko2003@yandex.ru

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.
E-mail: dbondar@hotmail.com

Bocharnikov Igor Valentinovich — Doctor of Political Sciences, Vice-Rector for Research at the Moscow State Humanitarian and Economic Institute.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150,
E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Angela Di Gregorio is a Doctor of Political Science, Professor of the Department of International, Legal, Historical and Political Studies at the University of Milan.

20122 Italy, Milan, Conservatorio str., 7.
E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Anton Igorevich Yemelyanov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Anna Zadora is a Doctor of Political Science, professor at the Interuniversity House of Human Sciences.

67300, France, Alsace, Strasbourg, 6th Turin Street, 5 Avenue of General Rouvillochiltigame, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Kassae Nygusie V. Mikael — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia.

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Olga A. Nesterchuk — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Analysis and Management of the Peoples' Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Radvani Jean — Doctor of Geographical Sciences, Professor at the State Institute of Languages and Civilizations of the East. 75013 France, Paris, 65 Grand Moulin Street.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Semenenko Irina Stanislavovna — Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 23, Trade Union Street, Moscow, 117997, Russia.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Sidorova Galina Mikhailovna — Doctor of Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Head of the Department of Theory and History of International Relations. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Chernyshov Yuri Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History and International Relations of Altai State University. 61 Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russia. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Shutov Anatoly Dmitrievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119992, Russia.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Krainov Grigory Nikandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2.
krainovgn@mail.ru

Oleg A. Sudorgin — Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-

Rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies",
125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow.
sudorgin@madi.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration,

199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509,

Volokh Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542;

E-mail: v.volokh@yandex.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. University Embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482,

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the University: Krasnodar State Institute of Culture Department: History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106

stawiczky.v@yandex.ru

Batkovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Economics, JSC Central Research Institute of Economics, Control Systems and Information "Electronics", Advisor to the General Director,
127299, Moscow, ul. Cosmonaut Volkov, 12,
batkovskiy_a@instel.ru

Morozko Natalia Iosifovna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow. 125993.
NIMorozko@fa.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory,
125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49,
18111959@mail.ru

Burda Alexey Grigorievich – Doctor of Economics, Professor Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin", Private Educational Institution of Higher Education "Southern Institute of Management" Department: Economic Cybernetics, Finance and Credit,
350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13, office. 209 buildings of the Faculty of Economics

Cherkasov Valery Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of the scientific and practical journal "Information Security of Regions", Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
410009, Russia, Saratov region, Saratov, Dachnaya str., 30A, sq. 116

Nadezhda Arkhipova – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities.
125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6

Kormishkin Evgeny Danilovich - Doctor of Economics, Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Goncharenko Lyubov Ivanovna - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department "Taxes and Taxation" of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
125993. Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49.

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor,
650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor, 190121, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, nadezhda-blejkh@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Cultural Studies, 127018, Russia, Moscow, Streletskaia str., 14к1, sq. 164, ash@inbox.ru

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State

Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

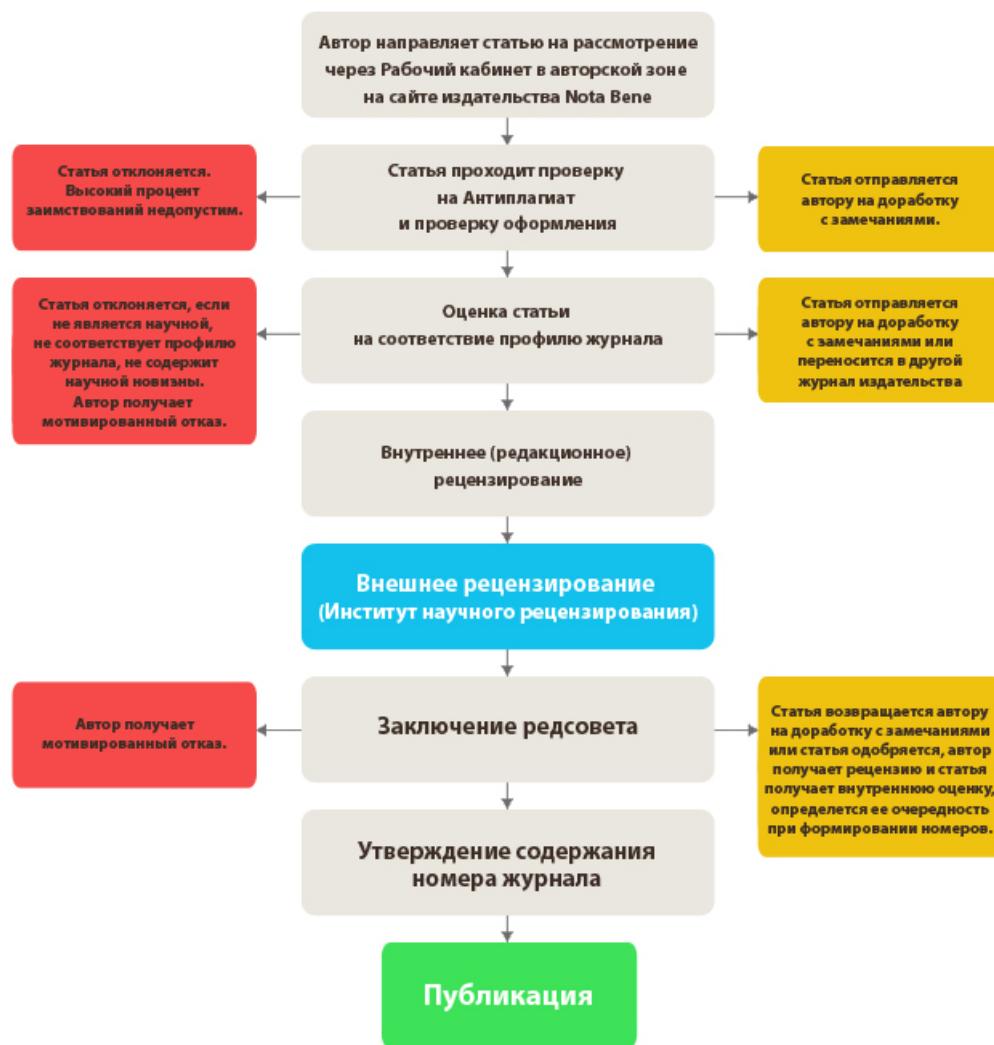
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Барави М.В., Кретов А.Д., Тарасова Д.А. Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века	1
Ионов Д.Д., Коренева Л.Н., Назаров А.Д., Рыжов И.В. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000-2023 гг. в работах зарубежных исследователей.	12
Белков А.Д. Индийский опыт регионастроительства как способ противостояния конкурентному регионализму в АТР и на Ближнем Востоке	27
Исраилов А.Х. Роль северокавказской диаспоры в двусторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг.	39
Ильичев А.В. Научные исследования британских авторов по Второй мировой войне как элемент информационно-психологического противостояния с Россией	54
Кошмаров М.Ю. Исследование генезиса и трансформации нарративов о конфликте Китая и Запада	74
Труфанов Г.А., Евстафьев А.В., Томин В.В., Акулина Е.Е. Ролевые аспекты буллинга как конфликта.	94
Труфанов Г.А., Бобровникова Н.С., Томин В.В., Евстафьев А.В. К вопросу о ролевой классификации участников буллинга.	107
Англоязычные метаданные	119

Contents

Baravi M.V., Kretov A.D., Tarasova D.A. Ethnic Kurdistan in the context of 21st century Geopolitics	1
Ionov D.D., Koreneva L.N., Nazarov A.D., Ryzhov I.V. Analysis of Russia's policy in the Middle East in 2000-2023 in the works of foreign researchers.	12
Belkov A.D. The Indian experience of region building as a way to counter competitive regionalism in the Asia-Pacific region and the Middle East	27
Israilov A.K. The role of the North Caucasian Diaspora (Muhajirs) in the Ottoman Empire in bilateral relations between Russia and Turkey in 1917-1921 in the context of revolutions, external and internal conflicts	39
Il'ichev A.V. Scientific research by British authors on the Second World War as an element of information and psychological confrontation with Russia	54
Koshmarov M. A study of the genesis and transformation of the narratives about the conflict between China and Western countries	74
Trufanov G.A., Evstafev A.V., Tomin V.V., Akulina E.E. Aspects of role models in bullying as a basis for interaction.	94
Trufanov G.A., Bobrovnikova N.S., Tomin V.V., Evstafev A.V. To the issue of the role classification of participants in bullying situations.	107
Metadata in english	119

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Барави М.В., Кретов А.Д., Тарасова Д.А. — Этнический Курдистан в контексте geopolитики XXI века // Конфликтология / nota bene. — 2024. — № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69609 EDN: QDUTGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69609

Этнический Курдистан в контексте geopolитики XXI века

Барави Мелина Владимировна

ORCID: 0009-0004-6063-6948

соискатель, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23

✉ melinabaravi@gmail.com

Кретов Андрей Дмитриевич

ORCID: 0009-0001-9076-1465

магистр кафедры истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23

✉ krietov2000@mail.ru

Тарасова Дарья Александровна

ORCID: 0000-0003-4825-6446

аспирант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, г. Нижний Новгород, Проспект Гагарина, 23

✉ daria.tarasova@corp.mail.ru

[Статья из рубрики "Глобальная geopolитика современных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69609

EDN:

QDUTGW

Дата направления статьи в редакцию:

12-01-2024

Дата публикации:

19-01-2024

Аннотация: Предметом исследования является курдская государственность и определение роли курдского вопроса и его последствий как для отношений внутри Большого Ближнего Востока, так и для региональной политики стран Запада в целом. Объектом является борьба курдов за создание собственного национального государства и пути решения курдской проблемы на территории Среднего и Ближнего Востока. Подробно рассматриваются факторы, приводящие к невозможности создания самостоятельного курдского государства в текущих условиях. Авторы также анализируют осложняющую ситуацию обстоятельства, к которым относятся заинтересованность внешних акторов (таких как США и НАТО в целом) использовать курдов для решения собственных геополитических задач в регионе; внутренние противоречия среди самих курдских лидеров, не позволяющие прийти к консенсусу по ряду организационных вопросов и тяжелая экономическая обстановка. Исследование основано на принципах историзма, объективности, системного подхода. В процессе работы были использованы следующие методы: хронологический, генетический, структурный и сравнительный анализ. Авторы приходят к выводу, что на данный момент можно выделить долгосрочную и краткосрочную перспективы решения курдского вопроса, как с позиций самого народа, так и других заинтересованных акторов. Создание курдского государства кажется маловероятным, альтернативой называется, как максимум, предоставление курдским общинам максимальной автономии, как минимум, изменение их правового статуса в странах, в первую очередь в Турции, где их положение максимально уязвимо. Постоянное ухудшение положения курдов и их исключение из легальной повестки в Турции называется возможной причиной гражданской войны. Курдский вопрос не может быть решен военным путем, при этом возможные варианты решения индивидуальны для всех затронутых стран, которые, однако, сами страдают от внутренних кризисов (Сирия, Ирак), а Иран, живущий по законам шариата, также от санкционного давления. Кроме того, единства не существует и в рамках самих курдских общин, что дополнительно осложняет политическую борьбу.

Ключевые слова:

Курды, Курдистан, Ближний Восток, Турецко-курдский конфликт, Большой Ближний Восток, Сирия, Ирак, Иран, Турция, Рабочая партия Курдистана

Курдская проблема остается одной из наиболее сложных в современной мировой политике. Курдский «вопрос» находится в центре ближневосточной политики уже почти столетие с момента создания его нынешних государств Ирака, Сирии и Турции. Курды в Иране также стали жертвами региональной войны в 16 веке, кульминацией которой стало нынешнее географическое распределение региона. По сей день курды борются за равные права и самоопределение по всему Ближнему Востоку. Курдистан, крупнейшая страна без собственной государственности, разделена на четыре государства, и, несмотря на множество сочувственных замечаний со стороны международного сообщества, ответ на курдский «вопрос» остается неясным.

Имеется множество академических работ, как отечественных, так и зарубежных авторов, отдающих курдской проблематике. Тут необходимо, отметить М. Лазарева и его работу «Курды и Курдистан. Факторы становления проблемы», в которых он разбирает эту тему в контексте её исторических предпосылок. Также внимания заслуживает работа А.

Набиева «Курдская проблема в контексте интеграции в ЕС». Этот труд любопытен тем, что в нём разбираются геополитические нюансы наличия курдской проблемы в современном мире, влияние на неё глобального Запада и наднациональных политических институтов.

Кроме того, интерес представляет работа М.В. Барави «Отношения Турции и курдов в свете региональной повестки», в которой анализируются особенности существования курдов и существующего турецкого политического режима.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 2001 по 2023 гг.

Объект и методы исследования

В процессе работы над настоящим исследованием были использованы следующие методы: хронологический, генетический, структурный, сравнительный анализ.

Результаты и их обсуждение

Основная история о национальной курдской государственности.

Практически всю свою историю курды пытаются образовать собственное национальное государство. Относительно успешные попытки в этом отношении были сделаны ими в X веке, однако, это государство не смогло сохраниться. Практически постоянно курды поднимают восстания против тех правительств, чьи территории управляются занимаемыми ими странами. Однако такие восстания ни разу не оказывались по-настоящему успешными. Пожалуй, самый большой прорыв был достигнут, когда Османская империя подавила восстания 1919 года. После Первой мировой войны державы Антанты и османский султан заключили с правительством курдов Севрский договор – главный документ, на который курды опираются в процессе обоснования своей международной легитимности на уровне международного права. Однако, никаких существенных дивидендов это им не приносит. Главным образом потому, что существует также и договор от 1923 года, который предписывает разделение территории курдов между Турцией и Францией (Франция на тот момент имела протекторат над Ираком и Сирией).

На момент его подписания курды проживали на своих исторических территориях, которые входили в состав Османской империи и Персии. Отношение к курдскому вопросу изменилось после «арабской весны», когда курды, по мнению экспертов, продемонстрировали сопротивление исламской организации, что отличает их от американских и турецких военнослужащих. В этом регионе крупные державы полагаются на курдов, поэтому вопрос о независимости курдов уже вышел на международный уровень.

Осенью 2017 года иракские курдские вооруженные формирования успешно провели операцию по завоеванию у ИГИЛ территории в районе Киркука и Синджара. После этого они сообщили, что собираются проводить референдум о независимости, хотя на тот момент конфликт был в активной фазе.

Результаты такого референдума были очевидны – большинство курдов высказались бы за признание своей государственной независимости, а те, кто выступал за какую-то другую точку зрения, не получили бы никакого пространства для агитации. В силу очевидности исходов этого референдума, у него не было никаких шансов на признание: курды не имеют международной юридической субъектности, а государства, на территории которых они живут – имеют. Соответственно, совершенно очевидно, что

иракский референдум создал бы прецедент о проведении таких же мероприятий не только на территории проживания курдов, но и в других выраженных национальных регионах. Например, в Каталонии, Гренландии и других.

Таким образом, вопрос о независимости курдов – один из самых острых в современной глобальной повестке. Курды уже много веков стараются сформировать собственное независимое государство, и периодически за это воюют, но на практике значительных успехов в современные нам временные промежутки на этом поприще они не достигли [1].

На данный момент состояние курдского вопроса определяется следующим рядом факторов.

— Первый фактор. Курды-езиды неравномерно живут на территории других независимых государств. В каждом из этих государств у них есть общины, которые находятся в разных взаимоотношениях между собой, а также с правительствами государств, чью территорию они занимают. Из-за этого у курдов отсутствует единая политическая позиция даже по принципиальным вопросам. Например, иракские курды — это скорее проамериканское образование в то время, как сирийские курды — это скорее образование, нацеленное на сотрудничество с Россией.

— Второй фактор. Если вообразить себе Курдистан, как единое государство, то это государство будет обладать очень низким уровнем жизни и депрессивной экономикой. Данная проблема, взаимосвязана с различными ситуациями, и в первую очередь, это, поведение самих курдов, которые периодически находятся в состоянии локального конфликта с соседями, а потому не слишком успешно выстроили экономическую базу в своих регионах.

— Третий фактор. Дефицит коммуникаций. Он обусловлен тем, что Курдистан — это гористая местность, а потому курдам технически легче взаимодействовать не между курдскими поселениями, а с персами, турками, иракцами и т.д. Это ведёт к тому, что чем дальше уходит время, тем менее выраженным является национальное курдское большинство.

— Четвертый фактор. Несмотря на текущую локальную экономическую депрессивность, с geopolитической, стратегической и ресурсной точки зрения — это очень перспективный регион, а потому предположение о том, что страны, занимающие его сейчас, так просто выпустят из своих рук, не выглядит вероятным. Особенно важен Курдистан с точки зрения богатства углеводородами и гидроресурсами.

Важным фактором решения курдской проблемы является позиция крупных региональных и глобальных игроков, которые преследуют свои цели в ближневосточном регионе.

Также нужно отметить, что большую роль в том, что курдский вопрос вышел на новый виток рассмотрения, сыграл разгром террористической группировки «Исламское государство». Подразделения Исламского государства Ирака и Леванта активизировали свою деятельность в 2014 году в исторических курдских районах Хавиджа и Киркука. Там они попытались установить свой контроль, поскольку это была одновременно богатая с точки зрения нефтяных ресурсов территория, но в то же время, на ней отсутствовали организованные силы стабильного государства, которое могло бы помешать установлению диктатуры ИГИЛ.

Поскольку ИГИЛ также не является однородным и стабильным государственным образованием, их действия в Иракском Курдистане не были стабильными. Часть

террористов хотела привлекать курдов для борьбы, а часть – объявить на их территории исламскую диктатуру. При таком положении вещей ИГИЛ не удалось заручиться поддержкой курдской элиты и лично Масуда Барзани; курды организовали вооруженное сопротивление боевикам.

Ситуацию осложняло ещё и то, что в 2014 году официальный Багдад был слишком слаб, чтобы оказывать ИГИЛ должное сопротивление и таким образом, курды на какое-то время оказались главной силой сопротивления ИГИЛ на территории Ирака, что в свою очередь сильно ухудшило их отношения с официальным Багдадом. К лету 2014 года, когда стало ясно, что курды относительно успешно справляются с ИГИЛ, по крайней мере, их территория точно в ближайшее время не превратится в плацдарм для террористов, усилились разговоры о возможном предоставлении курдам права на реализацию их государственных амбиций, которые подкрепляло то, что представители немусульманских религий на территории курдов чувствовали себя значительно комфортнее, чем на территории остального Ирака.

Впрочем, успешного сопротивления ИГИЛ было недостаточно для удовлетворения «державных» амбиций. С технической точки зрения, отъем части территории у независимого государства решением каких-то внешних сил, выглядел слишком рискованным и опасным прецедентом, который мог бы привести к нестабильности.

В итоге курды, проведя несколько масштабных операций по конфронтации с ИГИЛ, сумели закрепиться на территории де-юре принадлежащей Сирии на границе с Турцией, однако в итоге, эти территории были переданы обратно под сирийский контроль после проведенной в 2017 году операции «Щит Ефрата» из-за опасения полномасштабного вторжения турецких войск. Несмотря на то, что курды проявили заметную роль в противостоянии с ИГИЛ и какое-то время были их главными противниками в регионе, это подняло их репутацию, но не приблизило к созданию собственного независимого государства. Реальное решение курдской проблемы по-прежнему находится в руках глобальных международно-признанных игроков.

По нашему мнению, ключевыми глобальными игроками в этом отношении являются Россия и США. Региональные игроки относятся к проблеме курдов по-разному. Иран и Ирак признают существование курдов официально: провинции Курдистан на западе Ирана и иракского Курдистана, который является автономным регионом внутри Республики Ирак [2.1]. Также значительное количество курдов проживает в трёх провинциях исторической области Хорасан, расположенной на северо-востоке Иранской Исламской Республики [3].

Иракские курды добились наибольшего успеха в своем самоопределении, сегодня Иракский Курдистан является субъектом Федерации Ирака с широкими правами, а курдский язык признан вторым национальным языком в стране. Курды широко представлены в правительственные структурах, а нерешенные вопросы с иракским правительством курдские лидеры намерены решать мирным путем, однако иракские курды пока не определились с планами по созданию своего государства.

Курдский вопрос является одним из самых проблемных для Турции. С момента подписания Лозаннского мирного договора все действия курдов, направленные на создание собственного государства, были подавлены. С 1984 года продолжается конфликт между вооруженными силами Анкары и курдами, требующими полной независимости. Отношения между двумя сторонами находятся в постоянном напряжении [4].

Перспективы появления независимого государства курдов нужно рассматривать с позиций жизнеспособности, рассматривая ряд факторов. Первый фактор. Если такое государство появится, то оно с большой вероятностью будет очень нестабильным. Ведь курды – это не монолитное образование. Это объединение кочевых племён, само слово «курд» дословно переводится как «кочевник». Соответственно, внутри курдского сообщества до сих пор очень сильна практически первобытная внутриплеменная иерархия, которая пока не поддается замещению прогрессивными общественными течениями.

Второй фактор. Курды не имеют собственной государственности, а значит и развитого социально-гражданского общества. А это, в свою очередь, создаёт дополнительные угрозы на и без того нестабильном Ближнем Востоке.

Третий фактор. Первые десятилетия своего существования новое государство будет находиться в постоянной зависимости от решений региональных и мировых лидеров. Процесс признания может занимать десятилетия, и путь заморозки развития общества в полуофициальном статусе, как например, у Северного Кипра или Каталонии – выглядит вполне реальным [5].

Резюмируя все вышеописанное перспективы формирования курдского национального государства: существует долгосрочная и краткосрочная перспективы решения проблемы с позиций как курдов, так и других заинтересованных акторов.

Для курдов: долгосрочная и идеальная перспектива – это создание независимого государства на территориях, которые предполагается отторгнуть у четырёх независимых государств на основании курдского самоопределения. Впрочем, даже в курдской среде эта затея многими понимается как утопия, поскольку нет ни четких границ, ни устойчивых представлений ни о том, каким должно быть новое государство, ни о том, кто и какие конкретно действия должен предпринять, чтобы ситуация сдвинулась с мёртвой точки.

Краткосрочная перспектива – более реальна. Её суть заключается в том, чтобы курды получили более широкую автономию как объединение, а их партии и иные организации перестали так жёстко притесняться на законодательном уровне, в первую очередь, на территории Турции, но и в других государствах тоже [6]

Здесь существует пространство для торга, и существуют конкретные проработанные программы действий, на основании которых можно строить предметные договоренности. Эти программы прописаны в политических манифестах курдских партий разной степени радикальности.

Турция, по крайней мере, при власти Р.Т. Эрдогана является одним из главных противников курдской независимости в любых формах [7]. Эта позиция имеет настолько важное значение, что ради неё Анкара готова портить отношения даже с Вашингтоном. Идеальным развитием событий для Турции был бы разгром Курдской рабочей партии как организованной структуры и сохранение курдского населения Турции на обочине политической жизни [8].

Курдский вопрос прошел много различных стадий за разные периоды времени, но в настоящее время он обостряется. Демократизация и европеизация турецкой демократии в процессе вступления побудила турецких политиков провести больше реформ для решения курдского вопроса. Однако этот процесс полностью завершился, поскольку основным препятствием является националистический подход в турецкой политике.

Кроме того, ультраправые и расистские политические формирования уже либо находятся в правительстве, либо играют ведущую роль в определении курса в турецкой политике. Националисты внутри судебной системы намерены сорвать вступление Турции в Европейский союз, и это может стать препятствием на пути демократического процесса, от которого зависит и курдский вопрос. [Bayır, D., 2013, 300-330]. Более того, вступление Турции в ЕС застопорилось главным образом из-за нарушений прав человека.

В Турции проживает более 15 млн. курдов, но они исключены из легитимной повестки, их положение ухудшается с каждым годом. Это может привести к гражданской войне в случае массового притока недовольных этим протестующих в Анкару.

Анкара считает, что отряд сирийских курдов является частью Рабочей партии Курдистана и ее военных подразделений. Хотя нет веских доказательств или аргументов в пользу того, что Рабочая партия Курдистана контролирует вооруженные формирования вблизи турецкой границы, турки отвергают курдов и исключают их из своей автономии в принятии решений. Тем не менее, Селахаттин Демитраш, лидер прокурдской Народно-демократической партии, набрал на прошлых президентских выборах в 2014 году почти 10% голосов, находясь, в это время, в тюрьме [\[8\]](#).

Следует учитывать, что причины терпимости к Демитрашу перед выборами далеки от демократической турецкой системы, но, учитывая, что курды составляют более 23% населения и являются вторым по численности этническим меньшинством в Турции, отказаться от этнической идентичности и территориальной безопасности курдов не представляется возможным.

Политика Турции в основном основана на турецком национализме [\[9\]](#); как конституция, так и политика Турции полностью основаны на турецкой идентичности. [\[10\]](#). Кроме того, меньшинства либо должны принять турецкую идентичность, либо будут вынуждены или столкнутся с судебным преследованием со стороны Конституционного суда. С политической точки зрения этнические меньшинства не могут функционировать среди турецких националистических партий. Курдским партиям приходится сталкиваться с разногласиями со стороны всех основных турецких политических партий, а также с конституцией Турции и политикой, которые в конечном итоге запрещают и сажают в тюрьму их членов [Н.В. Вершинина 2016, Выпуск 38]. Есть несколько курдских политических партий, которые были запрещены, и многие курдские политики, мэры и журналисты были заключены в тюрьму в соответствии с антитеррористическим законом, который ставит под угрозу демократию и ухудшает ситуацию в отношении курдского вопроса. Таким образом, Турция сталкивается с международной критикой, в том числе со стороны ЕС и США. Изменение парламентской системы Турции на президентскую дает больше власти Эрдогану, который ведет Турцию к новому национализму. Исследования показывают, что политика Эрдогана приводит к ухудшению экономического, социального и политического устройства Турции. Международные связи Турции ослабевают, экономика переживает спад, и Турция дистанцируется от демократии.

Для националистического турецкого государства военная мощь и безопасность важнее демократизации. Однако исследования и опыт показывают, что курдский вопрос не может быть решен военным путем. Продолжающийся конфликт между курдским ополчением и турецким государством приводит к разрушениям и человеческим жертвам. Демократизация Турции решит курдский вопрос и спасет еще много жизней, и это в конечном итоге положит конец десятилетиям кровавого конфликта.

Сирия с большим трудом восстанавливается после затяжного кризиса, сопровождаемого

гражданской войной и потерей контроля над частью территории. В такой ситуации предоставление автономии курдам – шаг не к стабильности, а к дестабилизации. Вполне возможно, что для того, чтобы избежать новых витков внутренних конфликтов, Башар Асад пойдет на некоторые незначительные уступки сирийским курдам в областях, связанных с использованием языка или функционированием культурных институтов. Однако уступки в области суверенитета – маловероятны.

Ирак находится в тяжелейшем кризисе после масштабной западной интервенции и внешнего изменения силового строя. Страна находится в тяжелейшем экономическом положении и сильно зависит от поддержки западных институтов, поэтому субъектность Ирака в принятии таких решений относительно слаба. Многое в поведении нынешнего правительства Ирака зависит от позиции по курдскому вопросу международных организаций и крупнейших игроков конфликта.

Иран является исламской республикой, т.е. позиционирует своё государственное устройство как власть законов шариата. Согласно шариату государственное устройство может проходить только в рамках канонического ислама, которым Иран, разумеется, считает свою версию [11]. С такой позиции предоставление иранским курдам какой-либо автономии, учитывая разнообразие их вероисповедания, а уж тем более способствование созданию их независимого государства с отторжением части собственной территории, полностью противоречит публичной политике республики.

Россия на Ближнем Востоке соблюдает принцип многовекторности во внешней политике, желая сохранять контакты со всеми, кто представляет серьёзное влияние в регионе.

Поэтому в настоящий момент Россия поддерживает контакты и с различными курдскими объединениями и с их главными противниками, не принимая чьей-то однозначной стороны. Главная задача России в Курдском вопросе – лавирование между интересами и сохранение собственного влияния в регионе. Иными словами, способствование образованию курдского независимого государства не входит в интересы России ближайшего будущего, поскольку это означает радикальную поддержку одной из сторон конфликта [12]. Например, Москва не признает РПК террористической организацией.

У России особые отношения с Иракским Курдистаном [13], наделённого самыми широкими международными правами и полномочиями. Россия стала одной из первых стран, открывших в декабре 2007 года генеральное консульство в Эрбеле. Наиболее активной российской компанией в Курдистане в последние годы является "Газпром нефть", которая успешно занимается разведкой, разработкой и эксплуатацией нефтегазовых месторождений, а также созданием новых производств. Компания спонсирует обучение курдских студентов, участвует в экологических, культурных, образовательных и научных проектах.

США и союзники по НАТО регулярно использовали курдов в качестве инструмента по достижению своих политических целей и интересов, обещая им поддержку в их борьбе за собственное государство, но эти договоренности неоднократно нарушались. Для НАТО и Соединенных Штатов Америки наибольшую важность представляет общая региональная стабильность, поскольку именно такое положение вещей позволяет союзникам в целом контролировать важнейший нефтяной рынок.

В нынешних условиях применить обычную тактику использования курдов для смещения или установления нужного политического режима для США и НАТО довольно затруднительно. Восстание сирийских курдов против режима Башара Асада было бы США

на руку, но волнения в союзной по НАТО Турции, или в Ираке, где американцы сами свергли режим Саддама Хусейна менее 20 лет назад, им не нужно.

Заключение

На сегодняшний день не наблюдается ни одной влиятельной силы, которая была бы заинтересована в решении курдского вопроса в пользу курдов, если понимать под этим создание курдского независимого государства.

Также к этому очевидно не готовы и сами курды; курдские лидеры разного ранга не могут договориться между собой и в рамках сиюминутной конъюнктуры заключают взаимоисключающие союзы и раздают такие же обещания.

Для современного мирового сообщества наиболее важной целью в данном конфликте не является стремление к достижению чьей-то победы, поскольку другая сторона конфликта будет чувствовать себя ущемленной и проигравшей, а значит, конфликт не будет исчерпан. Следует максимально способствовать мирному существованию курдов внутри своих государств, выработав социальные программы для адаптации и интеграции в местных сообществах. Мотивировать государства Ближнего Востока, путём толерантности и гуманизма, не дискриминировать курдов по национальному, религиозному, культурному и лингвистическому признаку, так как это является одной из форм нарушения прав человека. Выработать социально значимый проект, целью которого являлась бы минимизация межнациональных и межрелигиозных конфликтов в турецко-курдских и арабско-курдских взаимоотношениях, пресекать различные формы расизма в отношении уязвимой группы, обеспечив национальную независимость и полную территориальную безопасность.

Курдский вопрос на Ближнем Востоке состоит из ряда региональных, религиозных, этнических, политических и экономических противоречий, которые затрагивают интересы как ближневосточных, так и других государств. Поэтому в настоящее время курдский вопрос представляет собой сложную, многоаспектную проблему международного значения.

Библиография

1. Дружиловский С. Б. Влияние иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой Республике / Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2016. С. 141– 152.
2. Iraqi Kurdistan in Middle Eastern politics / Edited by Alex Danilovich. London; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2018.
3. Зубкова А. И. Курдский вопрос и политическая стабильность в Турецкой Республике // Политическая стабильность: методология сравнительных исследований, анализ региональных проблемных зон. М.: РУДН, 2019. С. 98-125.
4. Ильясов Р.М. Структура и политический статус Рабочей партии Курдистана в современной Турции // Казанская наука. 2018. №5. С. 17 – 23.
5. К вопросу о вооруженной борьбе курдского народа // Дружба. 2020. №10. С. 10 – 14.
6. Касаев Э. Курдская проблема Ближнего Востока // Обозреватель, 2018. №10. С. 106 – 112.
7. Bayir D. Minorities and Nationalism in Turkish Law. Routledge. New York, 2013, 300-330.
8. Рогожина Е.М., Барави М.В. Влияние международных факторов на этнический

- курдистан в XX веке. Сборник статей по материалам LIII международной научно-практической конференции. Том 12 (45). Москва, 2021
9. Xypolia I. Racist aspects of modern Turkish nationalism // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 2016.
 10. Cornell S. E. The Kurdish Question in Turkish politics, 2001
 11. Кармин Д. Д. Оджалан в поисках новой родины // Курдистан рапорт. 2018. № 23. С. 52.
 12. Жигалина О.И. Истоки курдской государственности// Дружба. 2018. № 4. С. 33 – 48.
 13. Аветисян Э.Г. Политика России на Ближнем Востоке и ее влияние на международный имидж государства // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 10.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Этнический Курдистан в контексте geopolitики XXI века» вызывает определенный интерес исследователей в сфере внешней политики государств и современных международных отношений.

Актуальность проведенного исследования обоснована, прежде всего, сложностью состояния «курдского вопроса» в современном мироустройстве, в котором до сих пор не нашлось места для оформления государственности Курдистана. В свою очередь, эта ситуация способствует только продолжению фактически конфликтной ситуации, которая может усугубиться и привести к более сложным последствиям на Ближнем Востоке.

Статья достаточно интересная по своему содержанию. Она, безусловно, способна вызвать широкий читательский интерес. Написана логично, понятным языком. В статье представлена информация о состоянии «борьбы» за государственность курдского народа и ее хронологической динамики. Показано отношение стран Ближнего Востока, России, Турции и некоторых отдельных государств в решении вопроса приобретения государственности Курдистаном. Выявлены и представлены основные проблемы, которые могут гипотетически возникнуть в случае достижения цели юридического оформления и признания мировым сообществом Курдистана в качестве суверенного государства. Авторами также представлена экономико-ресурсная составляющая территории, подконтрольных современным курдам. Их, условно говоря, военно-политические успехи в борьбе с террористическими организациями ближневосточного региона – ИГИЛ и др. Определены факторы, оказывающие влияние на решение курдской проблемы. Положительной оценки заслуживают предложения, представленные авторами статьи по перспективам формирования курдского национального государства в краткосрочной и долгосрочной перспективе с учетом позиций всех заинтересованных в этом процессе сторон. В качестве основного противника курдского национального государства выступает сегодня Турция, несмотря на то обстоятельство, что на ее территории проживает наибольшее количество курдов – более 15 млн человек.

При проведении исследования авторами статьи использованы различные источники, в том числе и на английском языке. Всего список использованных источников и литературы составил 13 позиций. В статье имеются ссылки на источники, при этом, по нашему мнению, считаем, что авторам не удалось развернуть полноценную научную дискуссию в рамках осуществленного исследования. В основном, авторское отношение к

мнениям и позициям исследователей, чьи работы были использованы в настоящей статье, не формулировалось.

Рецензируемая статья методологически выверена. Считаем, что статья содержит необходимые компоненты исследовательской статьи, включая методологию исследования. Представлена заявленная цель исследования и ее задачи. Новизна исследования, по нашему мнению, вполне очевидна.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая научная статья на тему: «Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века» соответствует необходимым требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ. В связи с чем, считаем, что ее можно рекомендовать к опубликованию в искомом научном журнале.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ионов Д.Д., Коренева Л.Н., Назаров А.Д., Рыжов И.В. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000-2023 гг. в работах зарубежных исследователей // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69620 EDN: EUSWYC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69620

Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000-2023 гг. в работах зарубежных исследователей

Ионов Дмитрий Дмитриевич

ORCID: 0009-0008-8598-0189

магистр Института международных отношений и мировой истории, Кафедра политологии, ННГУ им Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ dmitriy.ionov@unn.ru

Коренева Людмила Николаевна

ORCID: 0009-0007-3962-2156

магистр Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ korluyd@gmail.com

Назаров Алексей Дмитриевич

ORCID: 0009-0007-7985-9975

магистр Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ nazarov.alex.8989@mail.ru

Рыжов Игорь Валерьевич

ORCID: 0000-0002-6417-1517

доктор исторических наук

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ ivr@fmo.unn.ru

[Статья из рубрики "Столкновение цивилизаций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69620

FNN:

—

EUSWYC

Дата направления статьи в редакцию:

18-01-2024

Дата публикации:

06-02-2024

Аннотация: Статья посвящена научному рассмотрению представлений зарубежных исследователей на проблемы и перспективы военно-политических, торгово-экономических и социально-культурных взаимоотношений Российской Федерации со странами Ближнего Востока в период президентства В.В. Путина и Д.А. Медведева с 2000 по 2023 гг. Цель работы – выявить основные точки зрения на ближневосточную политику России и определить ключевые направления интересов в среде зарубежных исследователей. Объект исследования состоит в изучении геополитического значения региона и способов отражения этого значения в исследованиях зарубежных учёных. Предметом выступают взгляды зарубежных исследователей на политику России на Ближнем Востоке. В статье проведён анализ различий и сходств в трактовках эффективности и последствиях действий России в регионе. Для достижения цели применялись общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция и дедукция. Исследование построено на принципах объективности, систематичности и последовательности. Основные выводы работы заключаются в том, что зарубежные исследователи относятся к политике России на Ближнем Востоке по-разному. Одни видят в этой политике конструктивный подход к развитию отношений со всеми странами региона, тогда как другие указывают на стремление России к укреплению своего влияния и интересов в определённых странах, а также попытку России нарушить и без того хрупкий баланс сил в регионе, который считается одним из самых напряжённых и нестабильных в мире. Исследователи отмечают, что в регионе Ближнего Востока Россия проявляет свои интересы, в том числе, с целью укрепления своей геополитической позиции и конкуренции с другими великими державами, включая США и Китай.

Ключевые слова:

Россия, Ближний Восток, историография, зарубежное востоковедение, конфликтогенный регион, региональная безопасность, геополитические интересы, международное посредничество, Арабская весна, Арабо-израильский конфликт

Ближний Восток – регион, который часто переживает напряжённые ситуации, одна из наиболее склонных к эскалации частей планеты. Он воспринимается Россией как сложная геополитическая территория, имеющая большое стратегическое значение, в том числе из-за его доступности к основным морским и торговым путям, близости к источникам энергии и путям их снабжения в Европу, а также к возможности, которую регион может предложить России, чтобы установить демонстративное присутствие против доминирования коллективного Запада. Этот регион – зона конкуренции и конфликтов

великих держав, а также стратегическое пересечение различных дипломатических, экономических и связанных с безопасностью целей, событий и процессов, также предлагает синтез различных региональных и глобальных интересов. По этим причинам Ближний Восток находится на важном месте в списке внешнеполитических приоритетов России.

С начала 2000 года Россия активно включилась в мировую политику, сосредоточив внимание на регионе Ближнего Востока. Российская Федерация участвовала в различных миротворческих операциях в регионе, включая Ливан в 2006 году и Сирию с 2015 года. Кроме того, Россия стала поставщиком вооружений для ряда государств в этом регионе, в том числе Ирану и Сирии.

Ближний Восток даёт возможность защитить свои геостратегические интересы, закрепить своё присутствие и расширить круг своего влияния в регионе за счёт поставок вооружений и военной помощи, наряду с развитием отношений и наращиванием его сотрудничества со многими странами региона. Более того, Ближний Восток – это площадка, на которой Россия может позиционировать себя как международного посредника и ведущего игрока, обеспечивающего региональную стабильность, и как сильную региональную державу. Это ставит в тупик США и других соперников – НАТО и ЕС – и сужает сферу их влияния.

Результаты и их обсуждение

Исходя из специфики исследуемого региона, сфера интересов России включает в себя потребность в обеспечении национальной безопасности. Согласно актуальной официальной доктрине, национальная безопасность определяется как состояние защищённости личности, общественных и государственных институтов от внутренних и внешних угроз. В рамках этого состояния обеспечиваются и реализуются конституционные права и свободы граждан, а также достойное качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, а также устойчивое социально-экономическое развитие.

Проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации актуализировалась в связи с дестабилизации исследуемого региона в результате «Арабской весны» 2010-2012 гг.

Сложность обеспечения национальной безопасности лежит в плоскости взаимоотношений России с теми странами Ближнего Востока, которые больше всего пострадали от потрясений начала 2010-х гг., приведших к гражданским войнам внутри этих государств, не имеющих, в следствии этого, на своих территориях стабильных политических и экономических институтов, а также являющихся оплотом международных террористических организаций, таких как «Аль-Каида», «Исламское государство» («ИГИЛ»), «Джебхат ан-Нусра» и других запрещённых на территории Российской Федерации, а также спонсируемых западными державами, бандформирований.

Подрывная террористическая деятельность упомянутых организаций на территории Российской Федерации, приводит к необходимости сохранения политических режимов, противостоящих радикальному исламизму. В рамках данного контекста, Россия поддерживает эти режимы как на вооружённом, так и на гуманитарном уровнях.

Всё вышеперечисленное является одной из ведущих причин заинтересованности Российской Федерации в данном регионе в настоящее время, а также объектом пристальной рефлексии в среде отечественных специалистов, таких как И.Д.

Звягельская, С.Г. Лузянин, В.А. Аваков, С.Б. Дружиловский, А.В. Крылов, М.А Сапронова, И.В. Рыжов, Е.П. Тоцкая.

Вместе с тем, политика России на Ближнем Востоке вызывает интерес и споры у зарубежных исследователей. Некоторые считают, что Россия стремится к развитию конструктивных отношений со всеми странами региона, в то время как другие указывают на её стремление к укреплению влияния и экономических интересов в отдельных странах.

В своих исследованиях эксперты отмечают, что Россия пытается укреплять свои отношения со странами Ближнего Востока, используя для этого дипломатические и экономические механизмы. В этом контексте исследователи указывают на успешное развитие отношений России с Ираном и Сирией, о чем свидетельствует как высокий уровень торгового оборота между странами, так и военно-техническое сотрудничество.

В тоже время, другие эксперты отмечают, что Россия использует свои политические отношения и экономические интересы для того, чтобы пропагандировать свои военно-политические стратегии в определённых странах, например, в Сирии. Они также указывают, что Россия стремится сохранить свою военную базу в Сирии и таким образом укрепить своё влияние на регион.

Американский политолог, сотрудник Еврейского университета Балтимора и Университета Джонса Хопкинса (Балтимор, США), Роберт Оуэн Фридман в своей работе «Российская политика в отношении Ближнего Востока: наследие Ельцина и вызов Путина» пишет о том, что, учитывая резкое ослабление геополитических позиций после распада Советского Союза, Москва была вынуждена переориентировать свою внешнюю политику [Freedman, 2001, p.64]. Проявляя растущую озабоченность по поводу новых независимых государств Центральной Азии и Закавказья, которые в России считают своим «мягким подбрюшьем», российская политика уделяет особое внимание Ирану и Турции. Россия установила тесный тактический союз с Ираном, который не только был крупным покупателем российских ядерных реакторов и военного оборудования, но и разделял с Москвой общий политический подход к событиям в Афганистане, Таджикистане и Азербайджане. Отношения России с Турцией были более неоднозначными, хотя к тому времени, когда Владимир Путин занял пост президента России, отношения сместились в сторону более тесного сотрудничества, особенно в области энергетики.

Тем не менее, по мнению другого специалиста по данной теме, старшего научного сотрудника и руководителя программы Средиземноморья и Ближнего Востока в Институте международных политических исследований (Милан, Италия) Валерии Талбот в работе «Роль России в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Стратегия или оппортунизм?», написанной совместной с Кьяром Ловотти, Зиадом А. Аклом, Юссефом Шерифом, Кристофером Хартвеллом, Мирой Милошевич и Элеонорой Тафуро Амбросетти, утверждается, что политика борьбы с мировым терроризмом помогла в 2000-е гг. российским правящим кругам найти точки соприкосновения с США, а также выстроить благоприятные доверительные отношения с Израилем и Сирией [Talbot, 2019, p.57]. Однако, по мнению авторов, Россия малоэффективна в вопросах борьбы против терроризма в масштабах всего региона в отличие от её заокеанского «партнёра», но тем не менее её влияние будет экспоненциально возрастать во многом благодаря совместным действиям с Китаем.

Несмотря на совпадение интересов России и Китая в отношении необходимости

сдерживания радикального исламского экстремизма, их подходы к обеспечению стабильности в регионе различаются. Обе страны выражают опасение по поводу потенциальной политической нестабильности и народных протестов в связи с хаосом, возникшим на Ближнем Востоке с 2011 года. Они стремятся сохранить политический статус-кво в своих странах. Китай и Россия также обеспокоены распространением экстремизма из Афганистана или Ближнего Востока в Центральную Азию, которая граничит как с Китаем, так и с Россией. Однако, Россия сконцентрирована на использовании жёсткой силы, таких как торговля вооружением и военное вмешательство, в то время как Китай направляет свои усилия на стабилизацию региона с помощью экономической мощи, а не военных действий.

Похожего, но менее перспективного для России, мнения придерживается исследователь Арабского демократического центра Абдулла Мохаммед Али в своей статье «Внешняя политика России на Ближнем Востоке с 2011-2014 гг.» [Ali-essen, 2015]. Он утверждает, что Российская Федерация, из-за своего стремления к экономической и политической безопасности, не в состоянии в перспективе упрочить своё нарождающееся влияние на Ближнем востоке.

Объясняет это автор крайне ограниченными возможностями российских дипломатических акторов на более тесное взаимодействие Российской Федерации с ведущими странами региона. Данное сотрудничество, по мнению автора, носит сугубо экономический характер и не стремится выходить за его рамки в отличии от практик Соединённых Штатов, которые стремятся полностью интегрироваться в политico-экономические процессы рассматриваемого региона. Поэтому цель России в арабском регионе – это сохранение баланса сил.

Кандидат политических наук Университета Сакарья (Турция), Мелих Йылдыз, в своей статье «Военное измерение возвращения России на Ближний Восток» придерживается другой точки зрения. Он отметил, что во время холодной войны Советскому Союзу удалось создать сферу влияния на Ближнем Востоке [Yildiz, 2022, p.89]. Однако после раз渲ала Советского Союза в 1990-е годы Россия начала быстро терять своё влияние в регионе.

В настоящее время России удалось восстановить сферу влияния на Ближнем Востоке. Самым большим фактором этого успеха России является быстрое развитие её военных отношений с Сирией и Египтом в 2010-х годах. Политика Москвы в отношении гражданской войны в Сирии усилила российское влияние в Сирии и позволила ей более активно участвовать в событиях на Ближнем Востоке. Как и в советское время, растущее влияние России на Ближнем Востоке в последние годы в значительной степени достигалось военными средствами.

Иного мнения придерживается специалист по оборонной политике и политике безопасности России, доцент Политехнической школы (Париж, Франция), Изабель Факон. Будучи автором порядка 150 публикаций, в своей статье «Стремление России к влиянию в Северной Африке и на Ближнем Востоке», она резюмировала, что в ходе последних нескольких лет политика Москвы на Ближнем Востоке имеет отличительной особенностью способность грамотно и результативно пользоваться возможностями [Facon, 2017, p.8]. Тогда как возврат в начале ХХI века был неторопливым, и часть его потенциала была подорвана «Арабской весной», Москва смогла стать частью динамично развивающегося регионального ландшафта, действуя стремительно в большинстве направлений дипломатического спектра. Другим мотивом автор выделяет стремление России казаться сильнее, чем её экономика. Так, российские власти предпринимают попытки оказать

давление на Европейский Союз, чтобы получить выгоду от своих южных соседей. Эти мотивы находятся во взаимоотношении с готовностью российской стороны налаживать контакты со всеми акторами в регионе с целью получения сил и средств для действий в регионе, способных повлиять на безопасность России и её союзников, в особенности в Центральной Азии. Данные цели, поставленные Москвой, рассчитаны на реализацию в долгосрочной перспективе. Таким образом, Сирия, выбранная как место постоянного военного присутствия Вооружённых сил России, по всей видимости, остаётся одной из ключевых точек входа в политику региона.

Вопреки очевидному присутствию России на всех уровнях в регионе, что выделяется на фоне временного отсутствия Москвы на период 1990-х – начала 2000-х годов, Россия не предъявляет свои требования на региональное первенство. Обстоятельства указывают на то, что Ближний Восток, по всей видимости, не является главной целью российской внешней политики. Это заметно в структуре региональных приоритетов, представленных в новой концепции внешней политики, пересмотренной осенью 2016 года. Такие выводы подтверждают тот факт, что региональная политика России остаётся, в первую очередь, средством, направленным на реализацию более глобальных задач не только в своей внешней политике, но также и повестке дня в сфере обеспечения безопасности. Это прослеживается в ключе всё ещё ограниченного экономического развития России. Учитывая этот фактор, государства региона принимают во внимание расчёты усиленной России, зачастую становясь источником такого сближения. На примере Египта, сближение можно объяснить попыткой Каира натравить Россию и Америку друг на друга для получения большей прибыли. И это в условиях, когда необходимо выстроить определённую позицию западных стран по отношению к режиму президента Ас-Сиси. Таким образом, региональные акторы, сохранив свою независимость и несмотря на новообретённый ими политический и военный авторитет, они до сих пор считаются «чужаками на Ближнем Востоке».

По мнению доктора философии американского института мира (Вашингтон, США), Пола М. Картера, в статье «Понимание заинтересованности России в зонах конфликтов» утверждается, что при Владимире Путине глобальные амбиции России неуклонно возрастили, в том числе в нестабильных районах Ближнего Востока, Африки и Западного полушария [Carter, 2020]. По большей части действия Москвы в этих и других сферах противоречат интересам Запада и подрывают усилия по смягчению конфликта посредством широких и прозрачных процессов. В этом отчёте описываются факторы, которые, по-видимому, мотивируют интервенции Кремля в зоне конфликта, и они помещаются в более широкий контекст внешнеполитических интересов России.

В течение последнего десятилетия внешнеполитические амбиции России неуклонно возрастили, в том числе в зонах конфликтов или нестабильности на Ближнем Востоке, в Африке и в Западном полушарии. Нынешние действия России в зонах конфликтов обусловлены геостратегическими интересами и характером традиционного российского государства, глобальными политическими амбициями и моделями поведения, унаследованными от Советского Союза, а также политическими, экономическими и личными мотивами президента В. В. Путина. Прослеживается грубая общая схема интервенций Москвы в зонах конфликтов, основанная на близости к центру России: чем ближе к России, тем важнее традиционные геостратегические факторы и тем больше Кремль готов выделять ресурсы. В более удалённых зонах конфликтов, таких как Ближний Восток, Россия делает больший упор на глобально-политические или экономические и частные интересы и более избирательно использует свои ресурсы. Действия России в зонах конфликтов обычно прямо или косвенно противоречат

интересам Запада. Тем не менее, иногда Соединённые Штаты Америки и их союзники могут находить пространство для сотрудничества с Россией по конкретным вопросам в зонах конфликтов, как, например, в политике антитеррора.

В западной историографии, преимущественно американской, существует гипотеза о том, что Россия стремится занять место США в качестве главного посредника на Ближнем Востоке. Согласно этой гипотезе, Россия, используя свои успехи в Сирии как отправную точку, внесла трансформации в уже существовавший баланс сил в регионе, наладила контакты, повысив, таким образом, свой авторитет среди арабских государств Персидского залива. Соответственно, Москва широко демонстрирует лидерам стран региона, что, в противовес Соединённым Штатам, может быть надёжным партнёром. В этом ключе интересна статья американских исследователей Юджина Румера – бывшего офицера национальной разведки по России и Евразии в Национальном совете по разведке США и Эндрю С. Вайса «Краткий путеводитель по возвращению России на Ближний Восток» [Rumer, Weiss, 2019]. В ней они отмечают, что Кремль занимает высокие позиции на Ближнем Востоке, где военное вмешательство России в Сирии изменило ход гражданской войны в стране. Действия Кремля на Ближнем Востоке имеют глубокие исторические корни, но не следует преувеличивать потенциальное влияние России.

Похожему мнению придерживается иракский исследователь из Университета Анбара (Рамади, Аль-Анбар, Ирак) доктор Башир Хади Абдул Раззак в своей статье «Ближний Восток и его стратегические аспекты: теоретическое исследование» [Razzaq, 2021]. Рассматривая geopolитическую и геостратегическую важность Ближнего Востока для Российской Федерации, он во многом придерживается риторики западных коллег касаемо перспектив российской стороны по своему вмешательству в политику данного региона и её конкуренции с западными игроками, главным из которых являются США. Однако, в оценке перспективных возможностей РФ к отстаиванию своих политических интересов на Ближнем Востоке, автором прослеживается совершенно явные положительные достижения российской дипломатии в урегулировании конфликтов. Наглядным примером этого Абдул Раззак отмечает положительный исход в уничтожении запрещённой в России и в других странах террористической организации «ИГИЛ» на территориях охваченной гражданской войной Сирийской Арабской Республики, в которой Российская Федерация принимала непосредственное участие. Также Б.Х.А. Раззак делает акцент на том, что у Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки противоположные geopolитические цели в ближневосточном регионе. В то время как США стремятся укрепить своё стратегическое и экономическое доминирование в данном регионе, Российская Федерация стремится избегать такого американского диктата и сохранить свой суверенитет, учитывая свое современное мировое geopolитическое положение. Тем не менее исследователь, помимо объективных причин geopolитики России на Ближнем Востоке, также указывает и на субъективные моменты, а именно выступления российских официальных лиц к арабскому истеблишменту с требованиями сохранения христианских православных святынь и прав людей иных конфессий, находящихся и проживающих на территориях стран Ближнего Востока. Данный факт, автором исследования, указывается как один из мотивов участия российской стороны в сирийском конфликте.

Другая иракская исследовательница данной проблематики доктор Фатима Хусейн Фадхил аль-Мафраджи (Иракская ассоциация научных рукописей), в своей статье «Развитие российско-иракских отношений за период (2011-2019 гг.)», на примере сотрудничества России и Ирака, придерживается несколько противоположному преобладающему

западному мнению. Она полагает, что российская роль в регионе, это стремление в детерминировании себя как равного противовеса гегемонии США на Ближнем Востоке. С момента раз渲ла СССР данная тенденция, по мнению автора, актуализировалась в момент осуждения вторжения вооружённых сил США в Ирак 2003 года и борьбой с терроризмом [Fadhil, 2021]. Задача иракской стороны по отношению к Российской Федерации, как утверждает автор, в обеспечении прежде всего политico-экономического пространства для комплексного взаимодействия и сотрудничества двух стран в актуальных вопросах современности: от борьбы с терроризмом вплоть до формирования военно-экономического суверенитета и «многополярного» мира.

Турецкий аналитик Ирем Нур Кая (Стамбул, Турция) в своей работе «Ближневосточная политика России: внешняя политика и отношения (1992-2022 гг.)» [Kaya, 2023] проанализировала и объяснила внешнеполитическую стратегию России в ближневосточном регионе и дипломатические отношения России с государствами региона, путём их связывания с событиями, кризисами и движениями на Ближнем Востоке. Она отмечает, что богатые энергетические и водные ресурсы ближневосточных земель привлекают внимание многих государств мира. Ближний Восток, который рассматривается как поле политического соперничества западных государств, пытающихся максимизировать свою мощь, также привлекает внимание России. Противостоя западным государствам, организовавшим множество политических и военных интервенций с целью войти в регион, Россия заняла своё место в качестве защитника стран Ближнего Востока. Важнейшей причиной этого является желание России расшириться или расшириться на этих землях, завоевав доверие ближневосточных государств. Стремясь быть важным игроком в этом регионе, который рассматривается как международная политическая площадка, Россия действовала в духе беспроигрышной политики перед лицом кризисов и проблем в странах Ближнего Востока.

Кристофер М. Бланчард (Исследовательская группа Конгресса США, Вашингтон, США) в своей работе «Ближний Восток и Северная Африка: последствия российско-украинской войны 2022 года» обуславливает активность России на Ближнем Востоке тем, что внешняя политика Российской Федерации является результатом регулярных мер Кремля с целью восстановления политических, экономических и военных позиций в регионе, считавшемся когда-то значимой ареной советско-американского геополитического противоборства [Blanchard, 2023, p13.]. С другой стороны, в качестве возможных объяснений действий России, автор отмечает растущее соотношение военного потенциала России с и её стремлением вести международные отношения, соответствующие великой державе, а также желание России диверсифицировать экономические отношения в условиях западных санкций. Как отмечает автор, после февраля 2022 года множество стран Ближнего Востока были обеспокоены происходящим на Украине, однако большинство стран не ввели экономических санкций против российского правительства или лидеров российского бизнеса; некоторые страны, такие как Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), спокойно приветствовали приток российского капитала. Специальная военная операция привела к неопределенности положения России в энергетической сфере, на международных рынках нефти и природного газа. При этом существующие потоки торговли энергоносителями и торговые сделки подвергаются новому контролю, поскольку цены продолжают расти. Россия совместно с другими государствами являются участниками соглашения об управлении поставками нефти с Организацией стран-экспортёров нефти (ОПЕК), в которую входят несколько производителей из Ближнего Востока. Группа, также известная как ОПЕК+, до мая 2022 года действовала с планом, согласно которому предполагалось постепенное

увеличение добычи нефти. Резервные мощности по добыче сырой нефти в регионе и во всём мире, как правило, сосредоточены в Саудовской Аравии и ОАЭ. В начале мая 2022 года официальные лица Саудовской Аравии заявили, что, по их мнению, мировой рынок нефти обеспечен неестественно, и призвали к расширению глобальных инвестиций в добычу, для облегчения того, что они считают более важным. В июне официальные лица КСА и ОАЭ поддержали решение ОПЕК+ расширить намеченный объём добычи на июль и август 2022 года. Данные намёки, по мнению авторов, позволяют предполагать будущее похолодание между странами ОПЕК+, что негативным образом может сказаться на позициях России в данном регионе.

Однако, помимо нефти и газа, Россия, это крупный мировой игрок по оружейному бизнесу, треть всего оборота оружия в данном регионе покупается на российском рынке, в особенности теми странами, которых поддерживает российская сторона. С началом СВО данные потоки сократились, однако не настолько, чтобы можно было бы прекращать операции частных военных компаний в зонах конфликтов.

Интерес для исследования представляет работа израильского геополитического аналитика и исследователя Анат Хохберг Маром (Израиль) [Marom, 2023]. В своей статье «Внешняя политика России на Ближнем Востоке» она отмечает, что за последнее десятилетие, особенно за последний год после начала Специальной военной операции, внешняя политика России претерпела кардинальные изменения. Её участие в текущих крупных геополитических делах и её активная деятельность на международной арене не оставляют места для сомнений – президент Российской Федерации Владимир Путин прилагает огромные усилия для укрепления влияния России как великой державы и важного ключевого игрока в мировой политике. Нарушив существующий статус-кво и создав новый и сложный баланс сил с США и Западом. В соответствии с этим В. Путин действует – особенно с 2012 года – в направлении увеличения присутствия и влияния России на Ближнем Востоке, а также в Центральной Азии, Восточной Европе, Кавказе и Африке, ставя в тупик США и блокируя расширение НАТО и ЕС. Однако уже сейчас становится очевидным, что эскалация боевых действий на Украине приводит к критическому повороту на карте отношений и интересов Москвы на Ближнем Востоке. Решая свои задачи, Россия сочетает жёсткую силу (использование военных мер наряду с поддержкой безопасности) с мягкой (политические ценности, использование экономической и информационной силы). Через эту призму мысль о развале Советского Союза – воспринимаемая В. Путиным как самое пагубное событие XX века – заставили Москву «пересчитать маршрут». С момента вступления в должность в 2000 г. Путин действовал, чтобы обеспечить политическую стабильность и укрепить положение России как могущественной мировой державы, мотивируя это восприятием многополярной глобальной дипломатической карты и отчётливым антизападным подходом, который подпитывается опасениями вторжения и экспансии Запада в постсоветский регион, т.е. Кавказ, Среднюю Азию, Восточную Европу. В то же время В. Путин действует в направлении развития и укрепления отношений со странами Ближнего Востока, а именно с Ираном, Сирией, Израилем, Турцией и странами Персидского залива. Однако, несмотря на возрастающее военное и военно-морское присутствие России в регионе, её внешняя политика окутана двусмысленностью, непоследовательностью и многогранностью, которые служат её различным интересам и обязательствам в регионе.

Чтобы дать более точную оценку анализа российской внешней политики на Ближнем Востоке стоит обратиться к работе польского политолога и аналитика Витольда Родкевича (Центр восточных исследований, Варшава, Польша). В своей работе «Ближневосточная политика России. Региональные амбиции, глобальные цели» он

проводил комплексный анализ российской внешнеполитической стратегии в регионе [Rodkiewicz, 2017, p.36]. В первую очередь он отмечает, что политика России на Ближнем Востоке является элементом более широкой стратегии, направленной на создание международного порядка, способного защитить от вмешательства Запада во внутренние дела России, и гарантировал бы ей равнозначное положение с США. На практике это означает, что ближневосточная политика России зависит от глобальной стратегии Москвы в отношении Вашингтона. Своей целью на Ближнем Востоке Москва ставит создание регионального варианта того, что она считает лучшей моделью международного порядка, т.е. включать, помимо России, также региональные державы – Иран и Турцию, а также США; с условием, что Вашингтон будет готов сотрудничать с Россией на равных и откажется от своих «гегемонистских привычек». Вместе с тем, в долгосрочной перспективе политика России в отношении Турции состоит в том, чтобы ослабить связи, связывающие Анкару с США, НАТО и Западом, и включить Турцию в качестве «младшего партнёра» в новый региональный порядок, основанный на многополярности. В рамках этой политики Россия попытается наладить альтернативные экономические связи с Турцией, которые могли бы стать рычагом давления на Анкару. Однако уязвимости Турции перед российским экономическим давлением оказалось недостаточно, чтобы заставить её отказаться от своих стратегических приоритетов, с которыми России пришлось смириться.

Соглашаясь с мнением большинства экспертов, что в последние годы важнейшим стратегическим партнёром России на Ближнем Востоке становится Иран В Родкевич акцентирует внимание на том, что российско-иранские отношения были осложнены большим историческим наследием взаимного недоверия и отмечены соперничеством. А также то, что, не боясь в расчёте неудачные попытки развития более тесного экономического сотрудничества в различных сферах, для обоих государств остаётся общим приоритетом подрыв позиций США в регионе. Поэтому Москва и Тегеран рассматривают друг друга как стратегически незаменимых партнёров.

Говоря о сирийском конфликте, польский аналитик отмечает, что для России главной целью начала операции в Сирии было приостановить западную, а вернее, американскую политику так называемой гуманитарной интервенции. Москва рассматривает эту политику как geopolitically мотивированную и опасается, что в конечном итоге Россия сама может стать мишенью. Начало российской операции стало демонстрацией Вашингтону границ своих возможностей оказывать влияние на ситуацию в регионе и показать США, что им придётся учитывать мнение и интересы России как незаменимого игрока на Ближнем Востоке. Успехи России в поддержке режима Башара Асада и изменение хрупкого баланса сил в сирийской гражданской войне в его пользу, очевидно, укрепили амбиции Москвы на Ближнем Востоке. Это достижение, по крайней мере, в краткосрочной перспективе применения силы, подтолкнуло Москву попытаться построить новый региональный порядок, в котором Россия могла бы играть ключевую роль. Таким образом, наибольший риск для позиций России в регионе исходит от антииранского курса администрации Белого дома. Россия может оказаться перед выбором: сохранить «стратегическое партнёрство» с Ираном или столкнуться в прямом конфликте с США.

Бретт А. Шнайдер (Школа международных исследований Йозефа Корбеля Университета Денвера, Колорадо, США) в своей работе «Внешняя политика России на Ближнем Востоке: приоритеты и эффективность» провёл анализ установок внешней политики России по отношению к странам Ближнего Востока. Автор утверждает, что Россия в настоящее время не в состоянии преодолеть внешнеполитические барьеры, которые представляют собой взаимные выгоды с ближневосточными государствами. В связи с

этим, Россия не представляет серьёзной угрозы для расшатывания основных целей политики США в регионе. Автор отмечает, что Россия наиболее эффективна в осуществлении своих прагматичных целей, но малоэффективна в достижении абстрактных. Он выделяет 6 наиболее важных факторов для внешней политики России в регионе, среди которых борьба с международным терроризмом, поставки вооружения и военной техники, освоение месторождений природных ресурсов, прежде всего углеводородов, борьба за влияние на постсоветском пространстве, торговые отношения и восстановление статуса великой державы [Schneider, 2012, p.103]. По его мнению, за редкими исключениями с начала XXI века эти принципы стали определяющими в российской внешней политике на Ближнем Востоке.

Известный американский исследователь российской внешней политики Марк Норман Кац (Университет Джорджа Майсона, Вирджиния, США) в своей работе «Противоречивые цели, ограниченные средства: Россия на Ближнем Востоке» выделил ряд важных геополитических интересов на Ближнем Востоке, к числу которых он отнёс противодействие влиянию Запада, сдерживание суннитских джихадистских сил, регулирование цен на углеводороды и расширение российского экспорта в регионе [Katz, 2015, p. 6]. Однако, по мнению исследователя, успешно достигать эти задачи на Ближнем Востоке для России до сих пор затруднительно, поскольку они часто противоречат друг другу, средства России ограничены, а различные акторы политики, в том числе дружественные Москве режимы, иногда мешают российским амбициям. И пока В. В. Путин является лидером России, маловероятно, что Москва будет рассматривать геополитические интересы России в странах Ближнего Востока иначе, нежели сейчас. Сомнительно, может ли более демократическая Россия более позитивно относиться к усилиям по демократизации в странах Ближнего Востока и Северной Африки, учитывая, что западные демократические правительства давно поддерживают там авторитарные режимы.

Рассматривая особенности взаимоотношений России со странами ближневосточного региона, научный сотрудник Шведского института международных отношений (Стокгольм, Швеция) Арон Лунд в своей статье «Россия на Ближнем Востоке» приходит к следующим, довольно осторожным и скептическим для российской стороны, выводам. Во-первых, анализируя довольно продолжительный период взаимоотношений Российской Федерации, автор указывает на то, что российская политика постепенно изменяется по объективным и субъективным причинам [Lund, 2019, p.43]. Если в советский период Москва геополитически была более последовательной в своих намерениях на почве экономического, идеологического и военного противостояния с США как главного соперника социалистического блока, то с проигрышем в холодной войне, в настоящее время уже Российской Федерации пришлось и до сих пор приходиться выстраивать стратегию взаимоотношения со странами Ближнего Востока. Во-вторых, исходя из первого пункта, по мнению А. Лунда, российский истеблишмент, в ситуации экономических, политических и географических потерь после 1991 года, оказался недостаточно конкурентоспособен со странами Запада на «Ближневосточном ринге», что логичным образом должно подталкивать Кремль к проработке определённых внешнеполитических доктрин, соответствующих вызовам времени. Однако автор даёт ему не совсем адекватную оценку.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что зарубежные исследователи относятся к политике России на Ближнем Востоке по-разному. Одни видят в этой политике конструктивный подход к развитию отношений со всеми странами региона, тогда как

другие указывают на стремление России к укреплению своего влияния и интересов в определённых странах, а также попытку нарушить и без того хрупкий баланс сил в регионе, который считается одним из самых напряжённых и нестабильных в мире. Однако, все они делают выводы, что Россия играет значительную роль на Ближнем Востоке и активно влияет на политические процессы в этом регионе.

Исследователи отмечают, что в регионе Ближнего Востока Россия проявляет свои интересы, в том числе, с целью укрепления своей геополитической позиции и конкуренции с другими великими державами, включая США и Китай. В то же время, Россия активно использует дипломатические рычаги и экономические отношения для стабилизации ситуации в регионе и урегулирования международных конфликтов.

Одной из ключевых составляющих политики России на Ближнем Востоке является поддержка авторитарных режимов и региональных конфликтов. Зарубежные исследователи отмечают, что Россия активно поддерживает правительства Сирии, Ирана и других стран региона, что позволяет ей укреплять свое влияние и защищать свои интересы.

Тем не менее, ряд зарубежных исследователей указывают на то, что политика России на Ближнем Востоке не всегда успешна. Например, в случае Сирии, Россия столкнулась с противодействием со стороны других государств, таких как США и их союзники. Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что политика России на Ближнем Востоке может привести к ухудшению отношений с другими региональными актерами, такими как Израиль или Саудовская Аравия.

Библиография

1. Abdul Razzaq, B.H. The Middle East and its Strategic Dimensions: a theoretical study // Political Sciences Journal. [Electronic resource]. – URL: <https://jcopolicy.uobaghdad.edu.iq/index.php/jcopolicy/article/view/544/466> (accessed: 29.07.2023).
2. Abdulla Mohammed Ali-essen Abdullah. Russia's foreign policy on Middle East from 2011-2014 // Arab Democratic Center. [Electronic resource]. – URL: <https://democraticac.de/?p=16397> (accessed: 30.07.2023).
3. Blanchard C.M. Middle East and North Africa: Implications of the Russia-Ukraine War // Congressional Research Service. – 2023. – 30 p.
4. Carter P.M. Understanding Russia's Interest in Conflict Zones // United States Institute of Peace. – 2020.
5. Facon I. Russia's quest for influence in North Africa and the Middle East // Observatoire du monde arabo-musulman et du Sahel. – 2017. – 23 p.
6. Fadhil AL-Mafraji, D.H. The development of Russian-Iraqi relations for the period (2011-2019) // Political Sciences Journal. [Electronic resource]. – URL: <https://jcopolicy.uobaghdad.edu.iq/index.php/jcopolicy/article/view/596/450> (accessed: 29.07.2023).
7. Freedman R.O. Russian Policy toward the Middle East: The Yeltsin Legacy and the Putin Challenge // Middle East Journal. – Vol. 55. – 2001. – No. 1. – P. 58-90.
8. Marom A.H. Russia's Foreign Policy in the Middle East // IDSF. [Electronic resource]. – URL: <https://idsf.org.il/en/interviews-en/russias-foreign-policy-in-the-middle-east/> (accessed: 23.03.2023).
9. Katz M.N. Conflicting aims, limited means: Russia in the Middle East // POLICY BRIEF. – 2015. – № 201. – P. 1-7.

10. Kaya İ.N. Rusya'nın Orta Doğu Politikası: Dış Politikaveİlişkiler (1992-2022) // Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi. [Electronic resource]. – URL: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/72343/rusyanin_orta_dogu_politikasi_dis_politika_ve_iliskiler_1992-2022 (accessed: 03.08.2023).
11. Lund A. Russia in the Middle East // Publishing House of the Swedish International Institute. – 2019. – No. 2. – 52 p.
12. Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern policy. Regional ambitions, global objectives // Ośrodek Studiów Wschodnich. – 2017. – № 71. – 50 p.
13. Rumer E., Weiss A.S. A Brief Guide to Russia's Return to the Middle East // Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/24/brief-guide-to-russia-s-return-to-middle-east-pub-80134> (accessed: 26.03.2023).
14. Schneider B.A. Russian Foreign Policy in the Middle East: Priorities and Effectiveness // University of Denver. – 2012. – 112 p.
15. Talbot V. The role of Russia in the region of the Middle East and North Africa. Strategy or opportunism? // IEMed, European Mediterranean Institute. – 2019. – 114 p.
16. Yıldız M. Rusya'nın Ortadoğu'ya Dönüşünün Askeri Boyutu // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – Cilt: 9. – Sayı: 1. – ss. 83-107.
17. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. – 208 с.
18. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина: Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М.: Восток-Запад, АСТ, 2007. – 448 с.
19. Россия и страны Востока в постбиполярный период / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2014. – 368 с.
20. Рыжов И.В., Тоцкая Е.П. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000-2015 гг. В работах российских исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №4. С. 82-90.
21. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 25.07.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает политика России на Ближнем Востоке в период с 2000-го по 2023-й г., а также её рефлексия в исследованиях западных учёных и экспертов. Автор справедливо связывает высокую степень актуальности своего исследования с тем фактом, что ближневосточный регион представляя собой «зону конкуренции и конфликтов великих держав», синтезирует региональные и глобальные интересы, цели, события и процессы. Однако автор полностью проигнорировал свою обязанность раскрыть те теоретико-методологические средства, которые использовались при проведении исследования. Отсутствие такой рефлексии не может не сказываться на качестве исследования. Тем не менее, из контекста можно установить, что в процессе исследования применялись, прежде всего, концептуальный критический анализ (при изучении ключевых позиций западных экспертов по вопросу ближневосточной политики России), а также некоторые элементы

исторического и институционального методов (при анализе собственно самой политики России на Ближнем Востоке). Вполне корректное применение этих и некоторых других методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. В частности, выявлена и проанализирована поляризация позиций западных экспертов по проблеме российской политики на Ближнем Востоке, что опровергает широко распространённое досужее мнение о единстве представлений западных аналитиков. Выявлена также одна из ключевых составляющих системы представлений западных экспертов о политике России на Ближнем Востоке, которая состоит в том, что эта политика сводится к поддержке авторитарных режимов и разжиганию региональных конфликтов. В структурном плане работа не вызывает серьёзных нареканий: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Хотя рубрикация выглядит несколько странной – автор выделил всего три раздела: - неозаглавленную вводную часть, где ставится научная проблема и обосновывается её актуальность, но ничего не сказано ни о целях исследования, ни о его задачах, ни об использованной методологии; - «Результаты и их обсуждение», куда вошла собственно вся основная часть; - «Заключение», где подводятся итоги проведённого исследования и делаются выводы. Судя по названию второй части, автор попытался было реализовать принятую в международной науке структуру научных статей IMRAD, да по пути передумал, просто слил в одно название двух типичных разделов «Результаты» (буква «R» в аббревиатуре IMRAD) и «Обсуждение» (буква «D»), но упустив из виду, что данная схема научной статьи работает только тогда, когда есть ещё и раздел «Материалы и методы» (буква «M»), а без него весь смысл такой структуры утрачивается, поскольку фактически речь идёт о трёхчастной структуре: «Введение», «Основная часть» и «Заключение». И озаглавливать три таких части как-то уже и избыточно. Поэтому на будущее автору можно пожелать более тщательно продумывать структуру своих работ. В стилистическом плане также есть некоторые некритичные претензии. В тексте встречается некоторое (незначительное) количество стилистических (например, некоторая двусмысленность в заглавии статьи «Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000-2023 гг. в работах зарубежных исследователей» – что именно анализируется? – политика России или работы зарубежных авторов? тем более, что в тексте анализируется и политика России на Ближнем Востоке, и отражение этой политики в работах зарубежных учёных; ещё одна двусмысленность: «Тогда как возврат [к чему? – рец.] в начале ХХI века был неторопливым, и часть его потенциала была подорвана "Арабской весной", Москва смогла стать...»; и ещё одна стилистически неудачная конструкция: «Вопреки очевидному присутствию России на всех уровнях в регионе, что выделяется на фоне временного отсутствия Москвы на [почему здесь предлог «на», а не «в»? кроме того, как можно «выделяться на фоне отсутствия»? вспоминается ильфо-петровское «наличие отсутствия» – рец.] период 1990-х – начала 2000-х годов, Россия не предъявляет...»; и ещё: «Такие выводы подтверждают тот факт... [вообще-то, в нормальной ситуации факты подтверждают выводы, а не наоборот – рец.]»; или странное выражение «перспективное мнение» в предложении «Похожего, но менее перспективного для России, мнения придерживается...»; другой пример странного выражения: «...В регионе Ближнего Востока Россия проявляет свои интересы... [обычно интересы "реализуют" или "отстаивают", но не "проявляют" – рец.]»; и др.) и грамматических (например, слитное написание указательного местоимения «то» с частицей «же» в предложении «В тоже время, другие эксперты отмечают, что...»; или ненужные запятые в предложении «Он утверждает, что Российская Федерация, из-за своего стремления к экономической и политической безопасности, не в состоянии...»; или написание названия научно-учебного заведения «Институт мира США» без кавычек и с прописных букв: «По мнению доктора философии американского института мира

(Вашингтон, США), Пола М. Картера...»; в этом же предложении стоит лишняя запятая; ещё одна лишняя запятая: «В то же время, Россия активно использует дипломатические рычаги...»; или несогласованное предложение: «Похоже~~ем~~У мнениЮ придерживается иракский исследователь из Университета Анбара...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 21 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам проходит красной нитью через всю работу, поскольку она посвящена анализу рефлексии ближневосточной политики России западными авторами.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей всем основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на некоторые незначительные недостатки, в работе содержатся результаты, обладающие признаками научной новизны и представляющие интерес для политологов, социологов, конфликтологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Белков А.Д. Индийский опыт регионастроительства как способ противостояния конкурентному регионализму в АТР и на Ближнем Востоке // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69877
EDN: IHQGKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69877

Индийский опыт регионастроительства как способ противостояния конкурентному регионализму в АТР и на Ближнем Востоке

Белков Александр Дмитриевич

ORCID: 0009-0003-7843-6656

магистр, кафедра Сравнительной политологии, Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ aleksanderbelkov@gmail.com

[Статья из рубрики "Региональные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69877

EDN:

IHQGKQ

Дата направления статьи в редакцию:

11-02-2024

Дата публикации:

18-02-2024

Аннотация: Предметом исследования является современное регионастроительство Индии на примере интеграционных объединений I2U2 и IMEC. Цель работы состоит в определении успешных методов и подходов Индии, которые она использует в интеграционных усилиях в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Изучаются успешные подходы Индии к процессу адаптации к новым вызовам на фоне усиления Китая в регионе. Основой работы является системный подход и анализ статистических данных, а также ивент-анализ и контент-анализ официальных документов, интернет-источников, используются исторический и институциональный методы, методы индукции и дедукции, применяются теории нового регионализма и трансрегионализма, а также теория региональных блоков безопасности. Актуальность исследования детерминирована

осложняющейся геополитической ситуацией, в которой России необходимо применять более эффективные практики для быстрой интеграции в этом регионе. Научная новизна состоит в применении теоретических наработок к практико-ориентированному исследованию эмпирически наблюдаемых регионализационных процессов в АТР. В условиях изменяющегося миропорядка Индия использует появившиеся возможности через новое регионастроительство, применяет подходы кооперативного регионализма и трансрегионализма, сотрудничает на всех интеррегиональных площадках. Она находит новых партнеров и рынки для своих товаров, участвует в интеграционных объединениях и выдвигает собственные транспортно-логистические проекты. Это помогает стране упрочить ее лидирующее положение. Интеграционный опыт Индии играет значимую практическую роль для России и для других государств, стремящихся к развитию и лидерству.

Ключевые слова:

Интеграция, Индия, кооперативный регионализм, Азиатско-Тихоокеанский регион, I2U2, IMEC, регионастроительство, конфликт, блоки безопасности, конкуренция

Введение

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – это самый перспективный и динамичный макрорегион мира. Первоначальные подходы к его пространственному определению современная политическая и географическая науки постепенно вынужденно пересмотрели. Изначально к АТР относили только страны и континенты, которые выходили непосредственно к Тихому океану, причем в основном, в Северном полушарии. Южная Америка, Австралия и часть Океании, а также Юго-Восточная и Южная Азии к АТР не относились. Однако, четыре этапа торгово-экономической либерализации в рамках расширения различных интеграционных механизмов привели к тому, что такие институты, как АСЕАН, АТЭС, ТТП, ВРЭП, BRI, I2U2, IMEC, постепенно охватили целый ряд стран и даже частей света, которые раньше к этому региону не причисляли. Процессы регионализации и постепенное включение разных стран и регионов в них привели к тому, что уже к 2004 году российский ученый А. Д. Воскресенский, вслед за рядом зарубежных исследователей, расширил понятие АТР. Он включил туда Южную и Юго-Восточную Азии, которые наряду с Восточной и Юго-Восточной Азиами, Австралией, а также Тихоокеанским побережьем Северной и Южной Америки составляют единый институционально объединенный многими площадками развивающийся «мегарегион» [\[1, с. 408-426\]](#). Подобной же трактовки придерживается политолог Г. В. Торопчин, называя его макрорегиональным [\[2, с. 94\]](#). Поэтому Индия неотделима от интеграционных процессов в АТР и является их активным участником.

В 1990-х гг. Индии пришлось пройти две волны модернизации и смену вектора политической и экономической интеграции. Ей пришлось совершить свой «поворот» на Восток, взаимодействуя со странами Персидского Залива. В то же время Индия стала одним из лидеров экономического сотрудничества в АТР и среди стран глобального Юга. Она качественно перестроила экономику и стала интересна для трансрегиональных игроков. В этой связи интересно будет рассмотреть индийский опыт региональной и глобальной интеграции, который показывает впечатляющие успехи.

Целью исследования является выявление успешных практик и методов, которые используются Индией в интеграционных процессах в АТР и на Ближнем Востоке на

современном этапе в качестве способа противостояния возросшему китайскому влиянию.

Объектом изучения служат интеграционные процессы в АТР и на Ближнем Востоке, а предметом является современное регионастроительство Индии на примере интеграционных объединений I2U2 и IMEC.

Актуальность работы продиктована осложнением геополитической обстановки, которая не позволяет России по-прежнему находиться в стратегии ожидания новых перспектив в Азии и требует освоения практических подходов, которые необходимо учесть для ее ускоренной интеграции в АТР.

Существует большой объем теоретических и методологических наработок, которые представляется перспективным применить к практико-ориентированным исследованиям наблюдаемых регионализационных процессов в АТР. В этом состоит новизна работы.

Теоретическая база и методы

Основой исследования является теория нового (открытого) регионализма и трансрегионализма [3-5], а также теория региональных блоков безопасности Б. Бузана и О. Уивера [6]. В работе используется анализ статистических данных и системный подход [7, с.17-18], качественный контент-анализ официальных документов, политологической прессы и интернет-источников, а также ивент-анализ, методы индукции и дедукции, применяются институциональный и исторический методы.

В виде системы рассматривается глобальный регион - АТР. Подсистемами являются интеграционные объединения и лидирующие государства, участвующие в институциональном строительстве в АТР. Элементами подсистем являются государства и негосударственные акторы. С точки зрения теории систем, элементы и подсистемы, а также сама система, стремятся к развитию через адаптацию к новым вызовам. Лидирующие государства региона, согласно теории региональных блоков безопасности, строят свою политику, опираясь на секьюритизацию, которую понимают шире, чем просто безопасность. Это явление более комплексное и включает в себя не только снижение военной угрозы, но и экономическую, социальную, экологическую и другие виды безопасности. Исходя из этого, они ищут и находят себе партнеров. Как правило, государств должно быть больше двух, и они должны быть достаточно гомогенны в своем представлении внешнеполитических целей. Изучаются подходы Индии, с помощью которых она адаптируется к внешним и внутренним вызовам через интеграционные усилия в АТР и на Ближнем Востоке.

Степень разработанности темы

Интеграционной политике Индии в АТР посвящены работы многих авторов. Так, политолог Н. Б. Лебедева рассматривает период с 1991 г., когда Индия провозгласила новый курс «Смотри на Восток», и его эволюцию до 2012 г., а также делает вывод, что большой опыт билатерального и мультилатерального сотрудничества со странами АТР позволит Индии подняться на новые вершины сотрудничества с партнерами и закрепиться в АТР [8]. С. И. Лунев обосновывает статус Индии, как мировой державы и считает ее глобальным игроком международных отношений [9]. Е. А. Брагина уделяет внимание созданию и усиливающейся роли специальных экономических зон (СЭЗ) Индии для улучшения торговых взаимодействий в АТР [10]. Экономист Н. В. Галищева в своем исследовании показывает пути постепенной интеграции Индии в мировую экономику и делает вывод о том, что в ближайшие годы Индию ждет ускоренное развитие,

увеличение потоков прямых иностранных инвестиций, переориентация на инновационные производства [11]. А. Г. Володин анализирует региональную интеграцию Индии в Азии, делая акцент на возрастающее значение внешнеэкономических связей Индии именно с Западной Азией [12]. Ю. А. Ильичева исследует взаимодействие в сфере безопасности Индии со странами АСЕАН и приходит к заключению о стратегической роли Индии в АТР [13]. Индийский ученый Мунгрешанг Хорам рассматривает стратегию восточного вектора внешней политики Индии, как великой державы, учитывающей влияние Китая, и подход Индии к блоку QUAD [14]. Коллектив исследователей Индонезийского Института экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии в своем докладе освещает проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются традиционные интеграционные объединения в АТР на современном этапе и приходят к выводу о том, что следует произвести переосмысление инвестиционных и торговых цепочек, подчеркивает важность этого процесса и отмечает усиление глобальной конкуренции за господство в сфере новых технологий [15]. Л. К. Бехера из специального центра исследований национальной безопасности Университета Д. Неру анализирует влияние объединения AUKUS на стратегию Индии в АТР [16].

Быстрое развитие новых интеграционных инициатив в АТР, происходящее у нас на глазах и вызвавшее к жизни новое регионастроительство со стороны Индии и ее партнеров, смещает фокус научного внимания к этим важнейшим мирополитическим процессам. Однако, существует определенный дефицит научно-исследовательских изысканий в данной области именно на современном этапе, что увеличивает актуальность данной работы.

Китайская инициатива BRI – катализатор нового регионастроительства

В сентябре 2013 г. на саммите в Алма-Ате председатель КНР Си Цзиньпин объявил о новом подходе к трансрегиональной интеграции между разными государствами и экономическими объединениями. В основу была положена идея общей судьбы и процветания на основе восстановления старых и формирования новых международных транспортных коридоров (МТК). Проект назывался «Один пояс – один путь». В современных исследованиях закрепилось название BRI (The Belt and Road Initiative) или ИПП (Инициатива Пояса и Пути). Согласно официальным документам КНР, впервые в основу институциональных трансформаций на пути к глобальной интеграции были положены не политические, ценностные или мировоззренческие подходы, а практическое стремление улучшить жизнь сотен миллионов людей на основе реализации общих транспортно-логистических и инфраструктурных проектов [17]. Глобальная торговля, и без того игравшая важнейшую интеграционную роль, стала еще одним фактором, объединяющим страны с разными политическими укладами, ценностными подходами, взглядами на демократию и права человека. Спустя десять лет, можно констатировать, что эта инициатива смогла преодолеть барьеры между прежде не готовыми на кооперацию государствами и стала кладезем успешных технологий и подходов для реализации новых модернизационных проектов в АТР. Опыт создания BRI учли и традиционные geopolитические конкуренты и партнеры Китая. Эти страны выдвинули целый ряд глобальных и региональных инициатив, в которых активно участвует Индия.

Индия, устремленная в будущее

Индия непрерывно реформируется с середины 1990-х гг. Несмотря на свой демографический и политический потенциал, она обладает всеми проблемами

развивающейся страны. Это, прежде всего, голод и нехватка чистой воды, недостаток энергии. Под угрозой многомерной бедности находятся миллионы человек. Поэтому любое правительство Индии вынуждено реагировать на эти вызовы национальной безопасности. Этим во многом детерминированы ее модернизационные и интеграционные усилия, а также современный подход к внешней политике.

В 2014 г. в Индии пришел к власти Наредра Моди, возглавляющий Индийскую народную партию (Bharatiya Janata Party), которая опирается на традиционные ценности индуизма. Он начал новый стратегический модернизационный проект развития страны. Индия взяла курс на всестороннее национальное развитие и достижение звания великой державы. Сначала упор был сделан на внутреннюю трансформацию и была запущена программа новой индустриализации «Сделайте в Индии» (Make in India). Для традиционно аграрной экономики была поставлена задача увеличить долю промышленности до 25% от ВВП. Чтобы преодолеть внутренние барьеры в виде системы каст и клановости в экономике, он провел ряд административных реформ, которые резко подняли Индию в рейтинге «Doing Bisness»[\[18\]](#). Были упорядочены налоговая и тарифная системы. Это позволило привлечь в Индию в рамках программы «Make in India» негосударственных участников трансрегиональных процессов, таких как ТНК и международные финансовые институты, что является проявлением ускорения глобализационных процессов[\[19\]](#). Растущей экономике Индии были крайне необходимы новые промышленные и транспортно-логистические мощности. Они реализовались в качестве свободных экономических зон (СЭЗ). Кроме льготного налогообложения, часть расходов на их создание индийское правительство возложило на себя. Индия впервые в АТР создала особый режим их функционирования. Были предусмотрены льготы для иностранных инвесторов. Все это, наряду с гарантией государства, вызвало взрывной рост прямых иностранных инвестиций. Их объем увеличился за год на 46% и составил \$56 млрд. с 2015 по 2016 гг.[\[20\]](#). В след за этим обычно следует экономический рост и региональная интеграция, что мы и имели возможность наблюдать.

Внешняя политика Индии стала гармоничным дополнением ее амбициозных целей. В АТР после старта реализации китайской инициативы BRI началась конкуренция среди ведущих держав за формирование новой архитектоники в сфере безопасности и экономического сотрудничества. Стали создаваться новые региональные площадки, которые должны упорядочить этот нестабильный регион. Основным направлением своей внешнеэкономической деятельности после распада СССР, важного экономического партнера, Индия сделала сотрудничество с развивающимися странами. Это была так называемая концепция поворота на Восток (Look East Policy)[\[21\]](#). Она была признана удачной, однако меняющиеся условия конкуренции в АТР потребовали корректировки. Индия оставила в приоритетах сотрудничество Юг – Юг, но при этом диверсифицировала его углублением взаимодействия с развитыми странами (Act East Policy)[\[22\]](#). Страна стала инициатором таких интеррегиональных объединений, как IBSA (India, Brazil, South Africa) и BRICS, в котором присутствует Россия. В рамках АТР Нью-Дели – активный участник Индо-Тихоокеанской четверки по безопасности QUAD (USA, Australia, Japan, India).

При этом, Индия остается членом политических интеграционных объединений, таких как «Группа двадцати» (G20) и ШОС. Нью-Дели стоит у истоков создания нового минилатерального объединения I2U2 (India, Israel, USA, UAE)[\[23\]](#), которое рассматривается, как Западно-Азиатская четверка по безопасности. Очевидная активность Индии во всех этих политических клубах свидетельствует о желании достичь

баланса со всеми ведущими мировыми игроками.

Традиционные формы интеграции, такие как АСЕАН, Восточноазиатский саммит по безопасности, не удовлетворяют возросшей турбулентности в АТР. Индия исходит из положений «Одна Земля, одна семья, одно будущее» («*Vasudhaiva Kutumbakam*») [24] и готова сотрудничать в сфере безопасности и дипломатических взаимодействий со всеми странами, кроме исторического оппонента – Китая. Нью-Дели беспокоит усиление китайского влияния, которое, вследствие успехов проекта BRI, вызывает напряжение в двусторонних отношениях с Пекином. Несмотря на это, экономическое сотрудничество Индии с Китаем продолжается. В 2022 г. между Индией и Китаем происходили столкновения из-за спорной территории Таванг. Хотя удалось снизить напряженность, Индия почувствовала себя уязвимой в связи с тем, что соседние страны, такие как Бутан, Мьянма, Бангладеш, Непал, Афганистан, Иран и Пакистан, стали политически тяготеть к Китаю в результате реализации проекта BRI. Кроме этого, Исламабад имеет территориальные претензии к Нью-Дели, которые неоднократно приводили к военным конфликтам. В настоящее время существует множество моделей регионализации, действующих по конкурирующему типу соперничающий регионализм [25]. Суть его в том, что создаются блоки, в которых глобальные игроки используют сотрудничество в качестве рычага воздействия для собственного господства в другом регионе. С точки зрения теории Б. Бузана и О. Уивера, такой блок можно рассматривать в качестве отдельного субрегиона [6, р. 15]. Как правило, государство, формирующее такую географическую группу, связано с его участниками общими политическими и экономическими целями. Китай фактически реализовал формирование нового регионального объединения, непосредственно прилегающего к Индии. В определенном смысле Нью-Дели оказался в субрегиональной изоляции и, стремясь выйти из нее, он стал предпринимать новые трансрегиональные усилия, чтобы упрочить свое международное положение. Индия изменила свое позиционирование со статуса региональной державы на позицию формирующегося глобального игрока. Именно с этим была связана реализация проектов, направленных на Западную Азию (Ближний Восток) и Европейский Союз (ЕС). Также Индия стала откликаться на американские предложения по сотрудничеству, в том числе, в сфере безопасности. Сначала был создан союз QUAD. Усилилось сотрудничество с Австралией и Японией. Затем появился политический союз I2U2 [26], а вслед за ним новый транспортно-логистический и экономический проект IMEC. В целом, многолетние интеграционные усилия Индии увенчались успехом, ее экспортный портфель сбалансирован и диверсифицирован (рис. 1). Как видно из рисунка, основными направлениями экспорта Индии являются рынки развитых стран, очень перспективным и бурно растущим вектором становятся премиальные рынки Ближнего Востока (стран Персидского залива). Проект IMEC предполагает присоединение к нему в будущем Турции, Египта и Североафриканских стран.

Рисунок 1. Распределение экспортных потоков Индии по странам в процентах от ее общего экспорта (на декабрь 2022 года). Создано автором на основе Trading economics: India Exports By Country. URL: <https://tradingeconomics.com/india/exports-by-country>

Обилие интеграционных площадок еще не означает, что все они работают достаточно эффективно. Часто это касается таких объединений, как разные форматы АТЭС, а также SAARC (Южно-Азиатская организация экономического развития). Иногда интеграционные процессы в них осложняются политическими кризисами и вызываемым ими снижением деловой активности. Обычно Индия охлаждает сотрудничество с плохо работающими структурами и странами. При этом, она всегда ищет альтернативу. Поэтому актуально рассмотреть опыт развития инициативы по безопасности I2U2, которая быстро перешла в плоскость конкретных, реализованных экономических проектов IMEC.

IMEC – возможный стратегический союз

Созданный на саммите I2U2 в июле 2022 г. проект экономического коридора Индия - Ближний Восток – Европа (IMEC) стал естественным развитием многолетних отношений в сфере безопасности и международной торговли между Индией, США, ЕС, странами Персидского Залива и Израилем.

Также отдельными сторонами договора стали крупнейшие экономики Европы - Германия, Франция и Италия. В основу договора положено улучшение коммуникаций между Индией и странами Залива, с одной стороны, и потребителем сырья и товаров в лице ЕС, с другой стороны. Ближний Восток исторически является конфликтным регионом. Современные события вокруг кризиса судоходства в Красном море только подтверждают необходимость поиска альтернативных транспортно-логистических маршрутов. В известной степени этот проект противопоставляется китайской инициативе BRI, хотя также его создание можно объяснить и естественным стремлением государств обеспечивать безопасность глобальных поставок на контролируемых союзниками территориях.

Структурными частями IMEC являются Восточный коридор, связывающий Персидский залив и Индию, и Северный коридор, простирающийся от Персидского залива до Европы через Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль [27]. Это мультимодальные перевозки с участием портовой структуры, железных дорог, автомобильных путей и транспортно-логистических парков. Отметим, что уровень готовности инфраструктуры очень высок.

Для реализации этих проектов необходимы инвестиции. Крупным инвестором выступили ОАЭ. Так, 13 февраля 2024 г. между Индией и ОАЭ был подписан инвестиционный двусторонний договор [28]. Величина вложений не разглашалась, но известно, что ОАЭ рассматривали в качестве возможных инвестиций в Индию сумму порядка \$50 млрд. [29]. Первые проекты в рамках формирующегося IMEC начались еще с 2022 г. Помимо строительства транспортной инфраструктуры, предполагается обеспечение энергетической безопасности, решение проблемы голода и недостатка чистой воды, сотрудничество в сфере космоса и здравоохранения [27]. Именно эти вопросы волнуют Индию и ее арабских партнеров. В основу программы положено создание огромных продуктовых парков, зеленой энергетики и инновационных цифровых технологий. Импорт технологий предполагается вести из США и Израиля. В Индийском Гуджарате рядом с портовой структурой планируется строительство современной электростанции, в которой энергия солнца и ветра будет сохраняться в специальных батареях для хранения [30]. Страны Европы и ЕС получают прибыль от предоставления своих портов и инфраструктуры, от транспортно-логистических операций и сокращают время доставки и операционные расходы на нее. За два года с момента своего создания инициативы I2U2 и IMEC дали самые быстрые результаты с точки зрения интеграционных процессов. Индийский ученый Манджари Сингх считает, что они имеют потенциал стать стратегическими [31]. Это конкретный пример кооперативной интеграции, где каждый партнер, используя свои возможности и ресурсы, получает измеряемую экономическую выгоду. Поэтому проект заинтересовал трансрегиональных игроков и имеет большие перспективы для окончательной реализации. Здесь в полной мере проявились положительные эффекты минилатеральных союзов, основанных на совместном понимании безопасности и взаимных экономических интересов. На возрастающую роль таких объединений в системе международных отношений указывают эксперты [32-33].

Заключение

Опыт Индии привлекает внимание тем, что в условиях быстро меняющегося миропорядка страна приобретает новые возможности через современное регионостроительство. Снизив шансы активно взаимодействовать с ближайшими соседями и получив достаточно враждебное окружение, Индия, используя дипломатию, глобальную торговлю и военно-политическое сотрудничество, находит новых партнеров, обретает новые рынки для своих товаров, активно участвует в интеграции через выдвижение собственных транспортно-логистических проектов. При этом, государство проводит независимую политику, сохраняя баланс между Севером и Югом, Востоком и Западом. Индия успешно использует подходы кооперативного регионализма и трансрегионализма, а также все интеррегиональные площадки для сотрудничества. Минилатерализм помогает находить векторы взаимодействия и открывать дорогу к дальнейшему развитию. Конечно, на пути любого интеграционного проекта могут возникнуть препятствия на фоне растущей международной нестабильности. Кооперативный подход и экономическая составляющая будут стимулировать находить пути решения кризисных ситуаций через взаимный учет интересов, что пока удается.

С точки зрения теории регионализма, страна, активно участвующая в региональной и глобальной интеграции, имеет лучшие перспективы дальнейшего успешного развития, чем страны, не проявляющие такой активности и не выдвигающие своих востребованных инициатив. Умелое использование практики нового регионастроительства помогает стране упрочить ее лидирующее положение. В этой связи интеграционный опыт Индии имеет большое практическое значение, как для России, так и для других государств.

Библиография

1. Воскресенский А.Д. Восточная Азия и/или АТР: состав региона / Современные международные отношения и мировая политика/ под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.
2. Торопчин Г.В. АТР или ИТР? Территориальные рамки и смысловое наполнение // Проблемы Дальнего Востока. 2020, № 5, С. 89-103. DOI: 10.31857/S013128120012463-0.
3. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 2 (23). С. 14—25. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25
4. Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм — новый феномен мировой политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. №
5. С. 71—84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.0 5. Hännig, Heiner; Roloff, Ralf; Rüland, Jürgen. Interregionalism and International Relations. Oxon: Routledge, 2006.
6. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Relations // B. Buzan, O. Waever. Cambridge, 2003.
7. Дегтерев Д. А., Истомин И. А. Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 11. С. 17–30. DOI:10.20542/0131-2227-2015-59-11-17-30
8. Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №3. С. 144-171.
9. Лунев С. И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика, №2 (8), 2012. С. 90-104.
10. Брагина Е.А. Индия: создание специальных экономических зон. ИМЭМО РАН, 2016. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-sozdanie-spetsialyinikh-ekonomicheskikh-zon> (дата обращения: 05.02.2024)
11. Галищева Н. В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 2(53). С.71-89. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89.
12. Володин А. Г. Индия в мире регионализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 178-191.
13. Ильичева Ю. А. Особенности сотрудничества Индии со странами АСЕАН в области безопасности в регионе Юго-Восточной Азии // Национальная безопасность / nota bene. – 2019. – № 3. С. 36-46. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.3.29990
14. Mungreishang Horam Contextualizing India's "Act East" Policy Within the Geopolitical Dynamics of the Asia-Pacific Region // Indian Journal of Asian Affairs, Vol. 35, No. 1 (June 2022), pp. 58-72.
15. Prakash A., Garcia Herrero A., Czapnik B., Chen L., Shrestha R., Verico K., Dash P., Hawke G., Chlissma Putra R. Regional Integration in Indo-Pacific: Connectivity, Cooperation, and New Supply-Chain Linkages /Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2023 / ERIA Research Project Report 2022 No. 19 (ed. by A. Prakash). URL: <https://www.eria.org/publications/regional-integration-in-indo-pacific-connectivity-cooperation-and-new-supply-chain-linkages/> (accessed 09.02.2024)
16. Behera, L. K. (2023). AUKUS and India's Indo-Pacific Strategy. International Journal, 78(3), 375-393. DOI:10.1177/00207020231197785
17. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century

- Maritime Silk Road. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, March 2015. URL:
https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2015zt/xjpcxbayzlt2015nnh/201503/t20150328_705553.html (дата обращения: 09.02.2024)
18. The World Bank: Doing Business. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings> (accessed 09.02.2024)
 19. Лагутина М. Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века //Сравнительная политика. 2015. №2 (19). С. 16-21.
 20. ТАСС: История реализации национальных проектов в разных странах. 11.02.2019. URL: <https://tass.ru/info/6101801> (дата обращения: 05.02.2024)
 21. Sinha D. India's Look East Policy and the Northeast. Ministry of External Affairs Government of India, April 25, 2016. URL: <https://www.meaindia.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?505> (accessed 11.02.2024)
 22. Kesavan K. V. India's «Act East» policy and regional cooperation Observer Research Foundation, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375> (accessed 11.02.2024)
 23. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2). The White House. 14.07.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 11.02.2024)
 24. Press Information Bureau: G-20 and India's Presidency. Ministry of External Affairs. 10.12.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1882356> (accessed 11.02.2024)
 25. Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261—278.
 26. House, The White (July 14, 2022). Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 11.02.2024)
 27. Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor. The White House. 09.09.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (accessed 12.02.2024)
 28. India News Network: ПМ Моди в Абу-Даби: Индия и ОАЭ подписывают двустороннюю инвестиционную договоренность, 13.02.2024. URL: <https://www.indiannewsnetwork.com/ru/20240213/pm-modi-in-abu-dhabi-india-uae-sign-bilateral-investment-treaty> (accessed 13.02.2024)
 29. Bloomberg: Abu Dhabi Weighs Investment Pledges Worth \$50 Billion for India. 02.11.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-02/abu-dhabi-weighs-investment-pledges-worth-50-billion-for-india> (accessed 13.02.2024)
 30. Galistcheva, Natalia, India and I2U2: Main Trends and Perspectives (May 31, 2023). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4465439> (accessed 14.02.2024)
 31. Manjari Singh. I2U2: A Strategic Bloc Or A Minilateral Partnership? The Defence Horizon Journal. 21.07.2022. URL: <https://www.thedefencehorizon.org/post/i2u2-strategic-bloc-minilateral-partnership> (accessed 14.02.2024)

32. Mladenov N. Minilateralism: A Concept That Is Changing the World Order? Apr 14, 2023 // The Washington Institute for Near East Policy. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/minilateralism-concept-changing-world-order> (accessed 14.02.2024)
33. Rajeswari Pillai Rajagopalan. Explaining the Rise of Minilaterals in the Indo-Pacific. Issue Brief № 490, Observer Research Foundation. September, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/research/explaining-the-rise-of-minilaterals-in-the-indo-pacific> (accessed 14.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена региональным аспектам экономического сотрудничества Индии с государствами АТР. Автор рассматривает современные интеграционные объединения I2U2 и IMEC как передовой опыт регионального строительства. Во введении достаточно обстоятельно обоснована актуальность исследования с точки зрения расширения geopolитического взаимодействия региональных держав в их противостоянии ведущих мировым союзам и объединениям. Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку современные исследования международной политики все больше концентрируются на ближневосточном регионе и регионе АТР. Методологические основы исследования весьма четко артикулированы, среди значимых методов обозначены анализ статистических данных и системный подход к изучению макро экономических процессов, а также контент-анализ доктринальных и нормативных источников. Таким образом, статья выполнена в междисциплинарном ключе на стыке экономических и политических наук с использованием современной социологической методологии. Статья обстоятельно структурирована, имеет тематические подзаголовки и соответствует общепринятой структуре публикаций IMRAD. Во введении сформулированы целевая установка и ключевые задачи исследования. Не вызывает сомнения теоретико-практическая значимость представленной публикации, поскольку в ней не только описана существующая степень научной разработанной и тематики регионастроительства, но и рассмотрены конкретные кейсы и индийская экономическая программа в ее глобальных измерениях. Отдельный интерес представляют аспекты международной политики, связанные со взаимодействием Индии и Китая. Научная новизна определяется системным подходом в сочетании со сравнительным экономическим анализом и контент-анализом основных стратегических документов. Статья написана хорошим научным языком, восприятие материала представляется достаточно удобным во многом потому, что используются иллюстрации и графики. Вместе с тем, автору следовало бы описать большее количество международных игроков, сотрудничающих со странами региона АТР. За рамками рассмотрения остались отношения Индии с Россией и США.

Список литературы представлен значительным количеством источников, среди которых работы российских, индийских и других зарубежных авторов. Автор использует более 30 источников, большая часть из которых не старше 5 лет. Автор исследования также использует статистические данные и эмпирические материалы, наглядным образом подтверждающие ключевые тезисы о региональной экспансии Индии в экономике региона АТР и за его пределами. Весьма оригинальными представляются практические рекомендации автора по повышению инвестиционной привлекательности индийских

экономических проектов и обозначение основных стейкхолдеров и игроков, среди которых, например, Объединённые Арабские Эмираты. Данная статья может дать рекомендована к публикации и представляет значительный интерес для читательской аудитории журналов Nota Bene. Вместе с тем, в качестве рекомендации автору предписывается направить данную публикацию в издание «Мировая политика» или «Международные отношения», поскольку ее тематика больше коррелирует с предметной областью данных журналов.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Исаилов А.Х. Роль северокавказской диаспоры в двусторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг. // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69730 EDN: YNKFLM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69730

Роль северокавказской диаспоры в двусторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг.

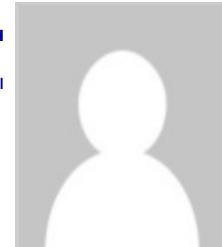
Российский университет
дружбы народов
RUDN University

Исаилов Адам Хамзатович

Аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Миклуха-Маклая, 6

✉ adam-kadet@mail.ru

[Статья из рубрики "Революции и национально-освободительные движения"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69730

EDN:

YNKFLM

Дата направления статьи в редакцию:

01-02-2024

Дата публикации:

07-03-2024

Аннотация: В статье рассматривается влияние северокавказской диаспоры (мухаджиров) на отношения Османской империи, а позже Турции и России в контексте создания Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана в одноименном регионе в период конфликтов – Гражданской войны в России и Войны за независимость Турции. Окончание Первой мировой войны ознаменовалось падением крупнейших европейских

империй, среди которых Российской и Османская. Данные катаклизмы привели к росту конфликтности в регионе. Кроме того, эти процессы способствовали росту национального самосознания народов, входивших в состав названных государств. При этом социальный подъем происходил не только в стране-исхода, но также и в диаспоре, которая, используя свое общественное положение в стране-приема, пыталась влиять на внешнюю политику в угоду реализации своего исторического "мифа". В свою очередь диаспора параллельно выступала в качестве неформального "инструмента" в отношениях России и Турции. В ходе исследования были использованы общенаучные методы такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, единство исторического и логического. Была использована широкая источниковая и историографическая база. В ходе исследования было выявлено, что представители диаспоры имели двойную самоидентификацию: с одной стороны у них сохранялся «миф» об исторической родине, с другой они считали себя верноподданными Османского государства. Исходя из их двойственной самоидентификации, проистекала их деятельность и политика турецкого государства на Кавказе, образовывая некий симбиоз. Так внешнеполитические интересы государства переплетались с желанием мухаджиров вернуться на родину. При этом страна-исхода хоть и активно сотрудничала с диаспорой, но также преследовала свои интересы. Однако по мере угасания революций в России и Турции и укрепления государственного аппарата двух стран фактор диаспоры стал снижаться – над интересами отдельных этнических групп возобладали интересы общегосударственные.

Ключевые слова:

Горская республика, Турция, Россия, Гражданская война, революция, мухаджиры, конфликт, Северный Кавказ, Чечня, диаспора

Положение диаспоры мухаджиров в Османской империи на момент начала Первой мировой войны (1914 г.)

Чеченская диаспора в Османской империи начала активно формироваться в результате явления мухаджирства. После окончания Кавказской войны около 5 тыс. чеченских семей покинули Чечню, и под влиянием царской администрации и турецких эмиссаров отправились в Османскую империю.

Чеченские мухаджиры расселились преимущественно в районе Диярбакыра в современной Турции, Рас-эль-Айна на территории современной Сирии и после 1901 г. в г. Аз-Зарке на территории современной Иордании. Чеченцы сталкивались со значительными трудностями, среди которых можно выделить эпидемии тифа и холеры [1]. Другой значительной проблемой являлся ближневосточный климат, непривычный для ведения сельского хозяйства выходцам из Северного Кавказа. Мухаджиры на Ближнем Востоке и Малой Азии чаще всего получали плодородные, но необработанные, «дикие» земли, также в современных Сирии и Иордании османские власти рассматривали горцев в качестве колонизаторов и выдавали им значительные по размеру земельные наделы, превосходившие земли местных арабских крестьян [2].

Активно горцы привлекались и к парамилитаристской службе на окраинах империи, в частности, для противостояния армянам, друзам и бедуинам на территории современной Турции и государств Ближнего Востока [3]. Кроме того, сultанская власть видела в горцах инструмент для проведения своей кавказской политики. В представлении Стамбула горцы-мухаджиры могли стать костяком национальных воинских формирований

на гипотетическом русско-турецком фронте и направлены на Кавказ, где также должны были стать костяком национальных восстаний против российской власти.

Активное привлечение мухаджиров османскими властями к добровольной военной службе привело к тому, что к 1908 г., когда власть в стране захватили младотурки, северокавказцы стали неотъемлемой частью османской элиты. К примеру, Шевкет-паша – потомок чеченских эмигрантов, занимавший в разные периоды времени, посты военного министра, министра иностранных дел и великого визиря Османской империи [\[4\]](#).

«Карьерный рост» мухаджиров привел к тому, что у диаспоры, помимо «мифа» об общей родине – Северном Кавказе, который должен быть независимым и куда они вернутся, появилась еще одна идентичность – османская. Учеба в османских учебных заведениях, в том числе и военных, а также представление об Османской империи, как об общем доме мусульман, способствовало укреплению новой идентичности [\[5\]](#). Таким образом общая идентичность мухаджиров состояла в представлении об общей родине, борьбе за ее независимость, а также в представлении об Османской империи как о новом, пусть и во многом и временном, но все-таки доме, с которым чеченскую диаспору связывала общая судьба.

К примеру, Эшраф Сенсер Кушчубаши, один из основателей османских спецслужб, сказал, что, будучи черкесом, он не может не мечтать о свободном Дагестане (*прим. автора: под Дагестаном часто подразумевали весь Северо-Восточный Кавказ, в свою очередь Эшраф Сенсер, будучи черкесского происхождения из племени убыхов, мог иметь в виду весь современный Северный Кавказ*) но в первую очередь он мусульманин, подданный османского султана, который говорит на турецком языке [\[5\]](#).

На начало XX в. приходится последний этап массовой эмиграции чеченцев из Чечни в Османскую империю. Так, в 1903 г. группа чеченцев прибыла в современную Иорданию и основала г. Аз-Зарка. К 1909 г. другая группа чеченцев совместно с черкесами также в Иордании основала и/или дала новый импульс к развитию селам Сувейлих, Сухна и Русейфа [\[6\]](#).

После прихода младотурков из партии «Единение и прогресс» к власти в 1908 г. началась «золотая эра» для мухаджиров и их потомков. Помимо интеграции северокавказцев в османскую элиту, северокавказцы получили возможность создавать свои общественные организации и средства массовой информации. Первым стало Черкесское общество взаимопомощи, которое объединяло представителей черкесских народов, а также взяло под свою опеку представителей других народов Северного Кавказа [\[7\]](#). Данная организация ставила своей целью поддержку представителей Кавказа до появления возможности реатрироваться на родину. При ней же начинает выходить первая черкесская газета «Çerkes Yardımlı ma Derneği» («Черкесская ассоциация помощи») на турецком языке [\[8\]](#).

Первая мировая война и северокавказская диаспора в Османской империи

В 1914 г. с началом Первой мировой войны в Стамбуле была учреждена общественная организация, ставившая перед собой политические цели, по освобождению Кавказа от российской власти – Комитет народов Кавказа (КНК), который объединял как представителей Северного Кавказа, так и Закавказья. Целью организации было добиться независимости Кавказа от России и создание общекавказского конфедеративного государства во главе с одним из османских принцев. Однако уже в

1916 г. КНК покидают представители Закавказья, и на его месте образуется Комитет политических эмигрантов Северного Кавказа (КПЭСК), который вел активную политическую и общественную деятельность с целью реализации своих интересов [9]. В 1916 г. КПЭСК принял участие в Конгрессе угнетенных народов в г. Лозанне, представителем которого выступил внук имама Шамиля – Саид Шамиль, речь которого участники Конгресса встретили овациями [10].

С началом Первой Мировой войны КНК, а затем КПЭСК развернули активную политическую деятельность по достижению своих целей. Первоначально северокавказцы пытались использовать османские спецслужбы и генералитет для достижения своих целей. Значительное число мобилизованных кавказцев и офицеров из числа мухаджиров было сконцентрировано на Кавказском фронте Первой мировой войны. Предполагалось создать на их основе «национальную армию» из числа мухаджиров под патронажем Османской империи. Значительную роль в лоббировании интересов северокавказской диаспоры играл абазин Фауд-паша. Однако неудачи на Кавказском фронте вынудили Османскую империю отложить данные планы, в связи с чем потомки мухаджиров обращаются за помощью к германским и австро-венгерским органам власти с предложениями по поддержке деятельности мухаджиров по возвращению в родные края и объявления независимости Кавказа и созданию под их патронажем национальной армии, чего также не произошло [11].

Кроме того, профессор Школы военно-морских аспирантов США Р. Джинджерас отмечает, что в период Первой мировой войны османские власти вербовали горцев на службу в Особую организацию – ключевую османскую спецслужбу, предпочтая повышать автономность северокавказских подразделений [5], вероятнее всего целью этой политики было формирование, как раз, национальной кавказской армии и налаживание связей между османами и мухаджирами с одной стороны, и горцами Кавказа с другой.

Северный Кавказ и диаспора в условиях революционных событий 1917 года в России

Февральская революция в России в 1917 г. привела к обострению национального вопроса в Российской империи, многие народы, населявшие страну, увидели возможность для реализации своего права на самоопределение как в рамках России, так и вне ее. Исключением не стал и Северный Кавказ. В мае 1917 г. во Владикавказе прошел Съезд северокавказских народов, который провозгласил создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (далее – Союз; Горская Республика). Председателем ЦИК Союза был избран чеченец, царский офицер Абдул-Межид Чермоев. Изначально Союз рассматривался не в качестве независимого государства, но в качестве одного из «штатов» в форме конфедерации, создающейся новой демократической и федеративной России [12]. Так, в Политической платформе Союза от 7 мая 1917 г. подчеркивалось, что Союз ставит своей целью сплочения народов и племен горцев Кавказа и осознает себя «...нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья...» (Политическая платформа и программа Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана).

Примечательно, что в тот же период диаспоральное Общество единения Кавказа, действовавшее преимущественно в Османской империи, 20 ноября 1917 г. направило обращение властям Четверного союза, а также еще непризнанной и едва существующей Польши, центральному правительству России, Украинскому комитету, Стокгольмским и

Бернским мирным конференциям «...признать Кавказскую Конфедерацию в составе Российской Союзной Республики...» [\[11\]](#).

Провозглашение Союза встретило поддержку и со стороны главной общественной организации мухаджиров в Османской империи – Черкесского общества взаимопомощи, которое начала оказывать помощь молодому государственному образованию учебной и научной литературой. Северокавказская диаспора сразу активизировалась, стремясь, наладить контакты между Союзом и османскими властями [\[3\]](#). Создание нового государственного образования заинтересовало и османские спецслужбы, так Особая организация направила на Северный Кавказ главного редактора черкесской газеты «Гуазе», издававшейся в Стамбуле, а также ряд офицеров черкесского происхождения для налаживания контактов с местными национальными силами, однако вскоре многие из них были вынуждены вернуться обратно [\[3\]](#).

В их представлении создание Кавказской Конфедерации дало бы им шанс вернуться в родные, свободные от угнетения края. При этом в данном контексте нельзя забывать, что к этому моменту у мухаджиров, а точнее у их потомков, было две родины: Кавказ и Османская империя.

Османская империя рассматривала Союз горцев Северного Кавказа в первую очередь в качестве geopolитического инструмента по достижению своей основной цели – создание буферного государства между Россией и Османской империей на Кавказе [\[5\]](#). При этом, как отмечалось выше, мухаджиры использовали османские возможности для достижения своей цели – создание независимого северокавказского государства. Таким образом, представители диаспоры с одной стороны выполняли свой долг перед Османской империей в качестве ее поданных, с другой стороны реализовывали свои личные устремления, образовывая тем самым симбиоз.

В начале марта 1918 г. видный представитель диаспоры, начальник штаба ВМФ Османской империи Хюсейин Рауф-бей встретился с делегацией Союза (делегация состояла из Г. Бамматова, А-М. Чермоева и М.-К. Дибирова) на Трабзонской мирной конференции. При его же поддержке была организована встреча делегации с султаном Мехмедом V, великим визирем Османской империи Талаат-пашой, министр обороны Энвером-пашой. В ходе встречи стороны договорились о создании независимого северокавказского государства, его объединения с Закавказьем. Само кавказское объединение должно было войти под турецкий протекторат, что отвечало османским интересам [\[11\]](#).

В апреле того же года представители диаспоры, входящие в высшие круги власти Османской империи, с целью координации своей деятельности организовали Общество Северного Кавказа. Председателем общества стал директор Османского национального телеграфного агентства полковник Хюсейин Тосун-бей, в него также вошли Фауд-паша, Хюсейни Рауф-бей, будущий глава МИД в правительстве Ататурка Бекир Сами-бей Кундух (сын российского генерала осетинского происхождения Мусы Кундухова, одного из организаторов мухаджирства), а также ряд других видных деятелей Османской империи кавказского происхождения. Общество Северного Кавказа оказывало посреднические услуги между правительствами Горской республики и Османской империи и, по мнению Г.В. Чочиева, способствовало радикализации позиции обоих акторов по вопросу независимости региона [\[9\]](#).

Однако обострение ситуации в России и Октябрьская революция привели к росту

стремления к полной независимости. 11 мая 1918 г. А.-М. Чермоев вместе с другими участниками ЦИК объявил о независимости Северного Кавказа от Советской России^[12]. II Съезд Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана принял конституцию, в которой уже не упоминались связи с Россией.

В преддверии объявления независимости северокавказская диаспора начала активно налаживать контакты между Союзом и младотурками в Османской империи. К моменту провозглашения независимости на Кавказе, как на Северном, так и на Южном, уже действовала Кавказская исламская армия во главе с генералом черкесского происхождения Фериком Юсуф-Иззет-пашой, состоявшая из османских солдат и офицеров кавказского происхождения^[13]. При этом действовать Юсуф-Иззет-паша начал еще до момента официального провозглашения независимости, т.е. до 11 мая 1918 года. Уже 20 апреля 1918 г. им была отправлена поздравительная телеграмма в связи со взятием Петровска (нынешняя Махачкала), в которой правда упоминается о падении старого режима, угнетавшего всех граждан России, а не только горцев.

Также 28 апреля 1918 г. до объявления А.-М. Чермоевым независимости главнокомандующий Кавказским фронтом турецкой армии Вехиб-Махмуд-Паши, протеже Шевкет-Паши, направил телеграмму на имя Председателя Закавказского правительства о признании Османской империей независимости Закавказья и об объявлении независимости Северного Кавказа. В ней же упоминается, что на предстоящей Батумской конференции должно случиться объединение Северокавказского и Закавказского проекта в единое кавказское государство.

В первые дни своего существования Горская республика продолжает политику, начатую еще северокавказской диаспорой в Османской империи, по налаживанию отношений с Германией и Австро-Венгрией. Во время Конференции в Батуми Горская республика объявила о своей независимости (nota об объявлении независимости была направлена властям РСФСР 13 мая). Отчасти при посредничестве Общества Северного Кавказа Горская республика была немедленно признана османскими властями, а 8 июня стороны заключили Договор о дружбе и сотрудничестве^[11].

Примечательно, что на предварительном заседании представителей делегаций, прибывших на Батумскую конференцию по вопросу допуска делегации Горской республики на конференцию 9 мая 1918 г., глава МИД Горской республики Г. Баммат заявил, что Северный Кавказ не собирается в ближайшее время провозглашать независимость от России, но намерен влиться в Закавказское государство.

31 июля 1918 г. диппредставитель Горской республики Г. Баммат направил письмо А.-М. Чермоеву о политике Турции и Германии в отношении Кавказа. Из письма следует, что Г. Баммату удалось установить крепкие отношения с северокавказской диаспорой в Турции. В письме он пишет следующее: «...С целью оживления нашей самодеятельности мне удалось двинуть вопрос назначения к нам Юсуф Изет Паши и организации добровольческих отрядов из беглых черкесов солдат. В этом направлении работал и Черкесский Комитет...» (Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН).

Далее, что особо важно, он пишет о своем стремлении создать «осведомительную делегацию» при содействии Черкесского комитета: «...Я стараюсь создать при содействии Черкесского клуба особую горскую осведомительную делегацию для поездки в страны Четверного союза и нейтральные страны для пропаганды нашего дела...» (Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН).

Также он отмечает помочь, которую оказывает Фуад Селим бей, посланник Османской империи в Швейцарии, который по происхождению из египетских черкессов.

Роль северокавказской диаспоры в событиях Гражданской войны в России на Северном Кавказе после окончания Первой мировой войны

После Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. горцы начинают искать союзников в лице Антанты, о чем свидетельствует сообщение Г. Бамматы от 24 ноября 1918 г., в котором он пишет, что ищет способы наладить связи с ведущими капиталистическими странами, среди которых Франция заняла позицию поддержки «великой и неделимой России», США, Япония сочувствуют, но не более, Британия после некоторых раздумий отказалась Г. Бамматы в праве посещения страны.

При этом сразу после поражения Османской империи и оккупации Антантою Константинополя политическую активность с новой силой возобновила и северокавказская диаспора. Так, делегация во главе с уже упомянутым выше Фауд-пашой направилась в британское посольство в Константинополе почти сразу после его оккупации, где провела переговоры с британским военным атташе. Делегация передала в ходе переговоров петицию на имя Правительства Его Величества, в которой были отмечены история формирования диаспоры, а также обращение за помощью: признать независимость Горской республики под протекторатом Великобритании и способствовать депатриации мухаджиров и их потомков на родину [\[14\]](#).

Однако центральный аппарат Форин-оффиса дал негативную оценку данным просьбам, считая, что Горская республика не в состоянии, учитывая полиэтничность региона, создать стабильное независимое государство. Также, другая экспертиза, которую проводил в том числе А. Тойнби, отметила невозможность возвращение адыгов на Западный Кавказ, считая, что это приведет к ухудшению отношений с «белыми», однако предлагал использовать ближневосточных кавказцев в качестве союзника на будущих подмандатных территориях [\[14\]](#).

Горская республика искала различные возможности сблизиться с потомками мухаджиров в Турции, рассматривая их с одной стороны в качестве лоббистского инструмента, с другой в качестве собратьев, которым надо помочь. В данном контексте примечательно письмо представителя Горской республики Х. Хадзрата в Константинополе для участия в мирной конференции председателю правительства республики П. Коцеву, написанное в феврале 1919 года. Письмо посвящено ситуации по организации Парижской мирной конференции и ее перспективам для Горской республики. Примечателен же в нем абзац, в котором Х. Хадзрат докладывает о встрече с турецкими черкесами в Стамбуле. В первую очередь их интересовала северная граница страны горцев, которая в их представлении должна доходить до Ейска. Второй вопрос – это желание 1,5 млн потомков мухаджиров вернуться на родину. В данном вопросе они просили всяческого содействия. В связи с этим вопросом, они познакомили Х. Хадзрата с текстом, подготовленного меморандума, который необходимо было предоставить на Парижской мирной конференции, для участия в которой они избрали особую делегацию во главе с уже упомянутым Сами Бекир-беем, который на той же конференции в 1921 г. будет совмещать и пост турецкого министра иностранных дел. Что также интересно, в этом письме сказано, что мухаджиры не относились к России с негативом и просили правительство Горской республики не обострять отношения с ней.

Здесь также стоит отметить, что широкие массы мухаджиров, разделяя цели независимости и возвращения на родину, не желали ссориться с Россией, и как заметил

М.В. Фрунзе во время своей поездки в Турцию, проезжая мимо селений мухаджиров: «... все старики, помнящие Россию, вспоминают о ней с любовью...» [\[7\]](#).

Заинтересованность в Северном Кавказе сохраняла и новая Турция во главе с Ататюрком. Так, Р. Джинджерас пишет, что через несколько месяцев после Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) были возобновлены контакты между Горской республикой и северокавказскими активистами в Стамбуле. В 1919 г. с визитом в Стамбул прибыли А.М. Чермоев и Г. Баммат, где встретились с мухаджиром. Об итогах встречи было доложено М. Кемалю, который по итогам встречи направил на Кавказ тайную миссию, состоящую из трех представителей черкесской диаспоры: Исмаила Хакки (одного из офицеров Кавказской исламской армии), турецкого учителя черкесского происхождения Азиза Мекера (в 1932 г. будет занимать пост заместителя министра сельского хозяйства Турции) и Мустафы Бутбы (в 1919 г. член комиссии по разработке национальных алфавитов, создал абхазо-черкесский алфавит на латинской основе).

В августе-сентябре 1919 г. Конференцию политических деятелей Северного Кавказа в Тифлисе посетил Бекир-семи Кундух. В ходе Конференции он заявил следующее: «Мы, эмигранты, образовали комитет и желали переселиться к себе на Кавказ. Правда, это нам с самого начала не удалось; теперь мы, эмигранты, вновь заговорили о переселении. В этом отношении и турецкое правительство шло нам навстречу. В тяжелую минуту для горцев мы хотели оказать им помощь, но это не удалось вследствие того, что лица, собравшиеся в свое время в Батуме, не сошлись во мнениях...», – также он пообещал содействие черкесов-мухаджиров в борьбе за независимость Кавказа.

В феврале 1920 г. Б.П. Шеболдаев писал командиру повстанческих отрядов на Северном Кавказе Н.Ф. Гикало о том, что Британия готовит провокацию с целью поссорить РСФСР и Турцию. Англия планировала, признав независимость Турции, а также используя Кавказскую исламскую армию Нури-паши, состоящую из мухаджиров, стравить две революционные страны и не дать большевикам закрепиться на Кавказе. Что, в принципе, находилось в интересах британцев, которые с момента революции боялись усиления Германии и ее союзников на Кавказе, но также не стремились признавать Горскую республику до решения вопроса с большевиками [\[13\]](#).

Здесь также необходимо отметить, что правительство Аттатурка не отказывалось от поддержки горцев Северного Кавказа, как минимум, на словах. Так, в апреле 1919 г. Аттатурк заявил, что черкесы стремятся к достижению своих целей и добиваются их в сердечном сотрудничестве с Турцией. Он добавил, что стремления горцев и турков к достижению национальной независимости близки по духу [\[5\]](#).

Однако по мере сближения Советской России и Турции поддержка стремлений горцев к независимости со стороны Аттатурка постепенно снижалась. Так, одним из требований со стороны РСФСР было признание установление советских республик на Северном Кавказе и в Средней Азии. При этом часть мухаджиров, судя по всему, поддержала проект советского национального строительства. Так, Азиз Мекер заявил, что большевики вернули местному населению земли, украшенные в свое время казаками [\[5\]](#).

К началу 1920 г. большая часть Северного Кавказа была захвачена большевиками, лидеры Горской республики встретили эту новость в Париже на мирной конференции, в силу чего остались в эмиграции [\[12\]](#).

В мае 1920 г. происходит Национальный съезд горцев Северного Кавказа в чеченском селе Ведено, где горцы-большевики разругались с горцами-сторонниками полной

независимости и покинули съезд. Съезд избрал своим руководителем сына Имама Шамиля – Мухаммеда-Камиля пашу, проживавшего в Османской империи^[15], по некоторым данным в г. Медине на территории современной Саудовской Аравии^[16]. Однако, будучи тяжело больным, он направил в качестве своего представителя своего сына – Саида Шамиля, который в будущем будет также иметь тесные связи с кавказской белоэмиграцией. Исследователь Султан Мурад, не называя года, отмечает, что в Стамбуле также был проведена конференция лидеров северокавказских мухаджиров, которые порекомендовали Мухаммеду-Камилю паше отправиться на Кавказ, взяв с собой по два помощника от чеченцев и черкесов. Вскоре участники конференции были арестованы британскими оккупационными властями^[16].

Ранее Саид Шамиль посетил Иорданию, где познакомился с лидером чеченцев в поселке Сухна Султаном Мурадом, а также с рядом других представителей мухаджиров в Иордании. Вместе к концу лета они добрались до Северного Кавказа. Однако, потерпев поражение были вынуждены вернуться^[16]. Данный эпизод свидетельствует, что чеченцы и черкесы, жившие на арабских территориях бывшей Османской империи, несмотря на турбулентность в местах их постоянного проживания, не забывали про землю предков и стремились поддерживать с ней связь.

Фактор Северного Кавказа и диаспоры в двусторонних отношениях РСФСР и Турецкой Республики на фоне окончания Гражданской войны в России в 1920– 1921 года

Летом 1920 г. турки основали первую постоянную дипломатическую миссию в РСФСР, во главе которой поставили Али Фуата Джебесоя, имевшего смешанное черкесско-немецкое происхождение, главой же МИД Турции стал также небезызвестный мухаджир Кундух Бекир-семи^[5]. В самом посольстве многие сотрудники имели северокавказское происхождение, среди которых были уже упомянутый Азиз Мекер, Зеки Бей и другие. Это привело к тому, что часть сотрудников посольства жаловалось на то, что Посольство Турции в Москве превратилось в «черкесскую клику», поддерживающую активную связь с Северным Кавказом^[9].

В октябре 1920 г. на официальные переговоры в РСФСР прибыл Бекир-семи Кундух. В ходе переговоров его партнер глава НКИД РСФСР Г.В. Чичерин отметил нездоровий интерес Бекир-семи к проблемам Северного Кавказа. Также глава турецкого МИД пытался провести переговоры личного характера с правительством РСФСР. Он предлагал предоставить независимость Осетии взамен на то, что Турция уступит Армении территорию вокруг озера Ван. Поведение Бекир-сами вызвало значительное недовольство в Анкаре. Данный факт, а также ряд других причин, привели к его отставке в марте 1921 г.^[5].

После парафирования советско-турецкого договора о дружбе и взаимопомощи Бекир-семи отправился в «турне» по Северному Кавказу, где встречался с антибольшевистскими группами в Чечне, Ингушетии и Осетии, что вызвало раздражение советских властей. При этом он продолжал вести двойную игру, в тот же период он писал Г.В. Чичерину, что было бы неплохо создать на Северном Кавказе советскую республику, которая станет частью большой советской федерации. А перед возвращением в Анкару в январе 1921 г., в Тифлисе он встретился с главой МИД Горской республики Г. Бамматом^[14].

В этот период мухаджиры пытались установить параллельные контакты с большевиками

для достижения своих целей, в свою очередь турецкие власти хотели использовать Северный Кавказ в качестве предмета торга, который можно отдать за определенную цену, в первую очередь за счет увеличения помощи со стороны большевиков кемалистам [\[15\]](#).

Политическая активность представителей диаспоры мухаджиров по отношению к Горской республике встречало определенную критику со стороны общественности. Так, в одной из турецких газет была опубликован комментарий, в котором отмечалось, что кавказцы, конечно, должны переживать и имеют право думать о проблемах своей родины, но не должны забывать про свой долг перед Турцией [\[15\]](#).

20 января 1921 г. после окончания активной фазы Гражданской войны в России, в частности на Кавказе, была образована Горская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР, которая стала первым официально признанным горским государственным образованием. Горская АССР представляла из себя объединение национальных округов. Тем самым, проект, выработанный в Политической платформе Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана от 7 мая 1917 г. получил фактическую реализацию. Данный проект удовлетворял интересам России, самих горцев, Турции, а также значительной часть мухаджиров, проживающих в Турции.

Заключение

У диаспоры мухаджиров в начале XX сформировалось значительное влияние на жизнь османского общества. При этом для северокавказцев, как представителей диаспоры, важную роль играл «миф» о родине, в которую они обязательно вернутся и освободят. Кроме того, у представителей диаспоры присутствовала и сильная «османская» идентичность, построенная вокруг ислама.

С началом Первой мировой войны диаспора пыталась воздействовать на ситуацию на Кавказе в надежде подорвать тыл Российской империи. Тем не менее вплоть до 1917 года реальное воздействие диаспоры на ситуацию на Кавказе было крайне низким.

Ситуация изменилась после Февральской революции в России в 1917 году и формирования Горской республики, объединившей горцев Северного Кавказа. Это вызвало немедленный отклик диаспоры, которая начала оказывать различную посильную помощь новому государственному образованию в составе революционной России, более того диаспоральные организации призывали «...признать Кавказскую Конфедерацию в составе Российской Союзной Республики...». Кроме того, ситуацией на Кавказе незамедлительно воспользовались и османские спецслужбы, которые через офицеров черкесского происхождения пытались установить контакты с горцами.

Однако усугубление революционной ситуации в России и начало непосредственного вооруженного конфликта привело к провозглашению полной независимости Горской республики, что было незамедлительно поддержано странами Четверного союза не без поддержки северокавказской диаспоры.

Поражение стран Четверного союза, в частности Османской империи, в Первой мировой войне стало почвой для попыток Горской республики и мухаджиров начать искать контакты и поддержку в странах Антанты, которые, в свою очередь, не были заинтересованы в реальной поддержке горцев, поддерживая в России «белых» против «красных».

На фоне конфликтов России и Турции непосредственно или опосредованно с Антаной, две страны начали процесс политического сближения. Важную роль в двусторонних отношениях играл и «кавказский» вопрос. Большевики стремились сохранить Северный Кавказ в составе России, в свою очередь для Турции данный вопрос стал предметом торга в двусторонних отношениях. Более того, отношениями с Россией в дипломатическом ведомстве Турции заведовали черкесы. При этом по мере стабилизации политической ситуации в Турецкой Республике черкесы начали отходить на второй план, что было связано как и с внутренней политикой турецкого государства, так и с ролью самой диаспоры, которая при реализации внешней политики по отношению к РСФСР начала продвигать свои личные интересы, о чем, к примеру, свидетельствуют переговоры Бекир Сами-бей Кундуха с Г.В. Чичериным о предоставлении независимости Осетии в обмен на территорию вокруг озера Ван.

Библиография

1. Asan H. Kırım-Kafkasya Muhacirlerinin Karşılaştığı Sorunlar: Diyarbakır ve Çevresi Örneği // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. – 2021. – № 2. – P. 1941-1954.
2. Шавлаева Т.М. Хозяйственная деятельность чеченских мухаджиров в первые годы депортации // American Scientific Journal. – 2019. – № 28. – С. 9-12.
3. Chochiev G. On the History of the North Caucasian Diaspora in Turkey // Iran & the Caucasus. – 2007. – № 2 (11). – P. 213-226.
4. Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М., Магомедова Р. М., Гусейнова И. С. Военная элита Турции из потомков чеченских мухаджиров // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 420-425.
5. Gingeras R. The Sons of Two Fatherlands: Turkey and the North Caucasian Diaspora 1914-1923 // European Journal of Turkish Studies Social Sciences on Contemporary Turkey Complete List. – 2011. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/4424> (Дата обращения: 01.12.2022)
6. Бадаев С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность: монография. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат имени Революции 1905 г., – 2008. – 315 с.
7. Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи // Исследование по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2011. – № 226. – 38 с.
8. Celikpala M. From Immigrants to Diaspora: Influence of the North Caucasian Diaspora in Turkey // Middle Eastern Studies. – 2006. – № 3 (42). – P. 423-446
9. Чочиев Г.В. Турция, Кавказ и северокавказская диаспора во время и после Первой мировой войны // Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сборник статей. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, – 2014. – С. 21-35
10. Ершов В.Ф. Северокавказское зарубежье 1920-1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социально-культурная специфика // Архивы и общество: научно-просветительский журнал. – 2012. – № 22. – С. 121-133.
11. Чочиев Г.В. Кавказоориентированная деятельность черкесской политической элиты в Турции в 1918-1921 гг. // Грамота, – 2014. – № 4 (42). – С. 205-208.
12. Камбиев А.М. Абдул-Меджид Чермоев - первый глава Горской республики в годы Гражданской войны на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 81-1. С.21-23
13. Gülsen A. A Failed Independence Movement in the Context of the Great Powers

- Competition: The North Caucasian Struggle for Independence (1917-1920) // Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi SBE Dergisi. 2021. № 11 (1). P. 245-259
14. Чочиев Г.В. Британский документ о кавказскоориентированной деятельности черкесской политической элиты в Турции после Первой мировой войны // Журнал для ученых. 2014. № 11 (95). С. 106-109
15. Tsvetkova T. The North Caucasian Diaspora Factor in the Soviet-Turkish Relations (1919-1921) // Journal of Caucasian Studies. – 2021. – № 12 (6). – Р. 259-294
16. Sultan M. The Jihad of Said Shamil and Sultan Murad for the liberation of the Caucasus // Central Asian Survey. – 1991. – № 10 (1-2). – Р. 181-187

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда во второй половине XVI в. начинается процесс расширения Московского государства на восток, то формирующееся государство Российское постепенно преобразовалось в полигэтническое государство, в котором на пространствах 1/6 части совместно проживали этносы, отличающиеся языком, культурой, хозяйственным укладом и темпераментом. Президент РФ В.В. Путин справедливо отмечает, что «Россия рождалась как единое централизованное государство, как многонациональное и как многоконфессиональное государство, у нас это, по сути, с младых ногтей, с молоком матери все впитывалось». В то же время в силу ряда причин диаспоры различных российских народов широко представлены за рубежом, что вызывает важность в изучении роли диаспор в соседних государствах.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является роль северокавказской диаспоры в Османской империи (мухаджиров) в двусторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть положение диаспоры мухаджиров в Османской империи на момент начала Первой мировой войны, проследить влияние Первой мировой войны и северокавказской диаспоры в Османской империи, определить роль северокавказской диаспоры в событиях Гражданской войны в России на Северном Кавказе после окончания Первой мировой войны.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать влияние северокавказской диаспоры на жизнь Османской империи, а затем и Турции в переломный период 1914-1921 гг. Научная новизна определяется также привлечением документов из Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и турецком языках. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы С.С. Бадаева, Г.В. Чочиева, В.Ф. Ершова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения северо-кавказской диаспоры на Ближнем Востоке. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Северным Кавказом, в целом, так и северокавказской диаспорой, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что северокавказская диаспора в Османской империи верила в «миф» о родине, в которую они обязательно вернутся и освободят». Хотя в годы Первой мировой войны диаспора пыталась воздействовать на ситуацию на Кавказе в надежде подорвать тыл Российской империи, в реальности ее влияние в регионе было низким. Автор обращает внимание на то, что создание Горской АССР в составе РСФСР удовлетворяло интересам «России, самих горцев, Турции, а также значительной части мухаджиров, проживающих в Турции». Примечательно, что турки ревностно смотрели на действия северокавказской диаспоры, полагая, что она не должна забывать свой долг перед Турцией.

Главным выводом статьи является то, что «кавказский вопрос» играл важную роль во взаимоотношениях как России и Османской империи, так России и Турции, при этом на них отражалось и влияние северокавказской диаспоры.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Следует скорректировать название статьи, сделать его более читабельным.
- 2) Необходимо вычитать текст, устранив отдельные опечатки («Более того отношения с Россией в дипломатическом ведомстве Турции заведовали черкесы»).
- 3) Автор пишет в тексте «Великая Социалистическая октябрьская революция», «Первая Мировая война», что нуждается в корректировке.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Роль северокавказской диаспоры в двусторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг.»

Предмет исследования – роль северокавказской диаспоры в двухсторонних отношениях России и Турции в 1917-1921 гг.

Методология исследования. К сожалению, автор (авторы) не раскрыли собственную методологию исследования, но из текста статьи можно понять, что автор кроме традиционных научных методов исследования, использовал специальные исторические методы: историко-генетический, историко-проблемный и историко-хронологический. Кроме того, в работе использован системный подход.

Актуальность темы обусловлена повышением ролью северокавказской диаспоры в

Турции в начале XX века, их активным участием в движении младотурок, втягиванием зарубежных кавказских организаций в политические события на юге России после Февральской буржуазной революции и в период гражданской войны, а также их участием в двусторонних отношениях Турции и России в 1917-1921 годы. Актуальность также обусловлена тем, что в 1990-ые годы общественные организации кавказских диаспор в Турции и других зарубежных странах все активнее стали принимать участие в политических событиях в республиках Северного Кавказа, формированием международных общественных организаций северокавказских народов и их стремлением быть акторами международных отношений и формирование в определенные периоды ирредентистских настроений на Юге России.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности. Структура работы состоит из следующих разделов: Положение диаспоры мухаджиров в Османской империи на момент начала Первой мировой войны (1914 г.); Первая мировая война и северокавказская диаспора в Османской империи; Северный Кавказ и диаспора в условиях революционных событий 1917 года в России; Роль северокавказской диаспоры в событиях Гражданской войны в России на Северном Кавказе после окончания Первой мировой войны; Фактор Северного Кавказа и диаспоры в двусторонних отношениях РСФСР и Турецкой Республики на фоне окончания Гражданской войны в России в 1920-1921 года; Заключение. В разделе «Положение диаспоры мухаджиров в Османской империи на момент начала Первой мировой войны», автор пишет о том как формировалась чеченская диаспора в Османской империи и этапах ее формирования. Возникает вопрос, почему автор выделяет чеченскую диаспору, а не в целом северокавказскую в первом разделе, ответа на этот вопрос в статье нет. Далее идет повествование о положении северокавказской диаспоры в Османской империи, ее интеграции в османскую элиту и формирование общественных организаций северокавказцев. Автор отмечает, что северокавказская диаспора в Османской империи по своей идентичности была дуальная, с одной стороны у них сохранялась кавказская идентичность и представление об общей родине и цель добиться ее независимости, а также османская идентичная и представление об Османской империи как о новом, пусть и временном доме. В первом разделе его содержание из-за того, что автор пишет о формировании чеченской диаспоры не совсем соответствует его содержанию. Во втором разделе «Первая мировая война и северокавказская диаспора в Османской империи» северокавказская диаспора создает общественную организацию Комитет народов Кавказа (КНК), (в него входят представители Северного Кавказа и Закавказья), в 2016 г. после выхода из него представителей Закавказья организация получает новое название Комитет политических эмигрантов Северного Кавказа (КПЭСК). С момента создания организации ее цель была создание добиться независимости Кавказа от России и создание общекавказского конфедеративного государства. В разделе «Северный Кавказ и диаспора в условиях революционных событий 1917 года в России» показана как события в России были восприняты в диаспоре, а также раскрыто какие задачи ставили перед собой общественные организации северокавказцев и как их воспринимала Османская империя, у каждой из сторон были свои цели. Северокавказцы использовали османские возможности для создания своей цели- создание независимого северокавказского государства, а Османская империя для достижения своей цели – создание буферного государства между Россией и Османской империей на Кавказе. В следующем разделе рассматривается роль северокавказской диаспоры в событиях Гражданской войны после окончания Первой мировой войны. В разделе много интересных материалов об исследуемом периоде. В разделе «Фактор Северного Кавказа и диаспоры в

двустронних отношениях РСФСР и Турецкой Республики на фоне окончания Гражданской войны в России в 1920–1921 года» показано изменение отношений между Россией и Турцией и подписание двухстороннего договора, а создание Горская Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР в определенной мере удовлетворил все стороны, в том числе и потомков мухаджиров в Турции, т.к. «ГАССР представляла из себя объединение национальных округов» и отвечало проекту, выработанному в Политической платформе Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана от 7 мая 1917 г.». В Заключении работы автор делает обоснованные выводы.

Библиография работы состоит из 16 разнообразных источников по теме исследования (это работы российских и зарубежных исследователей) и библиографии дала возможность достичь цели исследования и ее задач. Библиография оформлена по требованиям журнала

Апелляция к оппонентам Апелляция к оппонентам проведена на хорошем уровне, и она проявляется в проделанной автором работе, выводах и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа будет интересная специалистам и широкому кругу читателей, интересующихся северокавказской диаспорой (потомками мухаджиров в Турции).

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ильичев А.В. Научные исследования британских авторов по Второй мировой войне как элемент информационно-психологического противостояния с Россией // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.70157 EDN: HLRRGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70157

Научные исследования британских авторов по Второй мировой войне как элемент информационно-психологического противостояния с Россией

Ильичев Алексей Владимирович

аспирант, кафедра "Политические науки и философия", Севастопольский государственный университет

299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

✉ alexeiilyichev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Информационно-психологическая война"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.70157

EDN:

HLRRGE

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2024

Дата публикации:

21-03-2024

Аннотация: В статье рассматриваются политические и идеологические нарративы в научных исследованиях британских авторов, посвященных Второй мировой войне. Целью данной публикации является изучение работ британских авторов, как инструмента информационно-психологической войны, направленной на продвижение определенной идеологической повестки в отечественном обществе. В ходе исследования были сформулированы некоторые рекомендации, которые могут способствовать усилению государственной политики в области сохранения исторической памяти. Предметом исследования выступают научные исследования таких авторов как: Э.Бивор, М.Хайстингс, Т.Рипли, К.Эйлсби, С.Кроуфорд, Н.Корниш, С.Харт, Р.Харт и М.Хьюз. Объектом выступают политico-идеологические нарративы,

направленные на продвижение прозападной повестки в информационно-образовательном поле, а также в издательской сфере. Методология исследования была подчинена целям и задачам работы, напрямую отражая междисциплинарный характер изучаемой тематики. Для выявления основных нарративов в работах иностранных авторов был проведен качественный контент-анализ, направленный на отражение основных сюжетов, образов и их политico-идеологического наполнения. По результатам исследования было выявлено, что искажение и манипулирование исторической памяти в исследованиях британских авторов направленно на продвижение определенной идеологической и политической повестки. Данный процесс осуществляется при помощи одностороннего подбора фактов при описании, определенных событий и расставлении повествовательных акцентов, а также в дегуманизации Красной армии и Советского Союза. Конструируемый западными авторами нарратив, направлен как на внутреннюю аудиторию, так и на подрастающее поколение внутри нашей страны, с целью вовлечения ее в ареол западной информационной политики. Сегодня нарратив Второй мировой войны используются современными исследователями, так и политическими деятелями западного мира, как инструмент по продвижению антироссийской повестки. С целью противодействия западной политике по искажению исторической памяти, необходимо принятие ряда следующих мер: продвижение научно-популярных отечественных журналов по истории, возвращение редакторских правок и статьи от редактора при публикации исследований западных авторов, возвращение печати мемуаров военнослужащих Красной армии и ограничение публикаций воспоминаний немецких военных.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, Историческая память, Информационная война, Специальная военная операция, Британские авторы, СССР, Русофобия, Политические технологии, Иностранная литература, Восточный фронт

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, одной из которых стало появление ч.3 статьи 67 согласно которой: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [\[1\]](#). В условиях широкого развития электронных технологий и средств массовой информации, история и историческая правда стали одним из основных компонентов и инструментов в информационных войнах ведущих государств мира. Основной задачей акторов использующих исторический компонент как средство в информационно-психологическом противостоянии, является навязывание населению как потенциального противника, так и своему мировоззренческого образа, наиболее благоприятного для реализации их социально-экономической политики. Наиболее ярко эти процессы проявились на территории постсоветского пространства, где как в школьном, так и академическом научном дискурсе, активно продвигаются идеи ксенофобии и национального превосходства. Создание националистической истории на территории многих постсоветских государств неизбежно сопровождалось дерусификацией, когда период вхождения государства в состав Российской империи и Советского Союза трактовался как период «оккупации». Одним из таких государств стала современная Украина. Отечественный исследователь В.Г. Кикнадзе в своей работе «Как идеи национализма и неофашизма овладевают массами», отмечал, что продвижение идей неофашизма и антироссийской риторики на Украине еще с 1980-х гг., в том числе и в историческом

дискурсе, стали «идеологическим обоснованием превращения украинского режима в антироссийское орудие США и Запада» [2, с.93-94]. Директор Службы внешней разведки (СВР) С.Е. Нарышкин на торжественной церемонии вручения всероссийской премии «За верность науке» не случайно заявил о том, что «Защита исторической правды является очень важной государственной задачей России, от выполнения которой во многом зависит будущее России» [3].

Использование истории и исторической памяти в информационно-психологическом противостоянии и противодействие фальсификации истории приводит к возникновению следующей теоретической проблемы: «что является историей и историческим фактом». Дефиниции этих понятий продолжают оставаться предметом научных дебатов. Одну из популярнейших точек зрения на этот вопрос представил британский исследователь, специалист по истории России Э.Карр в работе «What is history?». Он трактовал историю «как процесс постоянного взаимодействия историка с фактами, непрекращающийся диалог между прошлым и настоящим» [4, с.30], а историческая истина, по его мнению, лежит в плоскости между объективными историческими фактами и субъективной интерпретацией исследователя [4, с.29]. Несмотря на то, что сами факты являются объективными их подборка и презентация основывается на субъективности самого исследователя, опирающегося на определенные мировоззренческие установки. Прямыми следствием этих тезисов, является то, что объективной интерпретации исторических фактов, не может существовать, поскольку исследователь сам отбирает набор фактов, наполняя его определенным смыслом. Помимо этого, исследователь, как и другие члены социума, подвержен влиянию пропаганды. Однако профессиональных исследователей отличает использование научного инструментария, призванного обеспечить более беспристрастную оценку изучаемых процессов. В то же время в исторической составляющей информационно-психологического противостояния, создается претензионность на объективность излагаемого повествования. Исследователь Ю. Никифоров отмечал, что для фальсификатора главным является: «внушение читателю идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а не поиск истины и объективности» [5]. Кандидат юридических наук А.Н. Лушин в исследовании «Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) указывал, что методы фальсификации истории направлены на умышленное искажение фактов либо односторонний подбор, с произвольной презентацией, где в качестве связующих элементов используются ложные доводы [6, с.23].

В 2009 г. в период президентства Д.А. Медведева была создана «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», куда вошли известнейшие специалисты в области отечественной истории. Основным направлением деятельности комиссии стало изучение, рассекречивание и последующая публикация ранее недоступных для широких масс документов, с целью противодействия фальсификации истории на основе подлинных исторических фактов [6, с.22]. Комиссия просуществовала до 2012 г., но оказала огромное влияние на консолидацию сил исследователей внутри страны.

С 1990-х гг. отечественная история оказывается под мощным давлением со стороны фальсификаторов истории, как внутри страны, так и за ее пределами. Особым нападкам подвергается история Великой Отечественной войны и события русской истории XX века. Противодействие фальсификации истории является сегодня одной из важнейших задач государственной политики. Серьезное значение этого направления подтвердил и

президент России В.В. Путин в своем выступлении к участникам заседания Совета глав правительства СНГ: «Нацелены на продолжение самого тесного взаимодействия по вопросам сохранения памяти о нашем общем прошлом, борьбы с попытками фальсификации истории и героизации нацизма» [\[7\]](#). На заседании оргкомитета «Победа» в ноябре 2022 г. президент определил цели фальсификации истории - «создание ложных предпосылок для новых агрессивных действий против России» [\[8\]](#).

Субъектами фальсификации истории и исторической памяти, а также манипуляции коллективной памяти выступают не только политики, политические технологии, журналисты, деятели кинематографа и искусства, но также и профессиональные исследователи. **Целью данной публикации** является изучение работ британских авторов, как инструмента информационно-психологической войны, направленной на продвижение определенной идеологической повестки в отечественном обществе. В ходе исследования будут сформулированы некоторые рекомендации, которые могут способствовать усилению государственной политики в области сохранения исторической памяти.

Задачи исследования:

- 1) Выявить и проанализировать политические и идеологические нарративы в 8 наиболее авторитетных исследованиях британских авторов, переведенных на русский язык. Для этого были подобраны работы таких авторов как: Э.Бивор, М.Хайстингс, Т.Рипли, К.Эйлсби, С.Кроуфорд, Н.Корниш, С.Харт, Р.Харт и М.Хьюз.
- 2) Дать краткую характеристику иностранным научно-популярным журналам по военной истории, как одному из инструментов информационно-психологической войны и провести сравнительный анализ с отечественным рынком научно-популярных исторических журналов;
- 3) Изучить отечественный рынок печатной продукции на предмет наличия, доступности иностранных работ по истории Второй мировой войны;
- 4) Проанализировать публикации отечественных издательств по тематике «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война»;
- 5) Разработать и сформулировать ряд рекомендаций, направленных на улучшение мер государственной политики по сохранению исторической памяти;

Методология исследования была подчинена целям и задачам работы, напрямую отражая междисциплинарный характер изучаемой тематики. Для выявления основных нарративов в работах иностранных авторов был проведен качественный контент-анализ, направленный на отражение основных сюжетов, образов и их политico-идеологического наполнения. Контент-анализ был применен и для изучения отечественного рынка печатной продукции по тематикам «Вторая мировая война» и «Великая отечественная война».

Основная часть. Историческая память является эссенциальным столпом при формировании и поддержании целостности любой современной нации. Ключевую роль, в этом процессе занимает «героический эпос». Под ним в исследовании подразумевается сложившийся в государстве нарратив военно-исторических побед, где четко выстроена хронология, выделены реперные точки повествования, определен «пантеон героев» и установлены отмечаемые даты. Вся эта система выстроена на государственном уровне, с соответствующим объемом ресурсов и широким социальным охватом. Для населения

героический эпос подается как через образовательные учреждения, так и через различные мероприятия регионального и государственного масштаба. В некоторых кейсах, «героический эпос» становится похожим на религию со своим набором символом, обрядами, комплексом ценностно-этических вопросов, а также своим «божественным пантеоном».

В современных многонациональных государствах существует проблема поиска подходящих временных отрезков для формирования «героического эпоса». Завоевания и любые наступательные кампании не способствуют сплочению нации, а вызовут отторжение у одного из этносов. Для этой цели подходят оборонительные войны, как правило, против враждебной коалиции, в которых на кон было поставлено существование всего государства и нации. В отечественной истории к таким событиям можно отнести: Отечественную войну 1812 г., Крымскую войну 1853-1856 гг. и Великую Отечественную войну 1941-1945 годов.

В исторической памяти многих современных государств ключевое место отводится Второй мировой войне. На это есть несколько причин. Первая – это удаленность события от нашего времени, чем оно древнее, тем меньший отклик находит среди современного обывателя. Вторая – это её разрушительность. Вторая мировая война, является самым чудовищным по своим масштабам и жертвам, конфликтом современности. В СССР война затронула каждую семью. Третья причина – это экзистенциальная угроза, которую нёс в себе этот конфликт. Победа стран ОСИ означала не просто уничтожение государства, но и физическое уничтожение многих народов. Четвертая причина – это нарратив объединения, когда произошло не просто сплочение страны, но и объединение со своим идеологическим противником ради победы над «Злом», в классическом для художественной литературы понимании этого термина.

Совокупность всех этих факторов, привела к тому, что Вторая мировая война заняла ключевое место в героическом эпосе многих современных наций и государств. В то же время историческая память сегодня является обоюдоострым оружием, используемым в информационных противостояниях. События мировой истории не только подвергаются искажениям, но и происходит их прямая фальсификация, и искажение смыслов в угоду политической конъектуре. Еще с XVII в. наука и её достижения активно используются правительствами как инструмент «мягкой силы». Заявление об «аполитичности» науки является инструментом, созданным ангlosаксонскими элитами для борьбы с Российским государством, что наглядно продемонстрировала О. Вульф в исследовании «Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science» [9].

Во времена Советского союза существовал мощный барьер в виде идеологической цензуры, как издаваемой отечественной мемуарной и военно-исторической литературы, так и ещё более жёсткой иностранной. С началом периода гласности и после дезинтеграции СССР, все барьеры были разрушены. Советское общество, через новую литературу узнало о темах или событиях, что было принято замалчивать советской властью. К ним можно отнести потери первых месяцев Великой Отечественной войны или секретный протокол к пакту Молотова-Риббентропа. В условиях, мощнейшего социально-экономического и политического кризиса на постсоветском пространстве, поток отечественных и иностранных «разоблачительных» публикаций о Второй Мировой войне, нашел благодатную почву.

Советская политика цензуры в возникшей ситуации способствовала росту недоверия в обществе к «официальной истории» и предшествующим публикациям. В постсоветском пространстве начал расти интерес к работам и исследованиям иностранных авторов или

отечественным исследователям, разоблачившим «преступный режим», в странах бывшего Союза начали массово выходить мемуары нацистских преступников. Иностранные труды по истории Второй мировой войны, нередко носят антисоветский и антироссийский характер, учитывая, что на тот период, многие авторы являлись ярыми противниками Советского союза. Однако в условиях описанного кризиса, подобная литература воспринималась абсолютно некритично, чему еще больше способствовала политика частных издательств.

Побудить читателя купить работы иностранных авторов призывает оформление (обложка, качество печати и иллюстративного материала) и аннотация. Они призваны убедить потребителя обратить внимание на эти исследования. Большинство иностранных работ было издано на качественной офсетной бумаге и снабжено большим количеством иллюстративного материала. В самой аннотации идет апелляция к авторитету автора и значимости представленного труда. Для усиления эффекта используются и блёरбы (от англ. Blurb – рекламная цитата на обложке книги) от крупных иностранных изданий.

Приведем несколько примеров блёrbов к иностранным исследованиям, посвященным Второй мировой войне:

«Несомненно, это лучший однотомник, посвящённый истории войны, из когда-либо написанных» – Журнал Sunday Times о работе М. Хейстингса «Вторая мировая война: Ад на земле».

«...создал поистине грандиозную, основанную на тщательном исследовании книгу... автор множества мировых бестселлеров», «непревзойдённое мастерство подачи», «на сегодня, пожалуй, самый полный и самый современный рассказ о величайшей трагедии человечества...» – блёrbы к исследованию Э. Бивора «Вторая мировая война».

Подходя к аннотациям исторической и военно-исторической литературы, издатель опирается на несколько ключевых столпов – авторитет исследователя, охват тематики и опора на «достоверные» источники информации (документы из «иностранных, секретных и закрытых архивов») при этом в самом тексте ссылки на источники и литературу могут и вовсе отсутствовать.

Оформление, аннотации и блёrbы – это все маркетинговые инструменты, направленные на привлечение внимания читателей к представленной литературе. На привлечение более широкой аудитории играет также и стилистика самих исследований. Многие западные труды по Второй мировой войне написаны простым языком, без перегруженности специализированными определениями или научной терминологией. Таким образом, удается привлечь в качестве потенциальных читателей не только категорию интересующихся выбранной тематикой, но и лиц, изучающих историю/политологию на любительском (обывательском) уровне.

Ключевой задачей для западных технологов является «преуменьшение» роли СССР в победе над нацизмом в национальном самосознании нашего народа. Благодаря, длительной работе иностранных авторов, им удалось добиться схожего результата в европейском национальном самосознании. Для этого используется несколько механизмов манипуляции. Одним из них является смещение акцентов в причинах поражения Германии. По мнению, известного на Западе специалиста по отечественной истории Э. Бивора, к ним стоит отнести ни умелое стратегическое командование и профессионализм советских воинов, ни оперативную организацию производства в тылу, а погодный фактор (неготовность Германии к зимней кампании) и «превосходящее число противников» [10, с.267,311]. За этим строится следующий механизм манипуляции,

стремящийся превратить «агрессора» в «жертву».

В исследовании М. Хейстингса «Вторая Мировая война. Ад на Земле» Вермахт упоминается в работе 142 раз, союзники 135, а Красная Армия всего 49 раз. При этом интересен сам контекст и содержание. В случае с вермахтом, в ходе всего исследования он получает следующие характеристики и оценки военнослужащих, и офицеров: «непобедимый» [11, c. 166, 525], «мастерство» [11, c. 507, 633, 638, 640], «профессионализм» [11, c. 68, 175], «энергия и воля» [11, c. 68, 79, 507]. В то же время Красная армия получает сугубо отрицательные характеристики и оценки. Так, автор пишет: «никогда не отличалась тактическим искусством», «самоубийственные атаки» [11, c. 523], «Сталин полагал, что грабеж и насилие станут законной наградой для его солдат» [11, c. 579]. Лидера Советского Союза и режим, М. Хейстингс называет тираном и тираническим, соответственно, проводя тем самым черту равенства между двумя « тоталитарными режимами ». Всего найдено 18 таких упоминаний (*Согласно статье 6.1, добавленной с 12 июля 2021 г. в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Обувековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945» запрещено публично отожествлять СССР и нацистскую Германию [12]).

Схожие коннотации в сторону вермахта можно проследить в работе Т. Рипли «Вермахт. Германская армия во Второй мировой войне». Исследователь отмечает «мастерство» [13, c. 26, 160, 244], «профессионализм» [13, c. 17, 24, 69, 138, 192, 210, 265], «храбрость» и «героизм» солдат вермахта и его офицеров [13, c. 116, 132, 138, 185, 192, 228]. Положительная оценка вермахта, как военной организации, не является в своей основе манипулированием или искажением исторической памяти. Учитывая опыт и анализируя произошедшие события, СССР и союзники столкнулись с профессиональной военной машиной, сумевшей захватить половину Европы. В то же время британские и американские авторы зачастую гиперболизируют свои оценки, что тем самым создает картину «героизации» и некой «сакрализации» этой военной машины. С целью углубления этого образа исследователи отдельно акцентируют на «тяготах и лишениях» немецких военнослужащих тем самым, ожидая вызвать чувства сопереживания у читателей. Однако «героизация» вермахта сопровождается крайне резкой и негативной оценкой Красной Армии. Британский исследователь, специалист по Третьему Рейху К. Эйлсби приводит следующее описание Красной армии: «Рядовой состав Красной армии в июне 1941 года состоял из новобранцев-крестьян со слабой военной подготовкой. Сражаясь против хорошо подготовленной германской армии, Красная армия потерпела ряд катастрофических поражений» [14, c. 16].

В работе британского исследователя С. Кроуфорда «Восточный фронт день за днем. Германский вермахт против Красной армии 1941-1945» краеугольной нитью повествования проходит нарратив о равнозначности режимов в СССР и нацистской Германии. В блоке «Ключевая фигура. Иосиф Сталин» на странице 27 можно встретить следующее описание советского лидера: «Сталин. Советский диктатор мало чем отличался от Гитлера. Оба повсюду видели предательство и некомпетентность. Однако в отличие от Гитлера Сталин не служил в армии (в свое время он был признан негодным к военной службе)» [15, c. 27]. Помимо этого С. Кроуфорд в заключение работы пишет: «Сталинский Советский Союз был тоталитарным государством, которое имело много общих черт с нацистской Германией. В обеих системах человек существовал лишь для того, чтобы служить интересам государства. В сущности, такое государство было лучше приспособлено к условиям ведения варварской войны, чем западные демократии» [15,

[c.301](#). Проявляется это отожествление и в других аспектах, в рамках основного текста. Так, Советские военные кампании рассматриваемого периода автор именует «оккупацией» [\[15, c.13,15,23,24,63\]](#), при этом аналогичные операции вермахта названы «завоеванием» [\[15, c.18\]](#). Изредка в тексте работы все же встречается характеристика германских войск как «оккупантов». Идеологические воззрения автора демонстрирует отрывок, озаглавленный как «Польша, Советская оккупация». В нём С. Кроуфорд отмечая начавшийся в стране Германский террор, добавляет, что аналогичное происходило и на подконтрольной советской армией стороне: «...он (Прим. Советский Союз) сразу же вверг население в коммунистическую нищету, с огромным презрением относясь к его жизненным интересам» [\[15, c.13\]](#). Исследователь умышленно гиперболизирует репрессии в Советском Союзе. Так, в частности, он пишет, что: «Чтобы патриотизм русского народа не угас, сталинская тайная полиция и комиссары коммунистической партии держали Красную армию под жестким контролем» [\[15, c.27\]](#). Не обошел стороной автор и фактор многочисленности русской армии и советского населения, «которые дали СССР возможность вынести такие потери» [\[15, c.301\]](#). В то же время далее в заключение С. Кроуфорд отмечает, что причинами победы стал не только фактор численного превосходства, но также и экономическая мощь страны, и стремление населения разгромить захватчиков.

Еще одной работой известного британского специалиста, по Третьему Рейху переведенной на русский язык стало исследование К.Эйлсби «Images of Barbarossa» (на русский язык переведено как «План «Барбаросса». Вторжение фашистских войск на территорию СССР. 1941»). Идеологические предпочтения и взгляды автора можно проследить уже на 8 странице работы, где изображение И.В. Сталина подписано как «советский диктатор» [\[14, c.81\]](#). Такие уточнения встречаются и далее в тексте исследования. Контратаки советских войск трактуются К. Эйлсби как «самоубийственные атаки больших масс...». Основной причиной побуждавшей, по мнению автора, советских солдат на такие атаки был «страх перед расстрелом» [\[14, c.56-57\]](#). Для описания партизанского движения К. Эйлсби приводит мнение другого британского исследователя А. Кларка, согласно которому партизаны состояли в своей основе из дезертиров, промышлявших грабежом и мародерством [\[14, c.176-177\]](#). Вслед за этим описанием следует комментарий уже самого автора о том, что рост партизанского движения вынуждал нацистов выделять больше сил на охрану тыловых районов, а также побуждало немцев «за жестокость партизан отвечать не менее жестокими массовыми репрессиями» [\[14, c.177\]](#). Исходя из такой трактовки, у читателя формируется устойчивое восприятие того, что «германский террор» являлся лишь следствием советского сопротивления.

Рассматривая исследования британских авторов по Второй мировой войне, нельзя обойти вниманием работу Э.Бивора «Сталинград». В западной науке и научной школе автор считается одним из главных специалистов по истории российского и советского государства. В то же время, анализируя его труды, можно обнаружить отсутствие ссылок на многие одиозные тезисы. Исследование «Сталинград» полностью лишено ссылок, а также в нем отсутствует список литературы. В аннотации к работе указано, что работа основывается на мемуарах, источниках личного происхождения, а также «архивных документов и материалов, полученных при личных встречах с участниками великой битвы». Последнее уточнение полностью нивелирует научную значимость работы, поскольку отсутствует возможность ознакомления с этими материалами и их верификация.

На первых страницах работы проявляется уже позиция автора по отношению к Советскому Союзу. На 12 странице Э.Бивор называет И.В. Сталина «советским диктатором» [\[16, с.12\]](#). Эта же характеристика будет еще несколько раз встречаться в тексте [\[16, с.42,50\]](#). Красная армия накануне войны, по мнению исследователя, была достигнута, как пишет Э.Бивор, лишь при помощи «пятикратного численного превосходства» [\[16, с.34\]](#). Не обходит стороной исследователь и тематику штрафных рот, «выполнявших самоубийственные задачи», существенно преувеличивая масштабы, а также дегуманизируя советскую власть [\[16, с.107\]](#). В тексте работы неоднократно подчеркивается «безразличие советской власти к ценности человеческой жизни» [\[16, с.180,237,437\]](#). Такой же оценки автор удостаивает советских врачей: «к людям которых они призваны были лечить, врачи относились хуже, чем к скоту» [\[16, с.418\]](#).

Ряд западных авторов с целью вызвать симпатии и сопереживанию к вермахту подробно останавливаются на описании проблем снабжения немецких военнослужащих теплой одеждой, а также топливом. Этот повествовательный блок можно назвать как описание «тягот и лишений вермахта на чужой земле». При этом авторы не только не учитывают, что у советских войск были схожие проблемы, но и напрямую игнорируют это. Представителем подобного направления является Н. Корниш. В его исследовании «Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение» приводится фотография с телами погибших немецких солдат со следующей аннотацией: «Ужасный «урожай» под Сталинградом: поле, усеянное трупами солдат государств оси.... С многих трупов местные жители сняли одежду, чтобы использовать её для своих нужд» [\[17, с.7\]](#). Работа Н. Корниша «Курская битва...» не является, безусловно, научным исследованием, а представляет собой сборник фотографий с краткими авторскими комментариями. Однако серия в которой она выходит, пользуется большой популярностью среди молодого поколения, что и побудило включить работу в этот блок.

Британские исследователи С.Харт, Р.Харт, М.Хьюз в исследовании «Рядовые Вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны» в блоке про Восточный фронт следующим образом описывали опыт немецких солдат: «погода....превратила жизнь немецкого солдата в жуткое существование» [\[18, с.124\]](#), «В добавлении к страданиям от холода и обморожений, многие солдаты заболели дизентерией...Тем временем те, кто еще мог принимать пищу, наблюдали, как масло отпиливают пилой, а топор мясника отскакивает от замерзшей конины, словно от камня. Становилось невозможно выполнять повседневную обыденную работу» [\[18, с.125-125\]](#). В то же время, игнорируя тот факт, что советские войска находились в схожих условиях, авторы не обошли стороной тему «военных преступлений Красной армии». Так, исследователи пишут о многочисленных фактах убийств мирных граждан и изнасилований немецких женщин советскими солдатами [\[18, с.97\]](#). При этом никаких ссылок или весомых доказательств, подтверждающих эти «преступления», авторы не приводят. Исследование в целом характеризуется отсутствием ссылок и списка литературы. При этом на обложке указано, что работа написана на основании многочисленных мемуаров.

Подобного питета по отношению к вермахту, а также уничижительного описания Красной армии лишено исследование британского историка М. Гилберта «Вторая мировая война. Полная история». В этой работе автор, используя научную методологию, при этом сохраняя доступность изложения, сумел сохранить «исследовательский нейтралитет». Исследования М. Гилberta в то же время содержит один из классических западных нарративов о Второй мировой войне, как о противостоянии демократии с

тираническим режимом. Этот сюжет сквозной линией соединяет все элементы повествования. Примечательно, что оценки «тиранический» в этой работе удостаивается исключительно нацистский режим.

Сегодня описанные выше нарративы британских исследований по Второй мировой войне можно встретить и в исследованиях отечественных авторов. В 2020 г. издательство «НЛО» (Новое литературное обозрение) выпустило работу Н.В. Эппле «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах». Исследование обладает широким списком используемой литературы, но при этом написано доступным для широкого читателя языком. Н.В. Эппле в своем труде занимается умышленной дискредитацией отечественного государства и его политики, что проявляется в характере освящаемой им теме. Следует сразу отметить, что это исследование ссылается на лиц, признанных на территории РФ иностранными агентами, а также обвиненных в распространении фейков о ВС РФ и пропаганде нетрадиционных семейных ценностей. Такой подход не только представляется сомнительным с научной точки зрения, но и также напрямую свидетельствует об идеологической позиции автора и его предвзятости. Главной задачей Н.В. Эппле исходя из контекста поддаваемой им информации, является продемонстрировать, что Россия является продолжателем «преступного советского режима», по его мнению. Напрямую это проявляется в подборе формулировок, фраз и словосочетаний, используемых автором для описания Советского союза и его политики. Для характеристики политики советского государства используются следующие словосочетания: «Советский террор/Большой террор/государственный террор». Всего в тексте обнаружено более 80 таких упоминаний. В адрес режима Н.В. Эппле применяет терминологию «диктатура». Отдельно стоит отметить предлагаемый список тезисов о советской политической системе в целом, где первым пунктом указано: «Советская диктатура была бесчеловечным государственным устройством, неотъемлемой частью которого был государственный террор против собственного населения; советский террор был последовательной и продуманной государственной политикой, а не чрезвычайной мерой или результатом случайных злоупотреблений» [\[19, с.293\]](#). А памяти о событиях советского периода трактуется автором как «преступное прошлое» [\[19, с.12,40,61\]](#).

Период конца 1930-х гг. продолжает оставаться крайне дискуссионным в отечественной науке. Присутствуют разные оценки этого исторического периода и подходы к осмыслинию этих страниц исторического прошлого, однако, автор Н.В. Эппле занимается односторонним освещением, при этом занимаясь открытой манипуляцией и искажением фактов. Утверждения зачастую либо не содержат ссылок или ссылается на иностранные работы, данные из которых нуждаются в дополнительной верификации. При этом учитывая освещаемую автором тематику «террора» в тексте, не имеется ни одной ссылки на государственные архивы. Автор напрямую обвиняет отечественное государство в использовании репрессивного аппарата: «Государство, репрессивные органы которого лишены идеологических мотивов и веры в правоту своего дела, а движимы только жадностью и страхом, играет в сильную руку... Именно в этой логике становятся понятны (работают и считаются большинством) и резкое увеличение числа дел за «экстремизм» и «госизмену», и кампании против «иностранных агентов» и «пятой колонны» [\[19, с.20\]](#).

Нарратив, подаваемый через научные исследования британских авторов, является частью глобального информационного-психологического противостояния между Россией и Западом. В условиях проведения Специальной военной операции (СВО) этот аспект является как некогда актуальным, поскольку образы и сюжеты Второй мировой войны

западные аналитики, эксперты и политики активно применяют для описания противостояния, происходящего на полях Украины, с целью дегуманизации современного отечественного государства.

М. Крамер руководитель проекта по изучению Холодной войны в центре Дэвиса в мае 2022 г. опубликовал статью «Russia is Repeating Its Brutal History in Ukraine», где провел параллели между действиями Красной армии во время Второй мировой войны и современной русской армии на Украине [20]. По мнению исследователя, начало текущего противостояния схоже со «вторжением русских войск в Польшу в 1939 году». М. Крамер пишет о том, что украинская армия оказывает «такое же яростное сопротивление захватчикам, как и польская армия в 1939 году». При этом автор обвиняет как Красную армию, так и современную русскую армию в многочисленных преступлениях, особенно акцентируя свое внимание на массовых изнасилованиях, грабежах и убийствах. Исследователь при этом опирается исключительно на украинские источники информации, полностью игнорируя данные расследований российской стороны о сфабрикованности обвинений и подтвержденных массовых случаях военные преступлений со стороны Вооруженных сил Украины (ВСУ).

Параллели между событиями Второй мировой войны и событиями на Украине проводит и историк, пресс-секретарь Института национальной памяти Р.Леськевич. В интервью «PolskieRadio» (Прим. Сайт был заблокирован на территории РФ за распространение фейков и дезинформации о ВС РФ) он дал следующий комментарий: «.....Советский Союз совершили акт агрессии в отношении Второй Речи Посполитой, и 17 сентября СССР напал на Польшу, убивая, насилия, разрушая жизнь мирных граждан, неся с собой террор и репрессии. Точно таким же образом ведут себя войска Российской Федерации, которые также массово убивают мирное население, что можно квалифицировать как геноцид, насилиют, уничтожают инфраструктуру, грабят имущество частное и государственное. В этом аспекте можно говорить об очень похожей схеме действий в прошлом Советского Союза, а сегодня властей Российской Федерации» [21].

Историк, специалист по нацистской Германии и Польше в годы Второй мировой войны, Р. Мурхаус в своем материале от 7 октября 2022 г. приводит цитату, которая, по его мнению, описывает как реакцию местных жителей на вторжение советских войск в Польшу так и украинцев на события февраля 2022 г.: «Эта была армия «нищих», как писал один очевидец – масса солдат, что были заинтересованы в грабеже так же, как в сражениях» [22]. Исследователь указывает, что как для Красной, так и для современной российской армии солдат представляется как «расходный материал, который можно использовать и выбросить». Примечателен следующий комментарий автора: «Вторжение на Украину показывает нам, что в этом плане мало что изменилось. Плохо обученные и плохо снабженные, с ракетами дальнего радиуса действиями, мешающими их вспомогательной инфраструктуре, а также складам оружия и топлива, российские солдаты в полевых условиях, оказываются брошенными на произвол судьбы». Р. Мурхаус обвиняет российскую армию в тех же, по его мнению, преступлениях, что совершали советские солдаты – массовые изнасилования, убийства, грабежи, депортацию народов (в данном случае украинцев во внутренние районы России).

Аналитики из центра РАНД в материале от 18 июля 2023 г., проводя анализ боевых действий на Украине, также провели параллели со Второй мировой войной. При этом данная аналитика представляет собой исключительно военно-тактическую и стратегическую оценку, без ярких идеологических высказываний [23].

Параллели между Второй мировой войной и событиями на Украине проводят и западные политики. В частности, это неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент США Дж. Байден. Во время своего выступления в Польше 21 февраля 2023 г. американский президент отметил: «Вы знаете, это было почти год назад, когда я выступал здесь в Варшаве в Королевском замке, спустя всего несколько недель после того, как Владимир Путин развязал свое нападение на Украину. Началась крупнейшая наземная война в Европе со времен Второй мировой войны. Принципы, которые были краеугольным камнем мира, процветания, стабильности на этой планете на протяжении более 75 лет, оказались под угрозой разрушения» [\[24\]](#). В обращении от 19 октября 2023 г., в контексте предоставления военной помощи Украине и Израилю Дж. Байден заявил: «Знаете, как и во время Второй мировой войны, патриотические настроенные американские рабочие создают арсенал демократии и служат делу свободы» [\[25\]](#).

Таким образом, описанные выше аналитики и эксперты, не основываясь на широкой научной базе, игнорируя научные методы и подходы, занимаются прямой дегуманизацией России, а также распространением фейков и дезинформации о ВС РФ, с целью оправдания для внутреннего потребителя, оказания западными странами военной помощи для Украины. Заявляя о преступлениях российской стороны (без основательных доказательств), страны Запада полностью игнорируют удары украинской стороны по объектам гражданской инфраструктуры и населению в России, в том числе при помощи поставленных западом образцов вооружения и ракетами.

Анализ отечественного рынка.

Продвижению западного нарратива о Второй мировой войне, помимо описанных выше элементов (оформление, стилистика, способ подачи информации) способствует и политика отечественных издательств. Так, в серии «За линией фронта» издательства «Центрполиграф» было выпущено более 300 работ, из которых большинство – это воспоминания немецких военных. Подобных мемуарных серий множество, это и «Война и они», «След в истории», «Военные мемуары», в рамках которых вышли такие мемуары и исследования, как «Танковый рыцарь Рейха» или «Я – снайпер Рейха. На его счету 257 жизней советских солдат». Работы германских военачальников Э. Манштейна и Х. Гудериана получили множество переизданий. Воспоминания «Утерянные победы» Э. Манштейна были переизданы шесть раз, если учесть публикацию сборников то восемь раз. Такое же количество переизданий получили лишь «Воспоминания и размышления» маршала Г.К. Жукова.

Воспоминания советских ветеранов также активно издаются и переиздаются. В серии «На линии фронта. Правда, о войне» было выпущено более 60 книг, воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Однако количество немецких мемуаров, изданных и переизданных, кратно превышает отечественные. Проблематика изданий мемуаров советских ветеранов связана и с недостатками выборки. В 1990-х гг. в России началось массовое издание воспоминаний ветеранов о войне, написанных уже спустя многие годы после произошедших событий. В этих трудах эмоции автора, его личные, душевые переживания наложились на социально-политическую повестку кризиса, возникшего вследствие крушения Советского Союза. Красная Армия и отечественное государство предстает в этих воспоминаниях в максимально отталкивающем свете.

Даже сейчас, после начала СВО и в период активной борьбы за историческую память, отечественные издательства предпочитают издавать и переиздавать немецкие мемуары и труды, а не отечественные. В уже упомянутой выше серии «За линией фронта. Мемуары» издательства «Центрполиграф» за 2023 г. было выпущены воспоминания Г. Шойфлера

«Танковые асы Вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка 1939-1945», Ф.В. Меллентина «Танковые войска во Второй мировой войне. Великие сражения под Сталинградом и на Курской дуге». Издательство «Яуза» в 2023 г. запустила серию «Утерянные победы. Мемуары генералов Вермахта», в которой на сентябрь 2023 г. уже вышли две книги – Ф. Гальдер «Ленинградский Блицкриг 1941-1942» и Ф. Бока «Я стоял у ворот Москвы. Фронтовой дневник командующего группой армий «Центр»».

В период с 2014 по 2023 г. в серии «За линией фронта. Мемуары» вышло 37 воспоминаний немецких офицеров и солдат. А в серии «Сталинградская битва. К 80-летию главного сражения» издательство «Яуза» издало воспоминания А. Вильгельма, Х. Эдельберта, В. Виганта и М. Джонса. При этом воспоминания В.И. Чуйкова, командующего 62-й армией в Сталинграде, переизданы не были.

Многие работы западных исследователей антироссийского содержания можно свободно купить на торговых площадках или найти на полках библиотек, включая школьные и университетские. При поисковом запросе по релевантности на крупной книжной торговой площадке Лабиринт по запросу «Вторая мировая война», вам показывается 60 работ, из которых: 43 это отечественные исследования или воспоминания, 17 – это иностранные исследования и воспоминания. Однако, несмотря на преобладающее количество работ отечественных авторов, их стоимость заметно выше, чем у иностранных. Так работу А.В. Исаева и А.В. Драбкина «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» можно приобрести, с учетом скидок, по цене в 2705 рублей, в то время как исследование М. Гилberta «Вторая мировая война» всего за 1461 рубль. При поисковом запросе на другой площадке – «Читай-город» были выявлены следующие результаты: при 48 показанных работ, 22 отечественные и 26 иностранных.

На Западе существует целый спектр научно-популярных журналов, освещающих разнообразные исторические сюжеты и эпохи, с разных сторон (историческая, политологическая, культурологическая). Основным достоинством таких изданий, помимо общедоступной для потребителя цены, является простота в изложении материала, когда текст не перегружен специализированной терминологией и доступен для понимания даже людям с не очень высоким знанием английского языка. Это позволяет существенно расширить аудиторный охват издания. Привлекательным для молодежи или лиц, изучающих события прошлого на любительском уровне, является красочное оформление, что достигается активным использованием самого разнообразного иллюстративного материала, а также грамотным подбор шрифтов текста. Небольшой объем материалов, позволяет донести до потребителя необходимую информацию, не потеряв его внимание. Характерным примером такого рода издания является британский научно-популярный журнал «History of war». Каждый номер журнала содержит публикации, затрагивающие разнообразные по временному промежутку и тематике события или процессы. Они могут включать анализ и разбор известных сражений, истории отдельных персонажей, интервью с известными историками и т.д. В практически каждом номере есть блок, где авторы представляют последние выставки и события в музейном мире (здесь авторы дают краткую информацию об объекте, чему он посвящен, значимости события, предоставляют комментарии руководителей сотрудников о дальнейших планах, дают ссылку на официальный сайт учреждения), публикуют фотографии времен Второй мировой войны, дают краткую рецензию на фильмы или книги, что недавно вышли. К последнему стоит отнести как западные, так и отечественные произведения. В номере 91 был представлен обзор на фильм «The Final Stand» режиссера В. Шмелева. Отдельно отметим в этом блоке рубрику «артефакты войны», где авторы рассказывают о различных музейных предметах и фактически

рекламируют музей, где они экспонируются. Существует также и спецвыпуски в рамках, которого публикуются материалы охватывающие одно определённое событие, явление или процесс. К примеру, можно привести спецвыпуск посвященный дню «Д». В Британии выпускают и ряд других успешных военных и исторических журналов, к которым можно отнести «Military History» и «Military History Monthly».

При запросе в поисковой строке «отечественные научно-популярные журналы по истории», одним из первых вам выдаются сайты, приводящие на первом месте журнал «Дилетант». Он был создан в 2012 г. публицистом В. Дымарским (признан в августе 2023 г. иностранным агентом). Журнал активно связан с радиостанцией «Эхо Москвы» и его главредом А. Венедиктовым (признан на территории РФ иностранным агентом). Материалы издания характеризуются активным продвижением либеральных идей, а также интерпретацией, анализом и оценкой событий отечественного прошлого с точки зрения либеральной идеологии. Над журналом работает огромный коллектив авторов, профессиональных исследователей в области истории и политологии. Само издание написано простым языком и снабжено огромным количеством иллюстративных материалов. Старые выпуски издания можно обнаружить на соответствующем сайте. Стоит отметить широкий охват издания, направленный на рядового потребителя (не специалиста в вопросе), а также наличие не только печатного издания, но и собственного сайта и канала на Яндекс Дзене, где также выходят материалы. Писать материалы на сайте может любой пользователь. Помимо выпуска своего журнала, поддержки сайта и канала на Яндекс Дзене, авторы также сотрудничают с рядом музеев и образовательных учреждений, проводя встречи под названием «Дилетантские чтения».

В 2015 г. в противовес научно-популярным изданиям либерального толка был создан журнал «Историк». На официальной презентации издания, устроенной 5 ноября 2015 г., председатель совета директоров фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» (ИСЭПИ) Д. Бадовский заявил о том, что задачей авторов было: «задать такой тон издания и при этом не свалиться в невыносимую легкость бытия». Главный редактор В. Рудаков отметил, что целевой аудиторией являются политики, журналисты, преподаватели [\[26\]](#). Изначально позиция авторов, на наш взгляд, является не совсем верной, по некоторым критериям. Прежде всего, необходимо расширить целевую аудиторию, сделав акцент не на профессиональные круги, а на широкие массы. Сегодня фиксируется высокий интерес у молодежи к истории, что зафиксировал опрос ВЦИОМ от 11 марта 2023 года [\[27\]](#). В то же время уровень знаний молодого поколения, согласно опросам проводимых на телевидении в дни памятных событий и исследованиях последних лет является недостаточно высоким. Так, доцент социологических наук Л.А. Лесина в работе «Формирование устойчивого интереса к истории как основа патриотического воспитания молодежи», отметила, что больше половины студентов (из изучения результатов опроса проведенного в г. Екатеринбурге среди студентов УрФУ и РГППУ) низко оценивают свои знания по истории. Среди причин назывались и противоречия информации, отрывочные сведения в учебно-справочной литературе, а также форма подачи предмета в высших учебных заведениях [\[28, с.140-141\]](#).

В связи с этим подача материалов, как представляется в журналах иностранных, как «History of war» является более предпочтительной для оказания влияния на подрастающее поколение и молодежи. Отметим достоинства журнала «Историк», такие как красивое оформление с широким набором иллюстраций, богатый набор тем, а также доступная цена. На маркетплейсах купить номера издания можно по цене в 300-400 рублей. В то же время отсутствие более старых номеров в бесплатном доступе, как по аналогии с «Дилетантом» является одним из недостатков. В 2022 г. по заявлению

авторов с их официальной электронной страницы издания, тираж составил 25 тысяч экземпляров [\[29\]](#).

Положительным примером влияния на молодое поколение является журнал «Родина», продолживший традиции одноименного дореволюционного журнала с широким набором просветительских тем. Акцент издания в последние годы был сделан на современность. На страницах издания можно обнаружить материалы различной направленности начиная от исключительно исторических тематик, заканчивая педагогическими, гастрономическими и рядом других тем. Авторы, известные исследователи в России, пишут доступным и понятным языком, снабжая текст, богатом спектром иллюстраций. Журнал пользуется большой популярностью. Согласно, данным исследовательской компании Mediascope аудитория одного выпуска составляет свыше 1 миллиона человек, 52 процента читателей это люди до 34 лет [\[30\]](#). 80 процентов выпусков «Родины» распространяется по подписке в библиотеки. К старым номерам можно получить бесплатным доступ на официальном сайте, а новые приобрести на торговых площадках по цене в 300 рублей.

Заключение.

Манипулирование и искажение исторической памяти в представленных на рассмотрение, в рамках данного исследования, работах заключается в одностороннем подборе фактов с целью продвижения определенной идеологической и политической повестки. Это то, что исследователь А.Н. Лушин подразумевал под фальсификацией историей, что полностью противоречит принципам профессионального научного исследования. В основе такой произвольной презентации истории Второй мировой войны лежит несколько причин. Одной из них является то, что европейская и американская научная школа по изучению Второй Мировой войны, была образована на основе военно-аналитических исследований немецких генералов и офицеров, созданных по заказу США и Великобритании. Вобрав нарратив, экспертные оценки, а также методологические подходы и принципы, британские и американские исследователи начали воспроизводить их в своих работах. Второй важной причиной является роль Второй мировой войны в национальном и культурном самосознании европейцев. С 1945 г. политические элиты США мастерски конструировали нарратив о произошедших событиях, как о символе противостояния «демократии и тоталитаризма», продвигая идеи трансатлантического единства и американский «военный миф», что легли в основу западноевропейского миропорядка 1945 – 2022 годов. Более подробно об этих процессах можно ознакомиться в исследованиях С. Эдвардса «Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c.1941-2001» [\[31\]](#) и М. Дольски ««Portal of Liberation»: D-Day Myth as American Self-Affirmation» [\[32\]](#).

Обзор западных исследований по истории Второй мировой войны в контексте антироссийской повестки неизбежно сталкивается с двумя диаметральными контраргументами – авторитетность обозреваемого исследователя либо, наоборот, вторичность автора. Они используются для опровержения обвинений в продвижении этими авторами антироссийской повестки, позиционируя исследования по изучению русофобии, как антенаучные. В то же время отечественный исследователь Н.Г. Бурмакина справедливо указывала, что «Категория авторитетности не является объективной и зависит, в том числе, от конъюктурных установок» [\[33, с.366\]](#). Задачей данного исследования не является обвинение всей западной науки в формировании негативного образа России, поскольку существует целый ряд авторов, проводящих глубокий и серьезный анализ российской истории. Профессор Н.П. Таньшина в ходе

доклада на форуме «Внутренняя русофobia как главная угроза Российской государственности», прошедшим 25 марта 2022 года отметила, что современная ситуация с негативной репрезентацией России мало чем отличается от XIX в. и подняла важную проблему внутренней русофобии в гуманитарно-исследовательской среде [34]. Как отмечает исследователь либеральная антигосударственная часть научной среды обвиняет исследования о русофобии в антинаучности и публицистике, параллельно этому продвигая западные антироссийские мифы и выступая с антигосударственными высказываниями.

Особенно следует обратить внимание на тот факт, что многие отечественные авторы следуют в кильватере современной идеологической борьбы двух диаметрально противоположных проектов будущей России – белой или красной. В рамках данной борьбы затрагивается и исторический аспект. В рамках представленной работы мы можем обратиться к нарративам авторов, придерживающихся белого проекта относительно Великой Отечественной войны, когда происходит разделение народа и государства, лидер которого И.В. Сталин представляется кровавым тираном из-за прихотей и некомпетентности которого, а также его окружения советский народ (нередко термин избегается) заплатил чудовищную цену за победу в войне. Как абсолютно справедливо отмечал доктор политических наук А.А. Ирхин: «И косвенно, и напрямую белая элита играет в пользу либерального прозападного проекта. Ведь именно либеральные политики и историки всеми силами дискредитировали достижения советского периода» [35, с.65], поскольку данные нарративы практически дословно повторяют западные вплоть до дословных формулировок. Таким образом исследователи которые придерживаются белого проекта фактически изнутри помогают западным авторам, что приводит к необходимости выработки единой позиции относительно нарративов, которые бы не следовали западным концепциям и не дискредитировала бы важные аспекты исторической памяти, ведь: «Исторический опыт противостояния Запада и России показывает две методологические модели, когда Москва безапелляционно выигрывала в этой конкуренции: модель императрицы Екатерины II и Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина» [36, с.11]. Правдивость такого восприятия этих моделей показывают исторические опросы и пример

На отечественную молодежь сегодня идет крайне сильное воздействие не только со стороны научных исследований, но и лидеров общественного мнения, аналитиков и специалистов в сети Интернет, продвигающих антироссийские и антинаучные идеи. Именно поэтому сегодня направление исследований, занимающихся изучением и разбором антироссийских тезисов, являются, как никогда актуальными.

Главной ошибкой, в сложившейся ситуации, стал бы полный запрет иностранной литературы по Второй мировой войне. Исторический опыт наглядно демонстрирует, что тактика полного запрета не только не приносит должных результатов, но и приводит к увеличению интересов масс к объекту запрета, что объясняется особенностями человеческой психологии.

Одним из вариантов решения возникшей проблемы является возвращение водной статьи от редактора и редакторских примечаний от специалистов, как это было в советских изданиях иностранных авторов. Используя ссылки на документы и современные работы, редактор при использовании простого языка, не перегруженного терминологией, способствует формированию у читателей критического подхода к объективности информации из представленных книг.

Следующим решением должно стать возвращение публикации мемуаров военнослужащих Красной Армии. Переизбыток опубликованных немецких мемуаров, которые в силу своего личного характера вызывают сильный отклик у читателя, приводят к тому, что заложенные в них антироссийские образы становятся доминирующими в сознании обывателя. Все это приводит не только к дискредитации Красной Армии и искажению истории Второй мировой войны, но и создает прямую угрозу безопасности отечественному государству. Примером этого могут служить ряд бывших стран Советского Союза.

Библиография

1. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс], URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 18.01.2024).
2. Кикнадзе В.Г. Как идеи национализма и неофашизма овладевают массами. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета №13 (1), 2023. С.91-97.
3. Нарышкин: защита исторической правды является важной государственной задачей России [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/obschestvo/13049185> (дата обращения 18.01.2024).
4. Carr E. H. *What is History?*. Penguin Books, 1990. 188 р.
5. Никифоров Ю. Фальсификация истории Второй мировой войны. [Электронный ресурс], URL: http://www.cher-city.ru/node/falsifi-kaciya_istorii (дата обращения 18.01.2024).
6. Лушин А.Н. Фальсификации истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России № 23, 2013. С.21-25
7. Путин призвал СНГ максимально сохранить и обогатить общее многонациональное достояние. [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/politika/19565857> (дата обращения 18.01.2024).
8. Путин раскрыл цель попыток фальсификации истории [Электронный ресурс], URL: <https://ria.ru/20221115/istoriya-1831643095.html> (дата обращения 18.01.2024).
9. Wolfe A. J. *Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science*, 2018. 312 р.
10. Бивор Э. Вторая мировая война. М.: Колибри, 2014. 991 с.
11. Хайстинг М. Вторая мировая война: Ад на земле. М: Альпина нон-фикшн, 2015. 698 с.
12. Статья 6.1. Запрет публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы [Электронный ресурс], URL: <https://base.garant.ru/1518946/f533d167513979e2d229fe32a1897b73/#friends> (дата обращения 18.01.2024).
13. Рипли Т. Вермахт. Германская армия во Второй мировой войне. 1939-1945. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 335 с.
14. Эйлсби К. План Барбаросса. Вторжение фашистских войск на территорию СССР. 1941. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 223 с.
15. Кроуфорд С. Восточный фронт день за днем. Германский вермахт против Красной

- армии. 1941-1945. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. 302 с.
16. Бивор Э. Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 448 с.
17. Корниш Н. Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. М.: Центрполиграф, 2008. 223 с.
18. Харт С., Харт Р., Хьюз М. Рядовые Вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны. М.: Эксмо, 2006. 192 с.
19. Эппле Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. «НЛО», 2020. 576 с.
20. Kramer M. Russia Is Repeating Its Brutal History in Ukraine [Электронный ресурс], URL:<https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/russia-repeating-its-brutal-history-ukraine> (дата обращения 18.01.2024).
21. Историк: Нынешние преступления РФ в Украине вызывают однозначные ассоциации с преступлениями Красной армии в Польше. [Электронный ресурс], URL:<https://www.polskieradio.pl/397/8260/artykul/2969897> (дата обращения 18.01.2024).
22. Moorhouse R. Roger Moorhouse on the historical echoes of the war in Ukraine [Электронный ресурс], URL: <https://www.historyextra.com/period/21st-century/ukraine-conflict-how-echoes-parallels-ww2/> (дата обращения 18.01.2024).
23. Stop Comparing Ukraine to World War I [Электронный ресурс], URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/18/ukraine-counteroffensive-world-war-i-ii-western-front-normandy-trench-warfare-strategy-history/> (дата обращения 18.01.2024).
24. Remarks by President Biden Ahead of the One-Year Anniversary of Russia's Brutal and Unprovoked Invasion of Ukraine [Электронный ресурс], URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/21/remarks-by-president-biden-ahead-of-the-one-year-anniversary-of-russias-brutal-and-unprovoked-invasion-of-ukraine/> (дата обращения 18.01.2024).
25. READ: Biden's remarks on wars in Ukraine and Israel [Электронный ресурс], URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/19/politics/read-biden-oval-office-israel-ukraine/index.html> (дата обращения 18.01.2024).
26. Издатели "Историка" объяснили, почему быть дилетантом просто, но неинтересно [Электронный ресурс], URL: <https://www.pravda.ru/news/science/1281182-istorik/> (дата обращения 18.01.2024).
27. ВЦИОМ: большинство россиян заявили об интересе к истории своей страны [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/obschestvo/17374331> (дата обращения 18.01.2024).
28. Лесина Л.А. Формирование устойчивого интереса к истории как основа патриотического воспитания молодежи // Современные исследования социальных проблем. Т.9 № 2-2, 2018. С.138-144.
29. Историк. Редакция. [Электронный ресурс], URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/about> (дата обращения 18.01.2024).
30. "Родина" приросла миллионом .Аудитория одного номера журнала в марте и апреле этого года составила 1 081 100 читателей [Электронный ресурс], URL: <https://rg.ru/2023/07/25/rodina-prirosla-millionom.html> (дата обращения 18.01.2024).
31. Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c.1941-2001. Cambridge University Press, 2015. 308 p.
32. Dolski M. «Portal of Liberation»: D-Day Myth as American Self-Affirmation // D-Day in History and Memory. Denton: UNT Press, 2014. P.43-84
33. Бурмакина Н.Г. Репрезентация категории авторитетности в жанре научной статьи //

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛОГА КУЛЬТУР.
 ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ИБЕРОАМЕРИКАНСКОМ И
 РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ материалы III Международного конгресса.
 Ростов-на-Дону-Таганрог, 2020. С.362-368.

34. Наталия Таньшина: Русофобия в системе российского образования и гуманитарного знания [Электронный ресурс], URL: https://vk.com/@bditelnost_info-nataliya-tanshina-rusofobiya-v-sisteme-rossiiskogo-obrazovan (дата обращения 18.01.2024).
35. Ирхин А.А. Борьба за «умы и сердца» народа Украины: российские позиции и причины упущенных возможностей. Парадигмы истории и общественного развития // Парадигмы истории и общественного развития. 2016. Вып.1. С.64-70.
36. Ирхин А.А. Россия и запад: методологический уровень конкуренции. Запад – Восток. // Запал-Восток. 2015. №8. С.9-1

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена такому современному аспекту международной политике, как использование "мягкой силы" в противостоянии между государствами, а именно исторической политике как элементу информационной войны. Актуальность представленного исследования обусловлена тем, как отмечает автор, что "история и историческая правда стали одним из основных компонентов и инструментов в информационных войнах ведущих государств мира". Предметом статьи является содержательное сопровождение деятельности по созданию негативного образа России, продвигаемого в средствах школьного и университетского образования, в том числе на постсоветском пространстве. В методологическом плане автор предпочитает использовать термин "информационно-психологического противостояния", что позволяет разграничить объективную и субъективную составляющие в самом ядре истории, произвести разделение между исторической истиной, историческими фактами и их репрезентациями в концепциях историков. Автор анализируют процессы фальсификации и искажения истории как попытки влиять на современную политическую ситуацию с точки зрения текущих международных дискурсов. Значительная часть исследования посвящена деятельности профессиональных историков-ученых, которые целенаправленно занимаются конструированием идеологических нарративов, среди которых преуспели британские авторы. Целью данной статьи является выработка рекомендаций по усилению государственной политики в области сохранения исторической памяти - в этом плане статья весьма значима и востребована с точки зрения работы с национальной идентичностью. Методологическое основание исследования является достаточно весомым и сильным, автор использует методику контент-анализа для выявления политico-идеологического наполнения основных исторических сюжетов в научных произведениях зарубежных исследователей. В структурном плане статья также удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к научными публикациями в журналах Nota Bene. Автор рассматривает различные интерпретации и оценки событий Второй мировой войны и роли России в послевоенном мироустройстве и порядке. Научная новизна и значимость представленной публикации сомнений не вызывают, поскольку автор анализирует работы, ранее не исследуемые в отечественном историографическом дискурсе. Вместе с тем, представляется, что не вполне удачно было выбрано издание "Конфликтология". Статью можно было бы

рекомендовать для публикации в изданиях "Genesis: исторические исследования" и "Национальная безопасность". Вместе с тем, представляется, что статья вызовет высокий интерес у читательской аудитории, не только среди специалистов-исследователей исторической и символической политики, но также и у практиков в области государственного управления, а также всех, кто интересуется современным идеологическим и информационным противостоянием России со странами Запада, которые активно усиливают враждебный дискурс по отношению к нашему государству. Статья опирается на достаточно широкий пласт научных источников и сильную методологическую базу, поэтому она может быть рекомендована к публикации без внесения значительных исправлений и доработок.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Кошмаров М.Ю. Исследование генезиса и трансформации нарративов о конфликте Китая и Запада // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69538 EDN: GKMOYL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69538

Исследование генезиса и трансформации нарративов о конфликте Китая и Запада

Кошмаров Михаил Юрьевич

ORCID: 0000-0001-6166-5186

кандидат технических наук

директор по разработке инновационных технологий, Фонд РОПЦ

101000, Россия, г. Москва, пер. Лучников, 2

 mk69@ya.ru

[Статья из рубрики "Эволюция современных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69538

EDN:

GKMOYL

Дата направления статьи в редакцию:

09-01-2024

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи являются нарративы о конфликте Китайской и Британской империй в XVIII-XIX веках и о Корейской войне 1950-1953гг. Цель исследования – выявить и проанализировать устойчивые нарративы и штампы об этих конфликтах, показать их генезис, трансформацию и целевые группы. В качестве анализируемого материала, сравниваются дипломатическая переписка приведенная в труде А. Тойнби "Постижение истории" и в книге Г. Киссинджера "О Китае"; рассмотрены дополнительные источники. Выявленные несоответствия в ключевых вопросах анализируются путем сравнения, а также ситуационного и исторического контекста появления этих текстов и их интерпретаций. Также разобран и деконструирован менее известный нарратив времен холодной войны, о двухмесячном визите в Москву китайской делегации в 1949-1950гг. Обработка, обобщение, анализ фактологического материала осуществляются дескриптивным, историческим, системным, компаративным и аналитическим методами с использованием данных из открытых источников; тезисов и цитат из научной литературы. Анализируются тексты

первоисточников в координатах субъект-текст-адресат-обстоятельства. Методологическую основу лингвистического исследования текстов составляют контент-анализ, интент-анализ, дискурс-анализ, нарратив-анализ. Полученные результаты выявили искажения проанализированных нарративов о конфликте Китайской и Британской империй в XVIII-XIX веках; о переговорах КНР и СССР 1949-1950 гг. Проанализированы вероятные причины появления указанных искажений. Указаны первоисточники заслуживающие внимания и дальнейшего исследования. Проведены параллели между исследуемыми событиями, которые ранее в таком ключе не рассматривались; проведен анализ в свете выявления этих корреляций. Обоснована неоднозначность и тенденциозность многих тезисов работы Киссинджера; проанализированы причины и вероятная целевая группа для которой создавались эти нарративы. В заключении проанализировано задекларированное Китаем видение развития международных отношений в связи с историческим контекстом. Выдвинут тезис о применимости полученных данных для прогнозирования текущего конфликта Китая и США вокруг Тайваня.

Ключевые слова:

Китай, Сообщество единой судьбы, Опиумные войны, Тайвань, Технологическая однополярность, Корейская война, Посольство Маккарти, пропаганда, Британская Ост-Индская компания, меркантилизм

Гонги и барабаны, знамена и флаги позволяют армии слышать единым ухом
и видеть единым глазом – так возникает общее понимание в войсках.

Искусство войны. Сунь-Цзы. [\[1, с.68\]](#)

Противоречия Китая и США, все чаще проявляющиеся в последнее десятилетие, позволяют говорить об этом противостоянии в более широком смысле. Это обуславливает целесообразность и актуальность исследования генезиса и развития конфликтов Китая и стран Запада. Общепризнано, что началом этого конфликта явились требования британских торговцев возместить убытки в связи с конфискацией и уничтожением промышленной партии опия, после официального запрета ввоза в Китай этого наркотического вещества, что и привело в итоге к трём Опиумным войнам. Хотя название этих войн говорит само за себя, существует определенный нарратив о причинах этих войн, куда включен месседж об отказе Китая от прогрессивной британской системы свободной торговли. Или другими словами: изоляционизм архаичного Китая, как оправдание агрессии британцев. Конфликт с «прогрессивной Западной цивилизацией» обошелся Китаю дорого. Более ста лет хаоса китайской государственности закончились только во второй половине XX века. Завершающим конфликтом этого периода вполне можно назвать Корейскую войну, где Запад был представлен в основном войсками армии США, а на стороне Северной Кореи сражалось более миллиона китайских бойцов (в разы больше, чем корейцев) [\[2, с. 105\]](#). События предшествующие Опиумным войнам и Корейской войне, будут рассмотрены в настоящей статье, в том числе через оптику теории пропаганды. Также в статье будут рассмотрены более тонкие механизмы и технологии внедрения пропагандистских нарративов заданным целевым группам.

Предыстория и развитие конфликта Китайской и Британской Империй

Колонизация времен голландской и британской Ост-индских компаний была отражением тогдашней европейской политэкономической парадигмы. Можно сказать, что меркантилизм, как его называли критики (А. Смит, в том числе), был идеологией этих первых ТНК. С точки зрения европейских международных отношений, меркантилизм, согласно М. Фуко, основывался на трех китах: обогащение за счет монетарного накопления, усиление за счет роста населения, конкуренция с другими крупными игроками. [\[3, с.108\]](#)

По поводу первопричин Британской агрессии в отношении Китая существует пропагандистский нарратив, деконструкция которого и является одной из целей настоящей статьи. Исходной точкой этого нарратива является приезд в Пекин в 1793 г. посольства Лорда Макартни (Macartney Embassy) и соответствующая переписка Короля Георга III и Императора Цаньлуна. Существует как минимум три интерпретации этой переписки, которые и будут рассмотрены ниже.

Для начала следует коротко описать предысторию этого конфликта с учетом исторического, политического и экономического контекста. Служащими Британской Ост-Индской компании (EIC) меркантилизм понимался в первую очередь, как максимальное накопление золота и серебра, которое возможно только в случае положительных торговых балансов. Но веками, с античных времен, пряности востока и позже чай и вообще все восточные товары обменивались только на серебро, а не на европейские товары. Такой отрицательный торговый баланс, вызывал отток серебра, что было неприемлемо с точки зрения меркантилистской концепции. Идея была в том, чтобы организовать такую схему, которая бы гарантировала концентрацию ценностей в метрополии. С Индией это удалось только через сто лет после открытия первых торговых представительств на подаренном в 1662г. португальцами острове Бомбее, и только после организации гражданской войны. Китай значительно отличался от Индии и здесь задача для британцев была намного сложнее. Согласно Фернану Броделю, Китай в XVIII веке являлся мир-экономикой превосходившим Британскую империю и по населению и по ВВП. [\[4, с. 449-551\]](#) Это известный факт сегодня, подтвержденный и экономистами и историками, Бродель здесь может выступать эталоном, как один самых дотошных исследователей, проверенный временем, собравший и проанализировавший колоссальный массив данных. Китайская империя с тысячелетними традициями, с централизованным и эффективно организованным управлением и меритократическими лифтами, с хорошо развитой транспортной инфраструктурой, включая сложную сеть каналов, была огромна по масштабам Европы, по площади и по мононациональному населению. Политическое устройство Китая, по классификации Платона и Аристотеля – максимально эффективное для государственного управления: монархия.

Хотя здесь имела место определенная цикличная специфика. Смена династий происходила не часто, но турбулентно: ослабление государства по любым причинам, погружало страну в хаос; обуздание хаоса легитимизировало следующую династию. Транзит власти внутри династий происходил с учетом меритократических принципов, легитимность власти основывалась не на выборах, но на некоей метафизической сущности, называемой Повеление небес.

Повеление небес [天命] или Небесный мандат – концепция легитимности верховной власти в Китае, была сформулирована около 1000 до н.э. и стала основой китайской идеологии и политической философии. Понятие Небесный мандат широко используется в западной научной литературе о Китае, в частности, в широко цитируемой книге Генри Киссинджера, на которой ниже мы остановимся подробнее.

Согласно Конфуцию, повеление, мандат на правление императору вручает Божественное Небо. В случае ненадлежащего выполнения властных обязанностей Небо может забрать мандат и передать достойному. Для иллюстрации здесь будет вполне уместна цитата из Конфуция. «Яо сказал: О ты, Шунь! Небом установленное преемство власти пало на тебя. В делах управления твердо держись середины. Если народ в пределах четырех морей будет испытывать лишения, то ты навечно лишишься благословения Неба.» [\[5, с. 163.\]](#) То есть, Повеление небес – это уверенность и элит и масс в том, что во главе государства находится достойнейший человек, которого Небо (высшая сила, божество) наделило благодатью, включая экономическую и военно-политическую удачу и одновременно назначило проводником этой благодати для распространения на каждого члена общества. Следует отметить, что такое же понимание концепции высшей власти в Китае сохранилось по сей день. Согласие и гармония в обществе – благодать дарованная Небом. Дарованная потому, что лидер Поднебесной, признан Небом достойным этой благодати.

Следовательно, протестующий/несогласный, сам, по умолчанию, «отключается» от канала по которому протекает Небесная благодать, значительно превосходящая рамки материального. Антитеза благодати в понимании китайцев – это хаос. Признак потери такого мандата – череда неудач. Огромные размеры страны обеспечивали ее экономическую самодостаточность – все необходимое производилось в Китае и большая часть произведенного могла быть продана внутри Китая. Высокообразованные элиты, руководствуясь традиционной единой политикой в отношении иностранцев, четко понимали важность и положительного торгового баланса и опасность зависимости от иноземных товаров. Экспорт товаров был организован через единственный порт Кантон (Гуанчжоу) под тщательным надзором правительственные чиновников. Фактически, экспортом-импортом монопольно занималась государственная торговая корпорация Гунхан. Государственный интерес обуславливал поддержание положительного торгового баланса, а следовательно к оплате принималось только серебро, при этом не давая иностранным товарам попасть на внутренние рынки Китая, чтобы не создавать у простого населения излишних желаний и потребностей и не стимулировать излишнее потребление и роскошь.

Более того, конфуцианские этические и философские традиции Китая ставят честь, справедливость и традиции выше любых коммерческих успехов.

Методы британцев вызывали у китайцев презрение к «варварам», «низким людям», которым необходимо всегда указывать их место и «получать с них дань», а не сотрудничать на равных. Также как и отток серебра, это не могло быть принято гордыми своими победами колонизаторами, видевшими китайцев и индийцев, стоящими на ступень ниже себя. Схемы, которыми британцам удалось коррумпировать и завоевать Индию, в монолитном Китае были не эффективны. Кроме того, китайцы сами при первой возможности пытались окитайтить, китайзировать пришельцев, используя методику «пяти искушений». Пять искушений пришельцев – это: «Дать им... изысканные одежды и кареты, чтобы подкупить их зрение; дать им вкусной еды, чтобы подкупить их рот; дать музыку и женщин, чтобы подкупить их уши; предоставить им большие дома, зернохранилища и рабов, чтобы подкупить их животы. [...] Что касается тех, кто захочет сдаться, император окажет им благосклонность и устроит в их честь императорский прием, где император лично подаст им вина и еды, чтобы подкупить их разум. Это и есть то, что можно назвать пятью искушениями» [\[6, с.37\]](#) В этой ситуации в ЕИС нашли достаточно радикальное решение. Сложно предположить, что изначально было запланировано сделать опиозависимыми четверть населения страны, скорее они

действовали шаг за шагом. Вначале по шаблону, пытаясь организовать треугольную торговлю, а потом, увидев более «300% прибыли», напористо развивая успех наркоторговли. (300% — это отсылка к Марксу, который процитировал работу Томаса Даннинга: «при 300 процентах нет такого преступления, на которое он [Капитал] не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». [\[7, с. 36.\]](#))

Торговля опиумом со временем оказалась весьма эффективным средством расшатывания китайской государственности и стала частью долгосрочной стратегии ЕС. Запретительные меры предпринимаемые Китаем привели к ответным действиям британских торговцев: организации масштабной контрабанды и подкупам. Что одновременно и коррумпировало чиновников и разворачивало народ, вызывая эрозию согласия в обществе. При этом, ослабляя Китай наркотрафиком, британцы готовились к войне, выжидая наиболее благоприятный момент. Описываемая спланированная и централизованная наркоторговля британцев началась в XVIII в, постепенно набирая обороты. Например, Адам Смит в своей главной книге о причинах богатства народов вышедшей в 1776г. описывает опиумный бизнес ЕС, как вполне сложившуюся часть колониальной экономики. Цитата дает интересные детали: «Английская компания еще не успела установить в Бенгалии столь совершенную разрушительную систему. Но система их управления отличалась в точности такой же тенденцией. Как меня заверяли, нередко бывало, что начальник, т. е. главный приказчик какой-либо фактории, приказывал крестьянину распахать цветущее поле мака и засеять его рисом или каким-нибудь другим злаком. Предлогом выставлялось предупреждение недостатка продовольствия, но фактической причиной являлось стремление дать начальнику возможность продать по лучшей цене большое количество опиума, имевшееся у него на руках. В других случаях давалось приказание противоположного характера, и хорошее поле риса или другого хлеба перепахивалось, чтобы уступить место плантации мака; это делалось, когда начальник предусматривал возможность получения чрезвычайно большой прибыли от опиума.» [\[8, с 603.\]](#)

При этом Смит отнюдь не являлся апологетом Китая, скорее наоборот, он в частности писал, что китайцы проявляют мало уважения к внешней торговле, презирают иностранных купцов, страна находится в застое [\[8, с.124\]](#), а условия жизни низших слоев народа так тяжелы, что «как утверждают», в крупных городах «детей оставляют на улице или топят, как щенят, в реке». [\[8, с.641\]](#) Ремарка Смита "как утверждают" без ссылки на источник, говорит о его желании настоящего ученого перепроверить эти сведения, так как они не могли быть точными по той простой причине, что в конце XVIII века британцев и вообще иностранцев в города Китая не допускали. (За очень редким исключением в виде русской православной миссии в Пекине.)

Первая опиумная война 1840-1842гг. закончилась поражением Китая, представлявшимся абсолютно невозможным Императору и его советникам; они были принуждены к подписанию унизительного мира, но не осознали до конца масштаба конфликта. Это был не конец войны, а ее начало. Все серьезные проблемы для Китайской империи были впереди.

Нанкинский мирный договор 1842г. открыл ворота для вторжения торговцев и миссионеров. Далее англичане стали действовать по проверенной схеме – они вычислили политический зазор, разобравшись, что Китаем правит воинственное национальное меньшинство маньчжуров, северо-восточной народности Китая, которые подхватили падающую власть, сменив предыдущую династию Мин, разлагающуюся под влияние евнухов. Маньчжуры когда-то прекратили начавшийся в стране хаос, соблюдали

конфуцианские традиции, следовали ритуалу, провозгласили новую династию Цинь, значительно улучшили экономическое положение в стране и тем самым обеспечили свою легитимность, то есть безусловно обладали Небесным повелением. [\[9, с. 714-719\]](#) Но все же маньчжуры – это не титульная нация Китая – хань и значит к ним всегда больше вопросов. (Национальность хань всегда составляла подавляющее большинство населения Китая, сегодня это более 90%). Таким образом, существовала большая вероятность того, что народ их правление принимает условно, до первых серьезных проблем. Создав политический и/или экономический хаос можно было рассчитывать на то, что ситуацию недовольства можно будет обострить до бунтов и далее, в сумме с альтернативной идеологией, разжечь до масштабов гражданской войны.

Одной из причин бунтов и гражданских войн является резкий демографический рост и как следствие – молодежная возрастная диспропорция, т.е. доминирование в обществе возрастной группы 15-25, которую условно можно назвать «неустроенной». Как и во всем мире, в период 1790-1850гг, население Китая значительно выросло: с 300 до 430 млн человек. [\[9, с.577\]](#) Соответственно, количество неустроенной молодёжи выросло кратно. Работа протестантских миссионеров, была начата еще до первой опиумной войны и в результате появился перевод Библии на китайский язык опубликованный в 1835г., с протестантскими комментариями. Автор перевода некий лютеранин Карл Гутцлаф. После опиумной войны число миссионеров-протестантов возросло, но появился политический оттенок их деятельности. Синкретическая протестантско-даосско-буддистская, тоталитарная секта Хун Сюцюаня стала источником вооруженного восстания против действующей власти. Предводитель секты провозгласил себя императором Небесного царства Тайпин Тяньго и возглавил восстание 1850 г., переросшее в 13-летнюю гражданскую войну, жертвами которой стали десятки миллионов человек. Выждав, когда Китай максимально ослабнет, британцы (и их союзники по Крымской войне, французы) решили, что настало время прикончить древнюю империю. Вторая 1856-1858 гг. и третья 1859-1560гг. опиумные войны нанесли Китаю удар, который стал началом длительного периода падения китайской государственности: мятежи, проигранные локальные войны, утраты контроля за лимитрофными территориями, революции, отречение Императрицы, оккупация, гражданские войны, многомиллионные человеческие потери. Полностью оправиться от британского нокаута Китаю удалось лишь ко второй половине XX века. Период 1842-1945гг. в Китае официально называют – век неравноправных договоров или столетие унижений.

Посольство Макартни

Начало такой гибридной войны Британской империи против Китайской империи возможно наиболее верно следует отсчитывать от приезда в 1793 г. посольства Лорда Макартни (Macartney Embassy), привезшего письмо Короля Георга III и ответа Императора Цаньлуна. Как уже было сказано выше, существует как минимум три интерпретации этой переписки. Лорд Макартни в данном случае выступил посредником. Король Георг III страдал периодическими психическими расстройствами и поэтому более известен как «безумный Георг» или «безумный король». Император Цаньлунь – самый успешный император династии Цин. Период его правления называют эпохой высокой Цин или High Qing era, имея ввиду что Китайская империя достигла при Цаньлуне пика территориального и экономического могущества.

Вариант переписки, косвенно оправдывающий последующие действия британцев по уничтожению китайской государственности, приводит Генри Киссинджер в вышеупомянутой книге «О Китае», опубликованной в 2011г. В главе «Вопросы

церемониала и Оpiумные войны» Киссинджер пересказывает, выборочно цитирует, комментирует и интерпретирует эту переписку, ссылаясь на следующий первоисточник впервые опубликованный в 1999г: Cheng P. Lestz M. The Search for Modern China: A Documentary Collection. [\[10\]](#) На русский язык книга не переводилась.

По Киссинджеру, китайцы насмешливо оскорбили и посла и Короля, и идеи Просвещения и свободной глобальной торговли, которые благородная Британия несла народам мира. Вторая рассматриваемая интерпретация принадлежит Арнольду Тойнби, который считал победу англосаксонских протестантов «величайшей трагедией для человечества» [\[11, с.136\]](#)

Более того Тойнби, вслед за Николаем Яковлевичем Данилевским утверждал, что унификация мира на базе западной экономической системы и рассмотрение истории человечества как истории Европы – это ошибочная парадигма, ссылаясь именно на Китай, как на древнейшую и крупнейшую цивилизацию мира сохранившую и язык и государственность и конкурировавшую на равных с Европой вплоть до войн с Британией. Также и Самюэль Хантингтон в своем *magnus opus* «Столкновение цивилизаций» совершенно верно указал на правильный подход Арнольда Тойнби – не рассматривать Запад как универсальную цивилизацию: «То, что для Запада - универсализм, для остальных – империализм». [\[12, с. 282\]](#)

Согласно Тойнби, Император вежливо и дипломатично отказал послам в их просьбе везти товары из Европы в Китай. Здесь будет уместна большая цитата: «Смех – лучшее лекарство, так давайте увидим, сколь смешно выглядит «англосаксонская манера» при встрече с другим народом. Вот, например, отрывок из официального письма, которое было передано философски настроенным императором Цзяньлуном британскому посланнику для передачи его патрону, слабоумному королю Британии Георгу III в 1793 г.: «Ты, о король, живешь за пределами многих морей; тем не менее, движимый смиренным желанием способствовать благу нашей цивилизации, ты направил миссию со своим верноподданническим посланием... Я обнаружил в нем благородное самоуничижение, заслуживающее высокой похвалы. Учитывая тот факт, что твой Посол и представитель проделали длинный путь с меморандумом и дарами, я оказал им высочайшую честь, разрешив присутствовать на приеме. Чтобы показать им свою благосклонность, я устроил в их честь обед и щедро одарил их... Что же до твоей просьбы аккредитировать их при моем небесном Дворе с целью контроля над торговлей с Китаем, то она противоречит практике моей Династии и едва ли выполнима... Если даже, как ты утверждаешь, почтение к нашей Божественной Династии вселяет в тебя желание ознакомиться с нашей цивилизацией, то церемонии и законы наши настолько отличаются от ваших, что, если даже твой посланник и усвоит что-либо из них, ты все равно не сможешь привить их на твоей чужой для нас почве. Поэтому, как бы ни был твой посланник учен, ничего из этого не выйдет. Управляя всем миром, я преследую одну цель, а именно: сохранить благое правление и выполнить долг перед Государством. Чужие и дорогостоящие цели меня не интересуют. Если я распорядился принять посланные тобой подарки, о король, то сделал это лишь потому, что они присланы издалека. Царственная добродетель нашей Династии проникла во все страны Поднебесной, и цари всех народов шлют нам свои дары по суще и по морю. У нас есть все, и это может свидетельствовать твой посол. Я не придаю особого значения вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся». [\[11, с.121.1\]](#) В качестве своего источника, Тойнби указывает исследование сэра А. F. Whyte, британского госслужащего, работавшего в том числе в Индии и Китае. Исследование

было впервые опубликовано в 1927г. и называлось *China and Foreign Powers*. [\[13\]](#) На русский язык книга не переводилась. Отметим в тексте следующие лингвистические конструкции: «...движимый смиренным желанием способствовать благу нашей цивилизации, ты направил миссию со своим верноподданническим посланием...», «Управляя всем миром, я преследую одну цель...», «...цари всех народов шлют нам свои дары...» Эти обороты в сумме с покровительственным тоном автора, а также основной смысл послания свидетельствуют о том, что перевод письма Императора из исследования сэра Уайта, используемый Тойнби, определенно выглядит как обращение вышестоящего к нижестоящему.

Архивные тексты опубликованные доктором Н.В. Morse

Третий рассматриваемый вариант эпизода посольства Макартни и дипломатической переписки – сборник текстов из архива EIC. Автор этого сборника документов, Honorary LL.D. from Harvard Hosea Ballou Morse (1855-1934), проработавший долгое время таможенным чиновником, Почетный доктор права Гарварда, автор нескольких объемных и подробных научных трудов наиболее известные из которых: «Международные отношения Китайской империи», 3-томная «Хроники отношений династии Цин с западными странами» и цитируемый в настоящей статье 5-томник «Хроники торговой деятельности Ост-Индской компании в Китае в 1635-1834 годы». [\[14\]](#) Первая публикация 1926г. В РГБ имеется это издание, однако имя автора в библиотечной карточке не переведено и указано только на языке оригинала. Источник также находится в открытом доступе <https://archive.org/details/dli.ernet.503979/page/223/mode/2up> (дата обращения 15.12.23.)

Во вступительном примечании к пятитомнику Н.В. Morse пишет, что работал напрямую с архивами Британской Ост-Индской компании: «Подготовка этой работы стала возможной благодаря щедрости Индийского офиса, предоставившего мне доступ ко всем сохранившимся документам Достопочтенной Ост-Индской компании, относящимся к Китаю.» [\[15, с. vii.\]](#) Сразу следует отметить, что интерпретации и выдающегося историка Арнольда Тойнби и уважаемого политического деятеля Генри Киссинджера заметно отличаются от «голой» переписки представленной в исследовании доктора Н.В. Morse. Эти существенные различия могут быть предметом отдельного научного исследования о появлении похожих по содержанию, но сильно отличающихся по форме документов. Наиболее вероятным видится вариант двух или более разных переводов, один из которых адаптировал сам Лорд Макартни после провала своей миссии, которую он долго и тщательно готовил и успех которой возможно видел венцом своей государственной службы (ему было 55, когда он возглавил посольство в Китай). Этот перевод полностью созвучен дневникам Макартни, где он описывает свои многочисленные унижения китайскими чиновниками и придворными, длительные ожидания аудиенций, etc. Существует также несколько версий того делал ли Макартни обряд «коу тоу» или нет, вставал ли он на четвереньки для поклонов и касаний лбом пола или только на одно колено (что маловероятно, так как противоречило протоколу по допуску к императору). В любом случае, в независимости от того насколько он считал унизительным и оскорбительным своё пребывание в Китае, он не выполнил свою миссию – убедить Императора Китая принять европейские (почти британские в 1793г.) правила игры и ценности; что конечно же могло повлиять на его интерпретацию событий по возвращению в Лондон. Более того, следует учесть, что с момента отъезда из Пекина до приезда в Лондон Макартни провел в дороге почти год, согласно приведенной Н.В. Morse хронологии маршрута посольства, [\[14, с.224\]](#) и у него было время детально проанализировать произошедшую неудачу. При этом в архиве компании в Кантоне

сохранилась копия первичного дословного перевода, который мог быть сделан переводчиком компании в Кантоне сразу после возвращения посольства из Пекина, по поручению посла. Или же, что более вероятно, к посольству по прибытии из Англии в Кантон, был прикреплен на правах персонала писарь-переводчик, имеющий не академический, а прикладной, актуальный, практический опыт переводов официальных текстов с китайского на английский. И этот-то «переводчик-референт» и сделал этот первичный «голый» перевод без адаптаций, копия которого аккуратно хранилась в архиве компании, пока ее не извлек Почетный доктор права Гарварда Н.В. Morse. Другую версию появления этого варианта перевода письма Императора Цаньлуня в архиве Британской Ост-Индской компании представить сложно. Заподозрить в манипуляции педантичного и дотошного доктора Н.В. Morse еще сложней. После анализа всех обстоятельств, обратимся к самим текстам. Вот два фрагмента письма английского короля Георга III императору Цаньлуну. «Находясь под впечатлением таких настроений с самого начала нашего правления, когда мы обнаружили, что наш народ вовлечен в войну, мы даровали нашим врагам, одержав над ними победы в четырех частях света, благословения мира на самых справедливых условиях. С того периода, не удовлетворяясь содействием процветанию наших собственных подданных во всех отношениях, и не в пример каким-либо прежним временам, мы использовали различные возможности для оснащения кораблей и отправки на них некоторых из самых мудрых и образованных представителей нашего собственного народа для открытия отдаленных и неизведанных регионов, не с целью завоевания или расширения наших владений, которые и без того достаточно обширны для удовлетворения всех наших желаний, не с целью приобретения богатства или даже содействия торговле наших подданных, но ради того, чтобы расширить наши знания о пригодном для жизни земном шаре, познакомиться с различными производствами Земли и донести искусство и удобства жизни до тех частей, где они до сих пор были малоизвестны; [...] И теперь, когда мы благодаря благоразумию и справедливости избежали бедствий войны, в которую раздоры и честолюбие ввергли большинство других королевств Европы, и привлекая наших союзников в Индостане, мы положили конец военным действиям, вызванным нападением честолюбивого соседа, даже когда в наших силах было уничтожить его, мы имеем счастье быть в мире со всем миром, никакое время не может быть более благоприятным для расширения границ дружбы и благожелательности, а также для предложения общаться и получать те выгоды, которые должны быть результатом безоговорочного и дружественного общения, между такими великими и цивилизованными нациями, как Китай и Великобритания.» [\[14, с.245-245\]](#)

Следует отметить, что в вводной части письма два раза используется слово «война», первый раз в абзаце о победах в четырех частях света (Victories in the four quarters of the world), второй раз, в абзаце о возможностях по уничтожению врагов (In Our power to destroy him). После такого вступления и последующих рассуждениях о пользе торговли между нациями и длинном описании заслуг посла, привезшего это письмо Императору, следует просьба о «справедливом» доступе британских торговцев к «вашим рынкам». Можно спорить о переводах ответа Императора, но текст письма Георга III, кто бы его не писал (ввиду болезни Короля), был изначально написан на английском и естественно в таком аутентичном виде и хранится в архивах. Дипломат Киссинджер про воинственность этого текста в своей книге умолчал. К письму прилагалось прошение посла из 11 пунктов и дополнения с перечислением конкретных привилегий, которые следует предоставить британским торговцам, включая просьбу не путать их с «другими говорящими на английском языке». [\[14, с.252-254\]](#)

Дважды использованное слово «война» в начале письма о сотрудничестве в комбинации с прошением из 11 пунктов и сегодня может быть истолковано только как угроза применить силу в случае отказа. А в китаецентричном мире Императора и его придворных это не могло быть воспринято по-другому. В Китае в тот момент могли не знать о революции во Франции, гильотинировании элит, войне Британии и Франции, но про действия британцев в соседней Индии сведения конечно же были. Например, про Великий бенгальский голод 1770 г. Приведем далее несколько цитат из ответа Императора Цаньлуна, только что отметившего 80-летие: «Продукция нашей империи разнообразна и находится в большом изобилии; мы ни в малейшей степени не нуждаемся в продукции других стран. Китай, в частности, предлагает чай, прекрасную глиняную посуду, шелк и другие материалы. Все это очень востребовано, как в вашем собственном, так и в других королевствах Европы. Из желания сделать вам одолжение я распорядился, чтобы в Кантоне были открыты общественные склады этих разнообразных товаров. Но предложения вашего посла направлены сразу на свержение этого давно устоявшегося способа торговли, на замену его другим, но этот новый метод был бы очень несовместим с доброй волей, которую мы исповедуем по отношению ко всем иностранным нациям. Нашим постоянным правилом является относиться ко всем одинаково хорошо, без какой-либо предвзятости. Англичане - не единственные люди, которые торгуют в Кантоне. Теперь, если бы все они, следуя вашему примеру, обращались с одинаковыми запросами, мог бы я дать удовлетворительные ответы на каждый из них? [...] На протяжении веков вы следовали тому, что считали истинной религией. В Китайской Империи, с самого раннего периода ее существования и по сей день, благодаря мудрости ее Императоров была установлена и передана потомкам Доктрина, в которой четыре части Империи были приведены к согласию на протяжении нескольких столетий. Поэтому неправильно мешать им исповедовать их древнее учение. [...] Нетрудно отличить благие намерения от злонамеренных; теперь ваш посол, похоже, задумал пропагандировать вашу английскую религию, чего я ни в коем случае не допущу. Однако я не могу убедить себя в том, что вышеупомянутые просьбы исходили по твоей собственной инициативе; по-видимому, о царь, они исходили от самого посла. Моим правилом является принимать самым дружелюбным образом всех послов, кем бы они ни были направлены, и с готовностью соглашаться на их предложения, если они не противоречат законам Империи. На самом деле я ответил на подарки, сделанные мне послом вашего Величества, большими и более значительными, чем принято дарить послам других государей. В заключение, поскольку просьбы, с которыми обратился ваш посол, противоречат законам и обычаям нашей Империи и в то же время совершенно бесполезны для предлагаемой цели, я не могу согласиться с ними и снова увещеваю тебя, о Король, действовать сообразно моим намерениям, чтобы мы могли сохранить мир и дружелюбие с каждой стороны и тем самым способствовать нашему взаимному счастью. После этого моего официального предупреждения, если ваше Величество, в соответствии с требованиями ваших послов, снарядит корабли с приказом попытаться торговать либо в Нингпо, Чусане, Тяньсине, либо в других местах, ввиду чрезвычайной суровости наших законов, я буду находиться под необходимостью дать указание моим мандаринам заставить ваши корабли покинуть эти порты, сведя на нет огромные хлопоты и усилия ваших торговцев. Однако тогда вы не сможете жаловаться на то, что я вас явно не предупредил. Поэтому давайте жить в мире и дружбе и не относитесь легкомысленно к моим словам.» [\[14, с. 247-252\]](#)

Следует отметить, что ответ Императора Цаньлуна написан в тональности мира и дружелюбия, а не войн и угроз, без тени пренебрежения к другим народам, но твердо настаивающий на суверенитете Китая. Тем не менее, итогом посольства Маккарти стало

лоббирование интересов ЕИС, требующих в перспективе военных действий, существенной поддержки военного флота. Итоговым, стал выбор долгосрочной стратегии на дальнейшее ослабление Китая, с тем чтобы в удобный момент завоевать и подчинить его, как до этого была подчинена Индия. Вполне можно сказать, что это была победа международной торговой корпорации, сумевшей отправить государственный военный флот Британии против Китая, отказавшегося от «свободной торговли» с ЕИС.

Заканчивая с перепиской первых лиц двух крупнейших империй того времени, следует также добавить, что Тойнби, описывая миссию Макартни, упоминает и безумие Короля Георга. Это достаточно известный исторический факт, нашедший отражение в том числе в литературе и кино. Безумный Георг был королем с 1760 по 1820 гг. и несмотря на болезнь оставался на троне (только в 1811 г. в качестве регента был назначен его сын Георг IV). Тот факт, что именно в этот период Великобритания разгромила своего главного соперника в Европе – Францию и стала крупнейшей мировой империей и экономическим центром мира, указывает на два обстоятельства. Во-первых, политическое устройство Британии уже в то время не нуждалось в монархе как национальном лидере – весь Лондон знал, что король болен, однако империя достигла пика своего могущества, фактически управляемая из-за ширмы и возможно, именно вследствие этого. Во-вторых, в этой связи можно в качестве гипотезы, по-другому взглянуть на отделение североамериканских колоний 1776 г. Одно из главных правил крупного капитала - диверсификация.

Итак, несмотря на сохранившиеся архивы, посольство Макартни вошло в историю, как оскорбление Китаю идеей Просвещения, свободной торговли, вызов Европейской цивилизации. И таким образом, косвенно легитимизирует и оправдывает в глазах мирового сообщества наркоторговлю англичан и американцев и последующие Опиумные войны.

Двухмесячный визит в Москву Мао Цзэдуна накануне Корейской войны

Второй важный месседж, который Киссинджер будто вскользь «вкрапил» в свою книгу – обстоятельства приезда в Москву Мао Цзэдуна накануне Корейской войны. Исходные факты таковы: 16 декабря 1949 г. Председатель Мао приехал в СССР, приглашенный на 70-летие Сталина и жил в Москве более двух месяцев, ненадолго посетив в январе Ленинград. 20 января 1950 г. в Москву прибыл председатель Госсовета, министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай вместе с большой группой официальных лиц и обслуживающего персонала. 14 февраля 1950 г. был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи, включая военную. 25 июня 1950 г. началась Корейская война. С октября 1950 г. КНР и СССР фактически воевали с США. (Официально Запад был представлен силами ООН, на 90% состоящих из американских войск). За более чем два года не одна из сторон не добилась в войне значительных успехов, но Америка в отличие от Китая не была готова к большим потерям. Победа Северной Кореи была вопросом времени, когда 5 марта 1953 г. скоропостижно умер Сталин. Новая администрация СССР прекратила поставки оружия и в апреле военные действия были приостановлены. 27 июля 1953 г. было установлено перемирие, подписанное американцами, Южная Корея его не подписала по сей день. Следует также отметить, что договор НАТО был подписан 04.04.1949 г.

Из перечисленных фактов достаточно очевидно, что лидеры КНР и СССР два месяца обсуждали перспективы и возможности противостояния с новым мировым гегемоном; сначала принципиально, а после прибытия Ч. Эньлай - детально. По Киссинджеру же, Сталин принимал Мао как подчиненного, неделями не давая ему аудиенцию и здесь

Киссинджером определено создается параллель с двухмесячным ожиданием аудиенции английского посла Макартни. Чтобы прояснить этот диссонирующий с фактами тезис, достаточно заглянуть в несколько декабрьских выпусков любых центральных газет СССР, находящихся в открытом доступе и увидеть передовицы о торжественной встрече китайской делегации или о грандиозном приеме, где на фотографиях Мао сидит в президиуме рядом со Сталиным. [Прием в Кремле в честь семидесятилетия товарища И. В. Сталина. ТАСС. Правда. №357. 23.12.1949. https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1949_357-1658 (дата обращения 15.12.23.)] Такие расхождения с реальностью, вполне объяснимы тем, что выводы свои Киссинджер делает на основании мемуаров Хрущева. [6, с.134] С учетом исторического контекста, Киссинджер выбрал явно тенденциозный источник.

И в целом, визит Мао Цзэдуна и представительной делегации КНР в СССР, показан Киссинджером второстепенным, несущественным, хотя в реальности это была стратегическая встреча двух союзников, конструктивно и детально обсудивших целый ряд политических, военных и экономических вопросов; определивших по каждому из них совместный путь реализации. [16] Про Корейскую войну Киссинджер даёт множество второстепенных фактов и также вскользь комментирует стратегический военный союз КНР и СССР, хотя это главная и возможно единственная угроза поражения для США и тогда и сегодня.

Книга Киссинджера «О Китае» была впервые опубликована в 2011г. Это было время переосмысления реальности после шока глобального финансового кризиса 2008г., или GFC, экстремума глобализации. Шока, требующего перемен, поскольку всем основным игрокам стало понятно, что надгосударственные международные финансовые структуры наклонили глобальное игровое поле в своих интересах. Это понимание положило начало процессу деглобализации и регионализации Китая. Симбиотические отношения Кимерики были нарушены, начался процесс экономической дезинтеграции, закрепленный в 2013г. соглашением ФРС и «других Центробанков», без участия Китая. [17]

В этой связи вполне логично выглядит допущение, что книга Киссинджера создавалась в первую очередь (но не только) для определенной целевой аудитории – молодых образованных людей национальности хань, проживающих как в Китае, так и по всей Юго-восточной Азии (также и для китайских студентов и аспирантов по всему миру). Цель – оставить молодёжь внутри глобалистской, западной аганды, ввиду начавшегося «развода» цивилизаций; создать предустановки против потенциального будущего союза КНР и РФ.

Дипломная работа Киссинджера и секретный меморандум по пропаганде

Дипломная работа двадцативосьмилетнего Киссинджера в Гарварде называлась «Значение истории: размышления о Шпенглере, Тойнби и Канте». [18] До Гарварда он служил в военной разведке и позднее в контрразведке.

На сайте Нобелевского комитета приведена биография этого выдающегося политического практика и ученого, где в частности указано, что в 1952г. Киссинджер работал консультантом в Совете по психологической стратегии. (Psychological Strategy Board). [19]

Важно отметить, что работа с элитами – это указание непосредственно из меморандума Совета по психологической стратегии PSB D-33 от 29.06.1953. [20], который сегодня рассекречен и находится в свободном для скачивания доступе, в том числе на сайте ЦРУ

cia.gov.

Этот меморандум предельно откровенен, вот несколько ключевых цитат:

«Доктринальная программа (в целом, а не только Доктринальная программа США): спланированная и систематическая атака на враждебную доктринальную систему, проводимая одновременно с позитивной пропагандой основной философии собственной системы. В основном, Доктринальная программа направлена на конкретно определенную группу, а не на массу.

Доктринальная система (в целом, а не система действующая в США): Взаимосвязанная совокупность идей, независимо от того, организована она сознательно или нет, которая отражает манеру или содержание мышления, характерного для отдельных людей или классов, оправдывает определенный тип социальных убеждений и структуры и обеспечивает совокупность принципов для человеческих устремлений.

Целевая группа Доктринальной программы США: Состав целевой группы будет варьироваться от страны к стране и от региона к региону. В целом, доктринальная программа США будет направлена на эффективное охватывание тех лиц, которые были бы заинтересованы в доктринальных вопросах и которые будут активно участвовать в политической и интеллектуальной, включая научную, деятельности в своих соответствующих странах и регионах и оказывать на нее влияние. [...]

Образованные люди обычно интеллектуально любопытны. Они хотят знать больше, если у них могут быть доступные материалы, объективную ценность которых они уважают. Доктринальная программа США должна разработать такие материалы и с помощью усовершенствованных методов распространения обеспечить, чтобы целевая аудитория узнала, что этот материал легко и экономично доступен. » [\[20\]](#)

В 1952г. главной задачей руководства США была борьба с социалистическими и коммунистическими доктринами как у себя дома и «в странах свободного мира», так и в тех странах, которые США планировали «освободить» в будущем. Вполне уместно допущение, что если Киссинджер и не был соавтором данного меморандума по обработке «интеллектуально любопытных» элит, то будучи консультантом этой организации и с учетом его опыта работы в разведке и контрразведке, был знаком с этим документом.

И таким образом, с учетом его 400-страничного диплома о значении истории, книга «О Китае» выглядит именно как сборник пропагандистских нарративов для воспитания/образования властующей элиты Запада и обоснования/подтверждения глобалистской либеральной картины мира у интеллектуалов планеты, в первую очередь – национальности хань.

И последнее важное замечание. После 1960-х годов книги Арнольда Тойнби на английском языке переиздаются со значительными сокращениями. В новых изданиях сокращены многие важные выводы автора, в частности, тезис Тойнби об отношении ангlosаксов к колонизируемым народам как к туземцам, не имеющих никаких прав на землю, где они родились и живут. Также попала под сокращение вышеприведенная цитата Тойнби про трагичные для человечества победы англосаксонских протестантов. Сегодня оригинальные тексты Тойнби пока еще можно найти в электронных архивах, если знать что искать, так как контент архивов не индексируются поисковыми машинами.

Заключение

На протяжении нескольких тысячелетий развития своей государственности, Китай выработал особое отношение к традициям, видя в этом одно из главных своих преимуществ. И в этой традиционной парадигме, западные страны, колонизировавшие планету, являются непосредственными виновниками «столетия унизений». Такое видение истории легко читается в концепции Сообщества единой судьбы человечества, предложенной Китаем в 2015г. в ООН, где говорится об исторической ответственности развитых стран и обязательном равенстве всех цивилизаций, как основополагающем условием нового многополярного мира.[\[21\]](#)

Китай сегодня – это основной глобальный игрок, претендующий на реконструкцию существующего миропорядка. Модернизация Китая не стала вестернизацией. Согласно официальной национальной стратегии, США называют Китай главным глобальным соперником, стремящимся изменить существующий мировой порядок. Во вступительном слове к Стратегии национальной безопасности США-2022, сказано: «В борьбе за будущее нашего мира администрация четко осознает масштабы и серьезность этого вызова. Китайская Народная Республика вынашивает намерение и, во все большей степени, способность изменить международный порядок в пользу такого, который изменит глобальное игровое поле в свою пользу [...].»[\[22\]](#)

Создание военного альянса ангlosаксов AUKUS в 2021г., направленного против Китая, в рамках которого не обладающая сегодня ядерным оружием Австралия получит атомный военный подводный флот, полностью в русле этой стратегии. Активно продвигаемая Китаем повестка воссоединения Тайваня и Китая, населенных людьми одной крови, говорящих на одном языке – это на сегодня главная проблема для Запада, ввиду неожиданно сложившейся ситуации технологического скачка Тайваня за последние 10 лет в области производства микрочипов. Задекларированная в 2022г. в двух актах (о чипах и об инфляции) цель США в условиях критического технологического отставания – вывоз технологий на свою территорию для получения абсолютного мирового преимущества в сфере IT, создания технологической однополярности.

США во многом являются продолжателями дела Британской ЕIC, и чтобы понять историю, философию и метафизику конфликта этих двух цивилизаций, определенно следует подробнее изучать современные реалии в историческом контексте, что в итоге даст возможность точнее моделировать варианты развития главного на сегодня цивилизационного конфликта, исход которого определит будущее человечества.

В современном информационном обществе, формирование общественного мнения гораздо важнее происходящего в действительности, поэтому основное оружие современных конфликтов – информационное. С появлением новых медиа – поисковиков, социальных сетей, блогов, etc – возможности пропаганды возросли на порядки. Технологии информационного капсулирования позволяют программным методом создавать уникальные картины мира для массового пользователя на основе персональных больших данных. Указанные в эпиграфе статьи гонги и барабаны времен Сунь Цзы, нужны сегодня исключительно для синхронизации действующих сообща групп. Книги политических практиков-тяжеловесов, Хранителей (Gatekeepers) определяющих границы дискурса, в терминологии теории пропаганды Хермана-Хомского, какими являются Генри Киссинджер или Збигнев Бжезинский – являются научным мейнстримом Запада; это «гонги и барабаны» используемые в образовательном процессе собственных элит, широко цитируемые и активно продвигаемые по всем научным и информационным каналам. Подобные книги – «кирпичи» в картине мира западной властующей элиты – политиков, военных, экономистов, в системе координат Ч. Миллса. Все нарративы

содержащиеся внутри этих книг становятся частью их знаний и компетенций. Что делает эти книги «классикой» и означает необходимость знакомства с ними исследователей всего мира. Такие научные бестселлеры – это не новая научная парадигма в терминологии Куна, но определенная система координат, а в некоторых вопросах – готовая методика-шаблон и здесь следует четко различать программирование читателя на определенный результат. Результат, означающий выигрыш для одной стороны и проигрыш для другой.

Конфликт Китая и Запада, как признается в большей или меньшей степени всеми исследователями – это конфликт цивилизационный. Начиная с 2015г. этот цивилизационный конфликт вышел на новый уровень. Гегелевский раб в процессе выполнения воли хозяина изменил мир до такой степени, что предлагает новый миропорядок – отказ от дилеммы игры с нулевой суммой. Поэтому ревизия любых исследований, посвященных этому конфликту именно сегодня вполне обоснована и актуальна. В особенности – конфликта Западной и Китайской цивилизаций, в котором Запад декларирует планы технологического, информационного и финансового доминирования, а Китай последовательно продвигает концепцию многополярности и единой судьбы человечества. @

Библиография

1. Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: AST. 2019. 160 с.
2. Xiaobing L. A History of the Modern Chinese Army. The University Press of Kentucky. 2007. 430 с.
3. Фуко М. Рождение Биополитики. С-Пб.: Наука. 2010. 448 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII вв. Т. 3. Время Мира. М.:Прогресс. 1992. 752 с.
5. Конфуций. Лунь Юй. М.: Восточная литература. 2001. 191 с.
6. Киссинджер. Г. О Китае. М.: ACT. 2014. 640 с.
7. Dunning T. Trades' unions and strikes: their philosophy and intention. London. 1860. 55 с.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо. 2007. 960 с.
9. Всемирная История в шести томах. Т. 5. М.: Наука. 2019. 943 с.
10. Cheng P. Lestz M. The Search for Modern China: A Documentary Collection. New York: Norton, 1999. 531 с.
11. Тойнби А. Постижение истории. М.: Академический проект. 2019. 802 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ACT. 2003. 571 с.
13. White A. F. China and Foreign Powers. London: Oxford University Press. 1927. 78 с.
14. Morse H.B. The Chronicles of The East India Company Trading to China 1635-1834. V. 2. Publisher Oxford At The Clarendon Press. 1926. 435 с.
15. Morse H.B. (1926). The Chronicles of The East India Company Trading to China 1635-1834. V.1. Publisher Oxford At The Clarendon Press. 305 с.
16. Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949-феврале 1950 г. Новые архивные документы // «Новая и новейшая история». 1997. № 1, С. 23-74.
17. Federal Reserve and other central banks convert temporary bilateral liquidity swap

- arrangements to standing arrangements
<https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/monetary20131031a.htm>
(дата обращения 15.12.23.)
18. Kissinger. H. The Meaning Of History Reflections On Spengler, Toynbee, And Kant.
Harvard University. 1951. 388 с.
19. Нобелевская премия мира 1973. Генри
Киссинджер. <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1973/kissinger/biographical/>
(дата обращения 15.12.23.)
20. Memorandum for the psychological strategy board. The U. S. Doctrinal Program, PSB D-33, June 29, 1953. (<https://cryptome.org/2012/05/cia-doctrinal-program.pdf> (дата обращения 15.12.2023))
21. Создание сообщества единой судьбы. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/QQ13/201512/t20151202_3113377.htm?ysclid=lkqqql8k138141639464 (дата обращения 15.12.23.)
22. National Security Strategy. White House. Washington.2022.
<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения 15.12.23.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Заглавие данной статьи обозначает предметом своего рассмотрения пропагандистские нарративы, транслируемые символическими акторами в идейное пространство, формируемое вокруг условного противостояния между Западным Миром (Британской Империей и ее правопреемницей в первую очередь) и Китаем на примере отдельных конфликтов. В действительности вернее было бы обозначить в названии именно geopolитическое противостояние ведущих колониальных держав и восточных государств, которое основано на некоторых идеологических предпосылках.

Автор глубинно исследует базовые концептуальные рамки завоевательной деятельности британцев, ссылаясь в том числе на учение М. Фуко, идеи меркантилизма, развития экономики и т.д. Вместо с тем сразу бросается в глаза публицистический стиль представленного текста, в котором автор ведет некий рассказ, сам по себе представляющий определенный нарратив. Целевая установка исследования, предпринятого автором, сформирована весьма скучно и дублирует заявленный лозунг в названии статьи, а именно: деконструкция пропагандистских нарративов. Причем, не обозначается при этом кто данные нарративы создает и продвигает в дискурсивном пространстве. В статье содержится обстоятельный исторический экскурс в войны и конфликты между Британской Империей и Китаем. Вместе с тем, методология исследования не артикулирована, а объект и предмет исследования четко не обозначены. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что статья нерелевантна той тематической направленности, которая характерна для журнала "Конфликтология". Данная статья больше подходила бы для журнала "Genesis: исторические исследования" или "Мировая политика", поскольку в ней сильны именно исторические и geopolитические аспекты, достаточно для этого обозреть список литературы, используемый автором, который к слову, составлен всего из 15 позиций - весьма скучно для заявленной проблематики и тех выводов, на которые претендует

автор в своем исследовании. Вместе с тем, на не вполне научный характер статьи намекают и отсутствие четкой и логической структуры исследования, тематических подзаголовков и разделов, которые позволяли бы ориентироваться в ключевых смысловых блоках, а также отсутствие описания степени научной разработанности данной проблематики как в отечественном, так и в зарубежном научном дискурсах. Вместе с тем, необходимо признать, что некоторые претензии автора на основательный анализ geopolитического противостояния «двух миров», вполне являются обоснованными, поскольку опираются на обстоятельное знакомство с источниками. В большей степени в данной публикации хотелось бы увидеть и нормативно-правовой анализ доктринальных источников и документов, стратегий и внешнеполитических концепций как Великобритании, так и Китая. Текущие конфигурации и союзы в рамках военно-политических блоков также могли бы пролить определенный свет на возможную деконструкцию идеологических и пропагандистских нарративов, продвигаемых символическими акторами в глобальном дискурсивном пространстве. Но для начала автору необходимо определить этих акторов, а также основные каналы и средства продвижения данных нарративов в информационной среде. Статью рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают некоторые исторические аспекты взаимоотношений Китая со странами Запада, а не «пропагандистские нарративы», как это декларировано в названии статьи. Если бы статья действительно была посвящена пропагандистским аспектам сложных отношений Китая с Западом, её актуальность следовало бы признать высокой. Но собственно, о пропаганде в статье не говорится практически ничего, хотя автор и предлагает посмотреть на историю отношений Китая с Западом «сквозь оптику пропаганды». Чтобы ни значило взятое в кавычки выражение, о пропаганде в статье мало что сказано. Практически ничего не сказано в рецензируемой работе и о теоретико-методологической базе проведённого исследования (помимо метафоры «оптики» в тексте обнаруживается только упоминание некоторых «тонких технологий формирования общественного мнения элит»). Если следовать названию статьи, то читатель может ожидать увидеть в работе применение нарративного, концептуального, дискурс-анализа и т. д. И действительно, некоторые намёки на использование указанных методов в тексте встречаются при анализе переписки Короля Георга III и Императора Цаньлуна, однако систематического использования научной методологии в рецензируемой работе не обнаружено. Что является прямым следствием недостаточной теоретико-методологической рефлексии со стороны автора. Вторым следствием этого недостатка оказывается проблематичность определения научной новизны полученных автором результатов: учитывая обилие привлечённого для анализа материала, таковая новизна вполне могла бы быть, если бы автор корректно использовал научную методологию при обработке этого материала, а не перечислял случайнym образом хорошо известные исторические факты. В структурном плане статья вполне соответствует сказанному выше: помимо введения и заключения автор выделил четыре содержательных раздела, три из которых посвящены изложению интерпретаций переписки Короля Георга III и Императора Цаньлуна, а четвёртая – событиям накануне Корейской войны. Какова была цель подобного изложения, осталось загадкой. В «Заключении» автор достаточно хаотично перечисляет случайные выводы, к которым он

пришёл, ссылаясь на не менее случайных авторов – от М. Фуко и Ж. Бодрийара до А. Тойнби и С. Хантингтона. Методологическая несовместимость этих исследователей между собой нимало не смущают автора статьи. То же касается и стиля работы. В тексте встречается неприемлемо большое количество стилистических (например, избыточное количество родительных падежей в выражении «началом этого конфликта явились требования британских торговцев возмещения убытков в связи с...» (почему бы не выбрать более приемлемый с точки зрения стиля вариант: «требования возмещения убытков со стороны британских торговцев...»?); или необъяснимое с точки зрения стиля написание некоторых фамилий по-английски, например: «Cheng P. Lestz M.», «H.B. Morse»; или отсутствие кавычек вокруг явно оценочных и/или сомнительных с точки зрения исторической фактологии утверждений, например: «прогрессивная Западная цивилизация», «более миллиона китайских добровольцев» в Корейской войне и т. д.; и др.);, а также грамматических ошибок (например, пропущенная запятая перед уточняющей конструкцией: «...Существует определенный нарратив о причинах Опиумных войн, в который включен тезис или как часто говорят...»; ещё один пример пропущенной запятой, на этот раз разделяющей простые предложения в составе сложноподчинённого: «Существует как минимум три интерпретации этой переписки которые и будут препарированы ниже»; или наоборот, обилие ненужных запятых в предложении «В настоящей статье, события предшествующие Опиумным войнам и Корейской войне, в формулировках авторитетных западных авторов, будут рассмотрены...»; другой пример ненужного обилия запятых: «...Меркантилизм, как его называли критики, (Адам Смит, в том числе), был идеологией...»; или ненужная прописная буква в прилагательном «китайский», не относящемся к имени собственному: «Более ста лет хаоса Китайской государственности...»; при этом действительное имя собственное «Ост-Индская компания» автор почему-то пишет со строчных букв: «Колонизация времен голландской и британской ост-индских компаний...»; и др.). С терминологией у автора дело обстоит тоже не всегда на должном уровне. Например, автор явно не понимает выражения «рассмотреть нечто через оптику чего-то», предлагая исследовать «формулировки западных авторов» по поводу событий китайской истории «сквозь оптику пропаганды». Не через «оптику» теории, или концепции, или тех или иных методов исследования пропаганды, но через «оптику пропаганды»! То есть, автор буквально предлагает читателю надеть сформированные той или иной пропагандой очки и сквозь их «оптику» попытаться рассмотреть историю Китая! И признаётся в том, что он сам именно так и поступил! Понятно, что здесь имеет место банальная терминологическая неряшливость, но в совокупности с стилистическими и грамматическими погрешностями подобная неаккуратность не может не снижать общего впечатления о научной работе. Неясно также, зачем «препарировать» интерпретации переписки Короля Георга III и Императора Цаньлуна! Автор явно не понимает значения термина «препарировать». Выражение «общественное мнение элит» также выдаёт недостаточную компетентность автора в данной области: тут уж либо об «общественном мнении» нужно вести речь (т. е., о мнении ВСЕГО общества), либо о групповом или элитном мнении, если речь идёт об элитах; соединять одно с другим некорректно. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу полного отсутствия теоретико-методологической рефлексии. В библиографическом списке также невозможно увидеть теоретико-методологический выбор автора: в этом перечне одновременно присутствуют политические философы Ж. Бодрийяр и Н. Кляйн наряду с такими серьёзными учёными, как А. Тойнби, Ф. Бродель и С. Хантингтон. Впрочем, как говорилось выше, именно подобная концептуальная всеядность сыграла с автором злую шутку, превратив потенциально весьма интересное и актуальное исследование в публицистическую работу, написанную «сквозь оптику пропаганды».

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её подготовки нельзя считать законченной научной работой, соответствующей всем требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на весьма актуальный и заслуживающий внимания замысел, который мог бы вызвать научный интерес сообщества политологов, социологов, конфликтологов, историков, а также студентов перечисленных специальностей, автор не смог во всей полноте этот замысел реализовать. И главная причина этому – полное отсутствие теоретико-методологической рефлексии, непонимание автором ни цели исследования, ни его задач, ни теоретико-методологических средств, которыми эти цели и задачи достигаются. Тем не менее, у рецензируемой работы есть хороший потенциал ввиду общего интересного замысла, а также большого объёма привлечённого к анализу эмпирического материала. Поэтому автору можно предложить следующее:

Выводы, интерес читательской аудитории

- продумать научную проблему, которой посвящено исследование, сформулировать её во введении, а также обосновать её актуальность;
- сформулировать цели и задачи исследования; желательно также описать научную гипотезу;
- произвести тщательную теоретико-методологическую рефлексию, рассмотрев основные подходы к решаемой научной проблеме, а также аргументировав собственный теоретико-методологический выбор;
- рассмотреть основные подходы к феномену пропаганды и разобраться в том, что этот феномен из себя представляет; или изменить название статьи, приведя его в соответствие с содержанием работы;
- структуру статьи выстроить в соответствии с решаемыми в процессе исследования задачами;
- тщательно вычитать весь текст на предмет устранения стилистических погрешностей и грамматических ошибок;
- в «Заключении» перечислить полученные результаты с акцентом на их научной новизне;
- в библиографическом списке отразить результаты теоретико-методологической рефлексии, указав авторов, которые были рассмотрены при анализе основных подходов к решению выбранной научной проблемы.

Представленный материал в целом соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Исследование генезиса и нарративов о конфликте Китая и Запада» представляет собой авторское исследование достаточно актуальной проблемы международного характера, касающейся взаимоотношений ведущих мировых государств в исторических разрезах – Китая и некоторых западных стран.

Автором/ами определены цель и задачи исследования. При подготовке научной статьи использованы отечественные и зарубежные источники, в том числе, на английском языке. Всего библиографический список насчитывает 28 источников. В нем представлены работы как известных философов и социологов XX века, так и работы современных исследователей. Значительная часть научной работы построена на

критическом анализе отдельных положений работ А. Тойнби, С. Хантингтона, М. Фукои Г. Киссинджера. Положительно следует отметить критический авторский анализ отдельных позиций Г. Киссинджера по вопросам взаимоотношений Китая и Запада.

В работе использованы также доктринальные документы, тексты выступлений политических лидеров и глав государств, в том числе, председателя КНР Си Цзинпина. Следует отметить, что статья структурирована и содержит следующие разделы: предыстория и развитие конфликта Китайской и Британской Империй, Посольство Макартни, архивные тексты опубликованные доктором Н.В. Morse, двухмесячный визит в Москву Мао Цзэдуна накануне Корейской войны, дипломная работа Киссинджера и секретный меморандум по пропаганде и заключение.

Однако, методология исследования не выделена в статье каким-либо образом. Не сформулированы применяемые научные подходы, методы исследования и т.д. Между тем, они прослеживаются при исследовании текста статьи. Таким образом, считаем, что отсутствие представленного методологического аппарата не снижает содержательную ценность рецензируемой статьи. Она читается достаточно легко. Рецензируемая статья вполне способна вызвать достаточно широкий читательский интерес. Вполне подробно представлены конфликты, конфликтные ситуации, происходившие в истории Китая при его дипломатическом, торгово-экономическом взаимодействии с такими государствами как Великобритания и другими. Это также и вопросы военно-политического противостояния предыдущих исторических периодов, которые в настоящее время отражаются на содержании доктринальных документов, документов стратегического характера КНР, представляющие политику современного Китая.

В статье сделаны необходимые выводы, обозначены новые вызовы для Китая в современной geopolитической обстановке. В частности, подчеркивается, что конфликт Китая и Запада, как признается в большей или меньшей степени всеми исследователями — это конфликт цивилизационный.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая научная статья на тему «Исследование генезиса и трансформации нарративов о конфликте Китая и Запада» соответствует, в целом, предъявляемым требованиям к такому виду научных работ и ее можно опубликовать в искомом научном журнале.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Труфанов Г.А., Евстафьев А.В., Томин В.В., Акулина Е.Е. Ролевые аспекты буллинга как конфликта // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69915 EDN: GMAYZS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69915

Ролевые аспекты буллинга как конфликта

Труфанов Глеб Алексеевич

ORCID: 0000-0002-3537-9589

исследователь, факультет гуманитарных дисциплин, кафедра международных отношений,
университет Доња Горица, Подгорица, Черногория

81000, Черногория, муниципалитет Подгорица, г. Подгорица, ул. Oktoih, 1, ауд. s11

✉ valentinothedocor123@gmail.com

Евстафьев Александр Викторович

ORCID: 0000-0001-9435-6005

старший преподаватель, кафедра "Высшая математика", Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт Петербург, ул. Политехническая, 29, оф. 1

✉ evstafev93@mail.ru

Томин Виталий Вячеславович

ORCID: 0000-0002-7679-843X

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, г. Оренбург, ул. Пр-Т победы, 13, 13

✉ vnitmot@yandex.ru

Акулина Елена Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-9645-9785

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский государственный
университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет);
Поволжский казачий институт управления и пищевых технологий (филиал)

433515, Россия, Ульяновская область, г. Димитровград, ул. Гвардейская, 28,30, каб. 309

✉ elenshark@mail.ru

[Статья из рубрики "Внутриличностные и ролевые конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69915

EDN:

GMAYZS

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2024

Аннотация: Объектом данного исследования выступают ролевые модели, которые могут быть выбраны участниками противоборства в рамках буллинга, предметом исследования были выбраны социальные последствия применения конкретных поведенческих сценариев в конфликте. Эти последствия проявляются через результаты противостояния и влияние этих результатов на статусы и позиции в образовательной среде на разных уровнях, изменения в структуре фракций и взаимодействие между ними. Основная цель данного исследования заключается в изучении уникальных аспектов проявления ролевых сценариев в ситуациях буллинга, рассматривая его как особую форму манифестации педагогического конфликта. Данный тип педагогического конфликта отображает кризис образовательной системы, как института комплексного развития индивида. Буллинг возникает в образовательной среде и влияет как на образовательный процесс, так и на состояние ментального здоровья учащихся, усвоение паттернов деструктивного поведения в социуме. Выполняется анализ широкого спектра научных источников, включая педагогическую, психологическую, социологическую и конфликтологическую литературу, а также периодические научные издания. Среди применяемых методов исследования можно выделить сравнение, обобщение и синтез. В контексте конфликтологической методологии работа строится на рассмотрении теорий функций конфликта Льюиса Козера и конфликта Ральфа Дарендорфа. Аспект новизны исследования раскрывается через комплексное понимание и анализ западного опыта в области педагогики и разработке новых концептуальных моделей. Необходимо подчеркнуть, что исследований буллинга в отечественной педагогической конфликтологии было осуществлено мало. Западные исследователи часто рассматривают жертву буллинга как пассивного участника, лишенного субъектности. Авторы предлагают воспринимать буллинг как конфликт и рассматривать его не только как травлю, но и как ситуацию негативного лидерства. В новых моделях, рассмотренных в нашем исследовании, выделяются ролевые сценарии жертвы, ассимиляция/аккомодация моделей поведения в рамках дилеммы агрессор/жертва. Кроме того, новизна исследования проявляется во введении понятия ролевой (эмоциональной) выгоды и комплексном рассмотрении аспектов выгоды, которую получает "жертва" в конфликте. Авторы предлагают систему сценариев и подсценариев поведения жертвы с учетом ассимиляции/аккомодации определенных поведенческих моделей, когда субъекты включены в ситуацию буллинга.

Ключевые слова:

конфликт, кризис, школьные службы примирения, жертва, агрессор, взаимодействие, эффективная коммуникация, конфликтменеджмент, буллинг, развитие социальных навыков

Введение.

Школьный буллинг как конфликт представляет собой совокупность множества отдельных эпизодов негативного взаимодействия между различными субъектами образовательной организации. Субъекты буллинга как конфликта выполняют разные функции, имеют разные цели и задачи, а также разные ожидания относительно процесса взаимодействия в рамках конфликта. Буллинг как конфликт представляет собой процесс реализации негативного лидерства в ситуации, характеризующейся наличием сценария отчуждения жертвы.

Актуальность исследования и значимость полученных результатов продиктованы тем, что исследование буллинга имеет большое значение по нескольким причинам, на индивидуальном, общественном и институциональном уровнях.

Вот несколько пунктов важности исследований буллинга:

- 1) Понимание того, как травля влияет на нас: исследования помогают квалифицировать и количественно определить типы поведения, связанные с травлей, что позволяет нам понять ее масштабы и влияние на жертв, правонарушителей, сторонних наблюдателей, семьи, школы и сообщества.
- 2) Выявление факторов риска: изучая модели буллинга, исследователи могут выявить индивидуальные, семейные, школьные и общественные факторы риска, связанные с совершением буллинга и виктимизацией. Это понимание может стать основой для будущих превентивных вмешательств в конфликт.
- 3) Разработка эффективных методов интервенции в конфликте: исследования дают представление о том, какие программы и интервенции в конфликт по противодействию буллингу эффективны для снижения интенсивности буллинга и развития позитивных социальных взаимодействий. Мероприятия, основанные на фактических данных, могут быть более целенаправленными и эффективными.
- 4) Укрепление психического здоровья молодых людей: Травля может иметь серьезные психологические последствия для жертв, включая депрессию, тревогу, суицидальные мысли и другие проблемы с психическим здоровьем. Исследования помогают лучше понять эти последствия и разработать меры по поддержке затронутых лиц.
- 5) Создание безопасной и благоприятной среды: понимая динамику буллинга и его влияние на школьную или организационную среду, исследования могут помочь разработать политику, процедуры и практику, способствующие созданию более безопасного и инклюзивного пространства для всех, с нулевым уровнем толерантности к любому типу враждебности.
- 6) Расширение прав и возможностей широкого круга заинтересованных лиц: исследования буллинга дают возможность педагогам, родителям, политикам и другим заинтересованным лицам получить знания и инструменты для эффективного распознавания, устранения и предотвращения буллинга.
- 7) Повышение осведомленности и толерантности: результаты исследований могут способствовать повышению осведомленности общества о серьезности буллинга и его последствиях. Повышение осведомленности может привести к возникновению новых образовательных инициатив, систем поддержки и ресурсов на уровне законодательного обеспечения.

Методология.

Анализ научно-практической педагогической, психологической, социологической, конфликтологической литературы, периодических научных изданий, сравнение, обобщение, синтез. Теория функций конфликта Льюиса Козера, теория конфликта Ральфа Дарендорфа.

Результаты.

Прежде всего, необходимо выделить основные операциональные понятия и концепции, на которые мы будем опираться в процессе конфликтологического анализа опыта работы школьных служб примирения. Конфликт можно трактовать как столкновение антагонистически настроенных субъектов в рамках социального взаимодействия по причине наличия между таковыми субъектами различных интересов, которые не могут быть удовлетворены без ущерба для другой стороны конфликта. В таком случае, интерес всегда стремится быть реализованным за счет интереса другого оппонента. Представитель функциональной теории конфликта Льюис Козер в работе "Функции социального конфликта" дал следующее определение социального конфликта: социальный конфликт - это борьба за ценности и претензии на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников. [1]

Отсюда становится понятно, что социальный конфликт несет в себе агональный аспект, это всегда своеобразная борьба за наиболее полное удовлетворение своих потребностей, но не всегда интересы отдельного человека могут сочетаться с интересами общества, социальных групп и т.д. Необходимо учитывать, что конфликт - это всегда способ негативного взаимодействия, характеризующийся наличием у субъектов взаимодействия установки на борьбу. Льюис Крисберг отмечал, что необходимо рассматривать конфликт не как изолированную от реальности структуру, а как часть контекста действительности, часто оказывающую влияние на окружающую среду. [2]

Разрешить конфликт - значит оказать такое воздействие на детерминанты противоречий, чтобы они перестали существовать и не могли возникнуть вновь; здесь речь идет о причинах и их проявлениях в виде спорных вопросов, но никак не о проявлениях конфликта. Разрешение с точки зрения Дарендорфа - это несостоятельная концепция".

[3] Таким образом, существует два основных способа воздействия на конфликт. Первый способ - это подавление конфликта. В случае педагогического конфликта этот способ заключается в разрушении артикуляции интересов оппозиции относительно мнения носителя власти в конфликте. В случае конфликта в школе это может быть, например, учитель, который стремится не разрешить очевидные сформировавшиеся в педагогическом коллективе противоречия, а замолчать сам факт конфликта, снизив уровень внимания начальства, родителей учеников, самих учеников о негативных последствиях наличия конфликта в коллективе. Также подавление конфликта может выражаться в частичном удовлетворении интересов оппозиционной группы с последующей реализацией этих интересов в сфере практики. Да, насилиственные формы проявления конфликтных противоречий будут протекать скрыто, а их мимикрия и частичное уничтожение оппозиции не дадут результата в долгосрочной перспективе.

[4],[5] Дисбаланс сил - частое явление в конфликте. Оппозиционная группа, группа интересов, не имеющая доступа ни к административным ресурсам, ни к набору одобряемых символических капиталов, всегда ограничена в возможностях своего влияния в конфликте. В таком случае тактика поведения в конфликте может быть редуцирована до уровня ассиметричного использованию ситуативных преимуществ и выгод в конфликте. Конфликт может иметь значительную эмоциональную составляющую,

что может свидетельствовать о его деструктивности как способа взаимодействия. [\[6\]](#)

Необходимо также подчеркнуть фактор разнообразия и ролевой диверсификации субъектов буллинга как конфликта. Следует также отметить, что кибербуллинг, представляющий собой разновидность буллинга в цифровом пространстве с использованием цифровых средств коммуникации и современных медиакоммуникаций, также имеет значительный деструктивный потенциал в формировании агрессивных форм взаимодействия наряду с другими аспектами дискурсивных практик в СМИ в контексте формирования образа "чужого" и использования языка враждебности. [\[7\]](#) Здесь необходимо подчеркнуть важность дискурса как комплексного коммуникативного события, обладающего огромным потенциалом для распространения определенных образов и коннотаций действий людей и событий. [\[8\], \[9\]](#) Участники конфликта - индивиды или группы, вовлекаются в конфликт в силу необходимости реализовать через конфликт свои интересы и потребности или интересы и потребности своего бенефициара. [\[10\], \[11\]](#)

В современной конфликтологии принято выделять следующие роли участников конфликта. Следует отметить, что участники конфликта могут представлять собой как отдельных людей, так и группы. Ключевым аспектом конфликта является наличие взаимоисключающих интересов сторон, а также готовность к противодействию в достижении своих интересов, выражаясь в противоборстве.

Таким образом, мы получаем следующую классификацию:

- 1) Первичные участники конфликта - оппоненты, которые зачастую являются носителями агонистически-непримиримых позиций, непосредственно вовлечены в конфликт.
- 2) Вторичные участники конфликта - индивиды или группы, которые выступают в роли управляющих и преследуют собственные цели в конфликте, вторичные по отношению к первичным участникам.
- 3) Третьи лица или группы, которые могут быть заинтересованы в определенном разрешении или завершении конфликта.

Теперь мы можем приступить к анализу классификаций различных западных исследователей буллинга и экстраполяции их концепций на парадигму педагогической конфликтологии. Начать следует с аспектов обычного буллинга, когда субъекты встречаются лицом к лицу. Salmivalli, Lagespetz, Björkqvist, Österman и Kaukiainen отмечают, что при травле "лицом к лицу" учащиеся могут примерить на себя следующие роли: жертвы, булли, поощрителя булли, помощника булли, защитника жертвы и нейтрального наблюдателя. [\[12\]](#) Следует также подчеркнуть, что ролевой контекст ситуаций буллинга среди подростков является гибким и выражается в изменении ролевых требований в конкретной ситуации. Таким образом, подростки могут менять роли в конфликте в зависимости от ситуации и возможности действовать в ней. Так, в одной ситуации подросток может быть агрессором, а в другой - выбрать позицию жертвы.

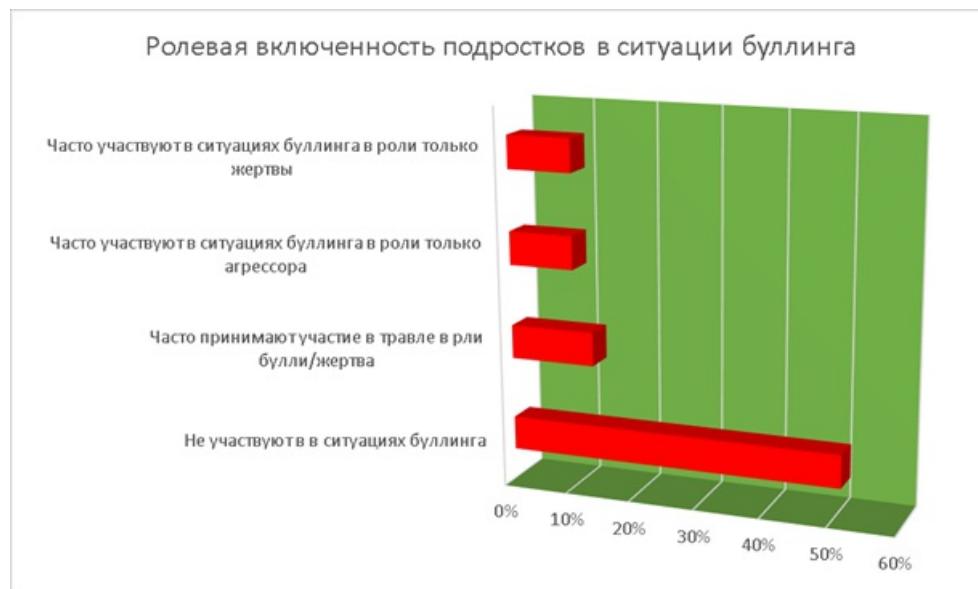
Для буллинга в подростковом возрасте характерна ролевая гибкость. Bayraktar, Machackova, Dedkova и Cerna, Ševčíková в своей работе подчеркнули, что в ситуациях кибербуллинга подростки склонны принимать наиболее знакомые и наиболее успешно исполняемые в реальных ситуациях роли. [\[13\]](#) Lam, Cheng, & Liu, и Selkie, Kota, Chan, Moreno подчеркивают ролевую гибкость подростков, вовлеченных в буллинг, а также комплексный вред для психического здоровья, который наносит любой буллинг, в результате чего в одном и том же человеке могут существовать как рутинизированные

модели агрессивного поведения, так и модели поведения жертвы. [\[14\]](#),[\[15\]](#) Выбор позиции агрессора часто является результатом негативного опыта, полученного при следовании сценарию жертвы. Исследователи Brack, K и Caltabiano, N и Bauman, S в своих научных работах неоднократно отмечали, что задира и жертва являются наиболее широко представленными ролевыми сценариями в буллинге как конфликте. [\[16\]](#),[\[17\]](#)

Roland E предложил следующую комплексную классификацию ролей в буллинге как конфликте.

- 1) Преследователи (агрессоры, були)
- 2) Группа поддержки преследователей (смеются и издеваются вместе с агрессором, стоят рядом в момент травли, придумывают способы травли)
- 3) Жертвы
- 4) Группа поддержки жертв (кто активно пытается противостоять преследованию другого человека)
- 5) Нейтральные - сами непосредственно не вовлечены в конфликт и отстраняются от него (хотя и не хотят мириться с деструктивным изменением учебного процесса, срывом уроков, конфликтами на уроке и перемене, изменением социальных статусов в учебном коллективе и т.д.).
- 6) Провокаторы - те, кто сам не применяет агрессию, но провоцирует насилие и травлю между другими в своих интересах (делают ставки на победителя, снимают на видео и выкладывают в интернет и т.д.)
- 7) Сочувствующие (не согласные с происходящим, но обычно молчание). Им не нравится происходящее в классе, но они стараются не вмешиваться (возможно, из страха поменяться местами с жертвой), но в результате это вызывает в них безразличие, либо они, чувствуя свое бессилие, становятся "косвенными" жертвами травли.

Исследования западных ученых (диаграмма «Ролевая включенность подростков в ситуации буллинга»), посвященные вовлечению подростков в буллинг, показывают следующие результаты опросов молодежи: большинство относится к группе "наименее вовлеченных в ситуации буллинга" (51 %), 13 % учащихся образовательных учреждений ответили, что "часто участвуют в ситуациях буллинга в роли жертвы/агрессора", а две группы респондентов по 10 % соответственно указывают, что склонны занимать роли только агрессора или только жертвы. [\[18\]](#)

Следует подчеркнуть, что цифровое пространство и цифровая реальность отличаются от реального мира прежде всего возможностью выбора ролевых сценариев взаимодействия, неестественных для человека в реальном мире. Эти сценарии кажутся человеку привлекательными, но по тем или иным причинам недостижимыми в реальной жизни. Основным ограничением реализации ролевого сценария мечты в контексте конфликтных ситуаций в школе является угроза негативных санкций, которые может применить наиболее сильная и ресурсная сторона конфликта. Также буллинг может быть ситуацией противоречий между членами коллектива и длиться годами без изменения ролевых диспозиций участников и активных действий обеих сторон, что как раз и характерно для конфликта. Травля в реальной жизни может включать в себя целую цепочку различных действий, которые приводят агрессора к реализации своих интересов и извлечению выгоды из конфликта. Такие действия могут быть разными по своему качеству, но представляют собой элементы системного давления на жертву буллинга. К таким действиям можно отнести оскорбления, создание негативного образа, дискредитацию, критику, воровство, подлог, сплетни и дескридитация, шантаж и другие.

Стоит также отметить, что определенные цели и задачи в буллинге теоретически могут преследоваться не только агрессором, но и жертвой. Разница между стремлениями жертвы и агрессора, как основных ролевых моделей, может заключаться в желании продолжить или прекратить эпизоды буллинга, соответственно. Сюда же можно отнести стремление компенсировать ущерб, отомстить и т. д. В пользу концепции виктимизации Hans von Hentig, а также его социально-биологической классификации жертв, основанной на причинах и последствиях определенных моделей поведения жертвы, свидетельствует и концепция возможности жертвы буллинга преследовать и реализовывать свои интересы в конфликте.^[19] Поведение-сумма действий с нарастающим итогом как разрешенных, так и постоянных комплексов различных противоречий, ведущих к достижению цели в конфликте или отдаляющих момент достижения цели. Цель всегда раскрывается через осознание умозрительной выгоды в будущем, сама выгода является результатом осознанной мотивации личности.

1. Депрессивные жертвы - легко подвергаются насилию и/или унижению из-за подавленного инстинкта самосохранения
2. Жадные жертвы - постоянно стремятся к личной выгоде, забывая обо всем, их называют "легкими жертвами"

3. Экстравагантные жертвы - отличаются нестандартным и необычным поведением, которое провоцирует агрессию.
4. Одинокие жертвы

5. Мучители - жертвы, проявляющие агрессию в качестве защиты и/или мести.

6. Блокированные жертвы - жертвы, которые путаются в логике своих действий.

7. Страдающий класс - жертвы, которые в последствии превращаются в агрессоров.

Обсуждение.

Авторы этой статьи предлагают свою систему ролевых сценариев, которым может следовать жертва буллинга. Теперь необходимо рассмотреть ролевые сценарии, которые могут быть задействованы в конфликте. Авторская позиция в отношении роли жертвы лежит в русле понимания концепции Ральфа Дарендофа о конфликте и обществе и дихотомии базового поведения групп и индивидов в несбалансированной системе "доминирования и подчинения".

1) Принятие факта наличия ситуаций буллинга как неотъемлемого элемента существования образовательной организации. Это может включать следующие два подсценария в рамках активации ролевого фрейма жертвы буллинга

А) Аккомодация реальности и среды с элементом буллинга. В этом подсценарии подросток-участник сообщества принимает неизбежность и нормальность существования как буллинга, так и дисбаланса власти, базовую ролевую дихотомию жертва-агрессор. Он также признает ситуативность, динамичность и возможность изменения своей диспозиции и роли в группе.

Таким образом, приспосабливаясь к текущей повестке в сообществе, вчерашняя жертва может стать агрессором. Основной акцент в данном случае делается на признании индивидом фактора неравенства в системе господства и подчинения, а также возможности играть по правилам этой системы, что может привести к ситуативной выгоде, смене роли и ролевой эмоциональной выгодае.

Б) Ассимиляция статики ролевой диспозиции. В этом подсценарии жертва однозначно убеждена в невозможности изменить свое положение ни в будущем, ни в настоящем времени. Единственная возможная роль для жертвы-жертвы. Усваивая этот тип моноролевого взаимодействия в буллинге, как и в конфликте, индивид формирует тип поведения, который может привести к ролевой выгодае в контексте следования паттерну жертвы. Такие выгоды могут включать вызовы жалости в свой адрес, "утешительные призы" и возможность пожаловаться.

Следует подчеркнуть, что исключительная ориентация на следование ролевому паттерну жертвы может привести к широкому спектру психических проблем, возникновению или усилению синдрома жертвы, депрессии и т. д.

2) Несогласие и борьба с агрессором, месть.

3) Компромисс и согласие с агрессором в надежде улучшить ситуацию под давлением общества и агрессора в рамках буллинга как формы негативного лидерства.

Существует несколько элементов в контексте диспозиции жертвы на предконфликтной стадии, которые могут влиять на: развитие сценариев буллинга, первоначальную тактику

жертвы буллинга, а также на формирование характера и состава действий жертвы.

Элементы предконфликтной позиции жертвы буллинга, которые имеют определяющее значение в контексте дальнейших действий жертвы, сценария действий.

- 1) Контекст текущей позиции лидерства или иерархии индивида в группе (лидер, аутсайдер, нейтральный и т.д.) с учетом концепции системы диспозиций доминирования-подчинения по Дарендорфу.
- 2) Отношения индивида с носителем власти в коллективе.
- 3) Частота и плотность контактов жертва/агрессор и групп их поддержки в коллективе.
- 4) Восприятие и осознание объективных и субъективных позиций и интересов в конфликте его участниками.

Таким образом, необходимо ввести в дискурс буллинга понятие ролевой выгоды. Выгода в данном случае представляется прежде всего как эмоциональное удовлетворение от реализации определенной роли в конфликте. Динамика подростковых коллективов утверждает возможность быстрой смены ролевых предпочтений и ситуативности выгоды.

[\[20\]](#),[\[21\]](#),[\[22\]](#) Однако мотивации участия подростков в конфликте следует отвести особую роль. Цель в конфликте - это ожидаемый результат конфликтного взаимодействия, всегда выраженный как процесс преодоления противоречий, сосредоточенный в зоне успеха-выгоды. Под успехом в ситуации буллинга можно понимать целый спектр ожидаемых результатов и экспекций субъектов, среди которых отстаивание своих ценностей или их навязывание, повышение своего авторитета за счет публичного унижения оппонента, завоевание власти, насилие, принуждение. Многие западные исследователи в своих работах затрагивали вопрос о сущности и актуальности современных технологий и их влиянии на буллинг. [\[23\]](#) Здесь можно сказать, что социальные сети и современные коммуникативные гаджеты могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на профилактику буллинга в образовательных учреждениях, особенно в школах. [\[24\]](#),[\[25\]](#) Нельзя не отметить, что наблюдение в школах может помочь в профилактике буллинга как форма открытости и транспарентности в проявлении агрессивных форм общения между школьниками. [\[25\]](#)

Следует подчеркнуть, что буллинг часто представляется как деструктивная форма конфликта в силу высокого присутствия эмоционального компонента и публичности эпизодов постоянной травли оппонента, направленной на получение эмоциональной выгоды и формирование негативного общественного мнения о жертве.

В конфликтологии буллинга мы классифицируем цели конфликта следующим образом

1. Цели, направленные на достижение аспектов, сосредоточенных в предметной области.
2. Цели, связанные с социальным аспектом конфликта (реализация статуса, поддержание авторитета в группе и т. д.)
3. Цели, направленные на оправдание своей позиции и действий перед собой и другими людьми, создание и реализацию эмоционального прецедента.

Факт наличия или отсутствия фактора публичности реализации целей влияет на способ проявления тех или иных целей

А) "Манифестация цели для себя"

Б) "Манифестация цели для других"

В случае с буллингом мы чаще всего наблюдаем следование сценарию Б. Необходимо подчеркнуть возможность реализации эмоциональной выгоды во всех 3 группах целей.

Заключение.

Проблематика исследования буллинга остается неизменно актуальной и значимой. В исследовании предложена новая концепция ролевых и эмоциональных выгод в ситуациях буллинга как формы конфликта. Авторы исследования убеждены в важности эффективного вмешательства в конфликт, а также придерживаются позиции о необходимости разрешения конфликта в ситуациях буллинга.

Библиография

1. Coser L. The functions of the social conflict. NYC: The free press, 1956. Pp. 8-16.
2. Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y.C, Prentice-Hall, 1973. Pp 10-18.
3. Darendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press. California, 1959. Pp. 50-81.
4. Trufanov, G. A. Governmental control over information distribution as a basis of the social conflict // Конфликтология. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – P. 207-221. – EDN SMRPDE.
5. Trufanov, G. A. The problem of bullying in schools: conflictological comprehension // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – No. 9. – P. 115-128. – DOI: 10.34755/IROK.2021.72.59.076. – EDN KNGVMN.
6. Усов, С. С. Эмоционально-оценочная номинация реалий в политическом дискурсе в XXI в / С. С. Усов, М. А. Сафонов, Н. Л. Харченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3(146). – С. 105-109. – EDN NPTBRS.
7. Содержательно-подтекстовый аспект информативности дискурса в публицистическом тексте / Н. С. Варфоломеева, С. С. Усов, И. Ю. Багдасарова [и др.] // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – № 4. – С. 50-55. – DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.050. – EDN BSLJZM.
8. Языковые средства выражения элементов фантастики в политическом дискурсе / И. А. Синицына, М. А. Сафонов, С. С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 254-263. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
9. Содержательно-подтекстовый слой информативности текста как способ выражения авторской модальности (на примере рассказа И.А. Бунина "в Париже") / Н. Л. Харченко, М. А. Сафонов, С. С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 419-428. – EDN XVBPRJ.
10. Trufanov, G. A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media // Конфликтология. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 132-158. – EDN DZCTXE.
11. Trufanov, G. A. Modern aspects of conflict management in business organizations in the context of conflict studies in business // Actual Issues of the Modern Economy. – 2021. – No. 8. – P. 14-23. – DOI: 10.34755/IROK.2021.51.36.025. – EDN BPHWSA.
12. Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Björkqvist, K., Österman, K., Kaukiainen, A. (1996). Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group. Aggressive Behavior, 22, 1-15. doi: 10.1002/(SICI)1098-

2337(1996)22:13.0.CO;2-T

13. Bayraktar, F., Machackova, H., Dedkova, L., Cerna, A., Ševčíková A. (2015). Cyberbullying: The discriminant factors among cyberbullies, cybervictims, and cyberRunning head: ROLES IN CYBER BULLYING 25 victims in a Czech adolescent sample. *Journal of Interpersonal Violence*, 30, 3192-3216. doi: 10.1177/0886260514555006.
14. Lam, L. T., Cheng, Z., Liu, X. (2013). Violent online games exposure and cyberbullying/victimization among adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16, 159-164. doi:10.1089/cyber.2012.0087.
15. Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y-F., & Moreno, M. (2015). Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: A multisite study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 79-86. doi:10.1089/cyber.2014.0371.
16. Brack, K., & Caltabiano, N. (2014). Cyberbullying and self-esteem in Australian adults. *Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 8, article 7. doi: 10.5817/CP2014-2-7.
17. Bauman, S. (2010). Cyberbullying in a rural intermediate school: An exploratory study. *Journal of Early Adolescence*, 30, 803-833. doi: 10.1177/0272431609350927.
18. Aoyama, I., Bernard-Brak, L., Talbert, T. (2011). Cyberbullying among high school students: Cluster analysis, sex and age differences and the level of parental monitoring. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology, and Learning*, 1, 25-35. doi: 10.4018/ijcbpl.2011010103
19. Hentig H. Remarks on the Interaction of perpetrator and Victim // The of Criminal and Criminology, 1941. V. 31.
20. Schoen, S., Schoen, A. (2010). Bullying and Harassment in the United States. *The Clearing House*, 83(2), 68-72.
21. Dehue, F. (2013). Cyberbullying research: New perspectives and alternative methodologies. Introduction to the special issue. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23, 1-6. doi: 10.1002/casp.2139.
22. Dehue, F., Bolman, C., Völlink, T. (2008). Cyberbullying: Youngsters' experiences and parental perception. *CyberPsychology & Behavior*, 11, 217-223. doi:10.1089/cpb.2007.0008.
23. Brooks, R. A., & Cohen, J. W. (2020). The Nature, Scope, and Response to School Bullying. In *Criminology Explains School Bullying* (1st ed., Vol. 2, pp. 7–28). University of California Press.
24. Bloom, A. B. (2020). Building Civic Capacity in Schools and Communities. *National Civic Review*, 109(1), 6-15.
25. Grmuša, A. (2023). The effectivnes of video surveillance in preventing and intervening bullying in secondary schools in Serbia. In F. Alcantud-Marín, Y. Alonso-Estebar, C. Berenguer Forner, M. J. Cantero López, J. C. Meléndez Moral, A. R. Moliner Albero, B. Rosello Miranda, M. del M. Sánchez García, P. Sancho Requena, E. Satorres Pons, N. Senent-Capuz, M. Soriano-Ferrer, P. Viguer Seguí, & A. Ygual Fernández (Eds.), *Actas del XI Congreso Internacional de Psicología y Educación* (pp. 2765-2774). Dykinson, S.L.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Ролевые аспекты буллинга как конфликта». Предмет исследования. Работа нацелена на рассмотрение ролевых аспектов буллинга как конфликта. Работа представляет собой описание проведенного теоретического обзора и анализ полученных специалистами результатов.

Методологией исследования является проведение анализа научно-практической педагогической, психологической, социологической, конфликтологической литературы, периодических научных изданий, сравнение, обобщение, синтез. Важным для выстраивания научного исследования являются теории функций конфликта Льюиса Козера, теория конфликта Ральфа Дарендорфа.

Актуальность исследования определяется тем, что важно исследовать буллинг по ряду причин:

- важно понимание то, как травля влияет на человека;
- выявлять факторы риска;
- разрабатывать эффективные методы интервенции в конфликте;
- укреплять психическое здоровье молодых людей;
- создавать безопасную и благоприятную среду в образовательном учреждении;
- расширение прав и возможностей широкого круга заинтересованных лиц;
- повышение осведомленности и толерантности.

Следовательно, исследование важно осуществлять на индивидуальном, общественном и институциональном уровнях.

Научная новизна исследования. В исследовании предложена новая концепция ролевых и эмоциональных выгод в ситуациях буллинга как формы конфликта. Авторами отмечено, что важно эффективно вмешиваться в конфликт и необходимо разрешать конфликт в ситуациях буллинга, опираясь на выделенные в данном исследовании позиции.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко, автором выделены основные смысловые части.

В введении обозначена актуальность затронутой проблемы. Автором отмечается, что важно исследовать буллинг как конфликт, в частности ролевые его аспекты. Автор отметил значительное количество пунктов важности рассмотрения данной проблемы сквозь призму индивидуального, общественного и институционального уровней. Помимо этого, в работе представлено собственное понимание феномена «буллинг» в срезе конфликта.

Следующий раздел посвящен выделению методологии данного научного исследования, обозначению основных подходов ученых.

В следующем разделе были описаны полученные теоретические и эмпирические результаты. Автором были выделены и изучены операциональные понятия и концепции, на которые важно опираться в конфликтологическом анализе опыта работы школьных служб примирения. В работе представлены основные положения теорий функций конфликта Льюиса Козера, теорий конфликта Ральфа Дарендорфа. Проведенный анализ позволил автору выделить два основных способа воздействия на конфликт: подавление и конструктивное управление. Помимо этого, были выделены также основные роли участников конфликта: первичные и вторичные участники конфликта, а также третьи лица или группы. В теоретическом блоке представлен также анализ классификаций различных западных исследователей буллинга и экстраполяции их концепций на парадигму педагогической конфликтологии. Автором предложены подходы: Bayraktar, Machackova, Dedkova, Cerna, Ševčíková и пр.

Особенно важным выступил подход Roland E., который предложил комплексную классификацию ролей в буллинге как конфликте: преследователи, группа поддержки

преследователей, жертвы, группа поддержки жертвы, нейтральные, провокаторы и сочувствующие. Автор представил количественный и качественный анализ эмпирических исследований зарубежных исследований.

Особое внимание было уделено выделению типов жертв: депрессивные, жадные, экстравагантные и одинокие жертвы; мучители, блокированные жертвы и страдающий класс.

Следующий раздел посвящен обсуждению проведенного анализа основных теоретических и эмпирических подходов. Это позволило автору предложить свою систему ролевых сценариев, которым может следовать жертва буллинга. Было отмечено, что авторская позиция в отношении роли жертвы лежит в русле понимания концепции Ральфа Дарендофа о конфликте и обществе и дилеммы базового поведения групп и индивидов в несбалансированной системе "доминирования и подчинения":

- Принятие факта наличия ситуаций буллинга: аккомодация реальности и среды с элементом буллинга и ассимиляция статики ролевой диспозиции. Такой подход позволяет отметить, что приспосабливаясь к текущей повестке в сообществе, вчерашняя жертва может стать агрессором.

- Несогласие и борьба с агрессором, месть.

- Компромисс и согласие с агрессором в надежде улучшить ситуацию под давлением общества и агрессора в рамках буллинга как формы негативного лидерства.

Автором выделены также элементы предконфликтной позиции жертвы буллинга: Контекст текущей позиции лидерства или иерархии индивида в группе, отношения индивида с носителем власти в коллективе, частота и плотность контактов жертва/агressор и групп их поддержки в коллективе, восприятие и осознание объективных и субъективных позиций и интересов в конфликте его участниками.

В завершении автором подведены основные результаты: уточнено понятие «буллинг», выделил цели конфликта через призму конфликтологии буллинга, а также описал классификацию целей конфликта.

В завершении статьи сделан основной и общий вывод.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 25 отечественных и зарубежных источников, значительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. В то же время, имеются также монографии и интернет-издания. Источники оформлены, в основном, корректно, но неоднородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- провести эмпирическое исследование для описания выделенных позиций на определенной выборке;
- оформить библиографический список однородно, в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами педагогической конфликтологии. Особое внимание уделено исследованию буллинга как конфликта. Статья может быть рекомендована к опубликованию, важно учесть выделенные рекомендации. Это позволит представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Conflict Studies / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Trufanov G.A., Bobrovnikova N.S., Tomin V.V., Evstafev A.V. To the issue of the role classification of participants in bullying situations. // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69808 EDN: GXBCAZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69808

To the issue of the role classification of participants in bullying situations. / К вопросу о ролевой классификации участников буллинга

Труфанов Глеб Алексеевич

ORCID: 0000-0002-3537-9589

исследователь, факультет гуманитарных дисциплин, кафедра международных отношений,
университет Донья Горица, Подгорица, Черногория

81000, Черногория, муниципалитет Подгорица, г. Подгорица, ул. Октои, 1, ауд. с11

✉ valentinothedocor123@gmail.com

Бобровникова Наталия Сергеевна

ORCID: 0000-0001-5192-3882

старший преподаватель, кафедра психологии и педагогики, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого

00026, Россия, город, г. Тула, ул. Пр-Т ленина,, 125, корпус 4., оф. 1

✉ vicious.angel@yandex.ru

Томин Виталий Вячеславович

ORCID: 0000-0002-7679-843X

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, г. Оренбург, ул. Пр-Т победы, 13, 13

✉ vnimot@yandex.ru

Евстафьев Александр Викторович

ORCID: 0000-0001-9435-6005

старший преподаватель, кафедра "Высшая математика", Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт Петербург, ул. Политехническая, 29, оф. 1

✉ evstafev93@mail.ru

Статья из рубрики "Конфликтное взаимодействие в межличностных и массовых коммуникациях"

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.1.69808

EDN:

GXBCAZ

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2024

Аннотация: Объектом данного исследования выступают ролевые модели, которые могут быть выбраны участниками противоборства в рамках буллинга. Необходимо отметить, что авторы исследования рассматривают буллинг, как форму педагогического конфликта, имеющего возможность существенно влиять на образовательный процесс, ментальное здоровье учащихся. Релевантность исследования также раскрывается через восприятия буллинга не просто как травли, а как конфликта, где стороны вовлечены в противоборство и обладают субъектностью. Предметом научного исследования выступают социальные последствия следования поведенческим сценариям в конфликте. Такие последствия раскрываются через результат противоборства, а также влияние результата такого противоборства на изменения статусов и позиций в рамках образовательной среды на разных уровнях, изменения в распределении, возникновение, изменение, дробление, исчезновение фракций в рамках образовательной среды. Методологическим основанием данного исследования выступает анализ широкого спектра научных источников: научно-практической педагогической, психологической, социологической, конфликтологической литературы, периодические научные издания. Среди применяемых методов научного исследования можно выделить: сравнение, обобщение, синтез. В контексте конфликтологической методологии данная работа выстроена вокруг теории функций конфликта Льюиса Козера, теории конфликта Ральфа Дарендорфа. Новизна исследования раскрывается через комплексное осмысление и анализ опыта западных исследователей в сфере педагогики, а также выработка новых концептуальных моделей. Западные исследователи отводят жертве буллинга пассивную роль, тем самым лишая ее субъектности. Буллинг авторы предлагают воспринимать как конфликт, а буллинг не только как травлю, но и как ситуацию негативного лидерства. Новыми концептуальными моделями, освещенными в данном исследовании, являются концепции ролевых сценариев жертвы, ассимиляция/аккомодация моделей поведения в рамках дилеммы агрессор/жертва. Новизна исследования отображена в введении понятия ролевой (эмоциональной) выгоды, а также комплексному рассмотрению аспектов выгоды «жертвы» в конфликте. Авторы предлагают систему сценариев и субсценариев поведения жертвы в контексте аккомодации/ассимиляции определенных поведенческих паттернов субъектов в рамках включенности в ситуации буллинга.

Ключевые слова:

конфликт, кризис, школьные службы примирения, урегулирование конфликта, школа, буллинг, жертва, агрессор, интеракция, эффективная коммуникация

Introduction.

School bullying as a conflict is a set of multiple separate episodes of negative interaction

between different subjects of the educational organization. The subjects of bullying as a conflict perform different functions and have different goals and objectives, as well as different expectations regarding the process of interaction within the conflict. Bullying as a conflict is a process of implementation of negative leadership in a situation characterized by the presence of a scenario of alienation of the victim.

The relevance of the study and the relevance of the results obtained are dictated by the fact that bullying research holds significant importance for several reasons, individual, societal, and institutional levels.

Here is a breakdown of a few points of the importance of bullying research:

- 1) Understanding the impact of bullying actually has on us: research helps in qualifying and quantifying types of bullying behaviors, allowing us to understand its magnitude and impact on victims, perpetrators, bystanders, families, schools, and communities.
- 2) Identifying risk factors: by studying bullying patterns, researchers can identify individual, familial, school-related, and societal risk factors associated with bullying perpetration and victimization. This understanding can guide future preventive interventions in conflict.
- 3) Developing effective interventions into conflict: research provides insights into which anti-bullying programs and interventions are effective in reducing bullying behaviors and promoting positive social interactions. Evidence-based interventions can be more targeted and impactful.
- 4) Promoting of mental health among young adults: Bullying can have severe psychological consequences for victims, including depression, anxiety, suicidal ideation, and other mental health issues. Research helps in understanding these outcomes better and designing interventions to support affected individuals.
- 5) Creating safe and friendly environments: by understanding the dynamics of bullying and its impact on the school or organizational environment, research can inform policies, procedures, and practices that foster safer and more inclusive spaces for everyone with zero level tolerance towards any type of hostility.
- 6) Empowering of wide range of stakeholders and groups of interest: bullying research empowers educators, parents, policymakers, and other stakeholders with knowledge and tools to recognize, address, and prevent bullying effectively.
- 7) Raising awareness and tolerance: research findings can be instrumental in raising public awareness about the seriousness of bullying and its consequences. Increased awareness can lead to community-driven initiatives, support systems, and resources.

Methodology.

Analysis of scientific and practical pedagogical, psychological, sociological, conflict literature, periodical scientific publications, comparison, generalization, synthesis. Theory of functions of conflict by Lewis Coser, conflict theory of Ralph Darendorph.

Results.

First, it is necessary to highlight the main operational concepts and notions that we will rely on in the process of conflict analysis of the experience of school reconciliation services. Conflict can be interpreted as a clash of antagonistically irreconcilable interests of social groups. Lewis Kozer, a representative of the functional theory of conflict, gave the following

definition of social conflict in "Functions of Social Conflict": social conflict is a struggle for values and claims to status, power, and resources, in the course of which opponents neutralize, damage or eliminate their rivals. [1]

Hence it becomes clear that social conflict carries an agonistic aspect, it is always a kind of competition for the most complete satisfaction of one's needs, but not always the interests of a single individual can combine with the interests of society, social groups, etc. It is necessary to take into account that conflict is always a way of negative interaction, characterized by the presence of the subjects of interaction of the attitude to struggle. Lewis Krisberg noted that it is necessary to consider conflict not as a structure isolated from reality, but as part of the context of reality, often having an impact on the environment. [2] To resolve conflict is to have such an impact on the determinants of contradictions that they cease to exist and are not allowed to arise again; we are talking here about the causes and their manifestations in the form of contentious issues, but in no way about the manifestations of conflict. Resolution from Darendorf's point of view is an untenable concept. [3] Thus, there are two main ways of influencing conflict. The first way is to suppress the conflict. In the case of pedagogical conflict, this method is the destruction of the articulation of the interests of the opposition about the opinion of the bearer of power in the conflict. In the case of a conflict at school it may be, for example, a teacher who seeks not to resolve the obvious formed in the educational team contradictions, but to silence the fact of the conflict, reducing the level of attention of superiors, parents of students, students themselves about the negative consequences of the presence of a conflict in the team. Also, suppression of conflict can be expressed through partial satisfaction of the interests of the opposition group with the subsequent fulfillment of these interests in the field of practice. Yes, violent forms of manifestation of conflict contradictions will run covertly and their mimicry and partial destruction of the opposition will not give the result in the long term. [4],[5] Power imbalance is a frequent phenomenon in a conflict. Opposition group, a group of interests that has no access to either administrative resources or to a set of official symbolic capitals, its toolkit of influence in the conflict is limited and reduced to the asymmetrical use of situational advantages in the conflict. Conflict can have a significant emotional component, which may indicate its destructiveness as a way of interaction. [6]

It is necessary to emphasize the factor of diversity and role diversification of the subjects of bullying as a conflict. It should also be noted that cyberbullying, which is a type of bullying in the digital space with the use of digital means of communication and modern media communications, also has a role in coloring interactions along with other aspects of discursive practices in the media in the context of forming the image of a stranger and using the language of hostility. [7] Here it is necessary to emphasize the importance of discourse as a complex communicative event that has a huge potential to spread certain images and connotations of people's actions, and events. [8],[9] Participants in a conflict-individuals or groups involved in a conflict because of the need to realize through the conflict their interests and needs or the interests and needs of their beneficiary. [10],[11]

In modern conflictology it is customary to distinguish the following roles of conflict participants. It should be noted that the participants of the conflict can represent both individuals and groups. The key aspect of the conflict is the presence of mutually exclusive interests of the parties, as well as the readiness to counteract in achieving their interests, expressed in the confrontation.

Thus we get the following classification:

- 1) Primary participants in the conflict-opponents, who are often carriers of agonistic-intransigent positions, are directly involved in the conflict.
- 2) Secondary participants in the conflict-individuals or groups who act as managers and pursue their own goals in the conflict, secondary to the primary participants.
- 3) Third individuals or groups who may have an interest in a particular resolution or conclusion of the conflict.

Now we can begin to analyze the classifications of various Western researchers of bullying and extrapolate their concepts to the conflictological paradigm. We should start with the aspects of ordinary bullying when the subjects meet face to face. Salmivalli, Lagerspetz, Björkqvist, Österman, and Kaukiainen note that in "face-to-face" bullying students can try on the following roles: victim, bully, reinforcer of the bully, assistant of the bully, defender of the victim, and outsider. [\[12\]](#) It should also be emphasized that the role context of bullying situations among adolescents is flexible, expressed through changing role demands in a given situation. Thus, adolescents can change roles in a conflict depending on the situation and the opportunity to act in it. Thus, an adolescent can be an aggressor in one situation, and in another situation, he or she can choose the position of a victim.

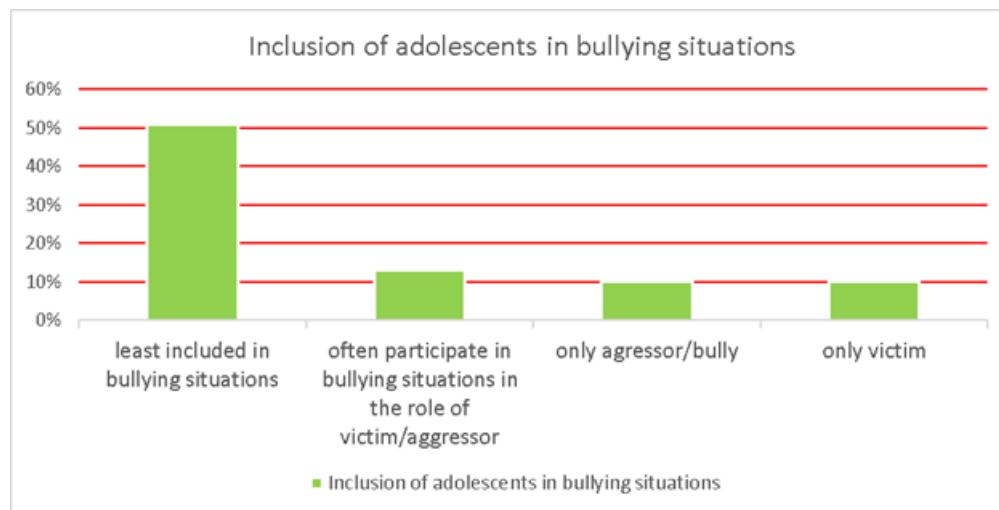
Bullying in adolescence is characterized by role flexibility. Bayraktar, Machackova, Dedkova, and Cerna, Ševčíková in their work emphasized that in cyberbullying situations adolescents tend to take the most familiar and most successfully played in real situations roles. [\[13\]](#) Lam, Cheng, & Liu, and Selkie, Kota, Chan, Moreno emphasize the role flexibility of adolescents involved in bullying, as well as the complex harm to mental health that any bullying causes, as a result, routinized patterns of aggressive behavior as well as patterns of victim behavior can coexist in the same individual. [\[14\], \[15\]](#) Choosing the aggressor stance is often the result of negative experiences gained from following the victim script. Researchers Brack, K and Caltabiano, N and Bauman, S in their research papers have repeatedly noted that bully and victim are the most widely represented role scripts in bullying as conflict. [\[16\], \[17\]](#)

Roland E proposed the following comprehensive classification of roles in bullying as a conflict.

- 1) Pursuers (aggressors, bulls)
- 2) The support group of pursuers (laugh and mock with the aggressor, stand next to the moment of harassment, come up with ways of harassment)
- 3) Victims
- 4) Victim support group (who actively tries to resist harassment of another person)
- 5) Neutral – they themselves are directly involved in the conflict and are removed from it (although they don't want to tolerate violating the educational process, disrupting lessons, scandals in the lesson and change, etc.).
- 6) Provocateurs - those who themselves do not use aggression, but provoke violence and harassment between others in their own interests (bet on the winner, shoot on video and upload on the Internet, etc.)

7) Sympathizers (disagreeing with what is happening, but usually silent). They do not like what is happening in the classroom, but they try not to intervene (perhaps out of fear of swapping places with the victim), but as a result, this raises indifference in them, or they, feeling powerless, become "indirect" victims of harassment.

Studies by Western researchers (Diagram «Inclusion of adolescents in bullying situations») on the inclusion of adolescents in bullying show the following results from surveys of young people: the majority belong to the group of "least included in bullying situations" (51%), 13 percent of students in educational institutions responded that they "often participate in bullying situations in the role of victim/aggressor", and two groups of respondents of 10 percent each respectively indicate that they tend to occupy the roles of the only aggressor or only victim. [\[18\]](#)

It should be emphasized that digital space and digital reality differ from the real world primarily in the possibility of choosing role scenarios of interaction unnatural for a person in the real world. These scenarios seem attractive to the individual, but for one reason or another are unattainable in real life. The main limitation of the realization of the dream role script in the context of conflict situations at school is the threat of negative sanctions, which can be enforced by the strongest and most resourceful party to the conflict. Also, bullying can be a situation of contradictions between community members and can last for years without changing the role dispositions of participants, and active actions of both sides, which is exactly what is characteristic of conflict. Bullying in real life can include a whole chain of different actions that lead the aggressor to realize his interests and benefit from the conflict. Such actions can be different in their quality but represent elements of systemic pressure on the victim of bullying. Such actions can include insults, the creation of a negative image, discrediting, criticizing, stealing, forgery, gossip, and others.

It is also worth noting that certain goals and objectives in bullying theoretically can be pursued not only by the aggressor but also by the victim. The difference between the aspirations of the victim and the aggressor, as the main role models, may consist in the desire to continue or stop bullying episodes, respectively. This may also include the aspiration to compensate for damage, revenge, etc. The victimization concept of Hans von Hentig and his socio-biological classification of victims, based on the causes and consequences of certain patterns of behavior of the victim, also speaks in favor of the concept of the possibility of the victim of bullying to pursue and realize his interests in the conflict. [\[19\]](#) Behaviors-sum of actions with an increasing outcome of both resolved and constant complexes of various contradictions, leading to the achievement of the goal in the conflict or alienating the moment of achievement of the goal. The goal is always revealed

through the understanding of speculative benefit in the future, the benefit itself is the result of the realized motivation of the individual.

1. Depressed victims - easily exposed to violence and/or humiliation due to a suppressed instinct for self-preservation
2. Greedy victims - constantly strive for personal gain, forgetting about everything, they are called "easy victims"
3. Extravagant victims - are characterized by unconventional and unusual behavior that provokes aggression.
4. Lonely victims
5. Tormentors - victims with displays of aggression as defense and/or revenge
6. Blocked victims - victims who are confused by their actions.
7. Suffering class - victims who transform themselves into aggressors.

Discussion.

The authors of this article offer their previously unpublished system of role scripts that a victim of bullying can follow. It is now necessary to consider the role scripts that may be involved in conflict. The author's position on the role of the victim lies within an understanding of Ralph Darendoph's concept of conflict and society and the dichotomy of the basic behavior of groups and individuals in an imbalanced system of "dominance and subordination".

1) Accepting the fact of bullying situations as an integral element of being within an educational organization. This can include the following two sub-scenarios within the activation of the bullying victim's role frame

A) Accommodation of reality and environment with the element of bullying. In this sub-scenario, the adolescent member of the community accepts the inevitability and normality of the existence of both bullying and power imbalance, the basic role dichotomy of victim-aggressor. He also recognizes the situationality, dynamism, and possibility of changing his disposition and role in the group.

Thus, by accommodating the agenda in the group community, yesterday's victim can become an aggressor. The main emphasis, in this case, is on the individual's recognition of the factor of inequality within the system of domination and subordination, as well as the possibility of playing by the rules of this system, which can lead to situational benefit, role change, and role-emotional benefit.

B) Assimilation of the static nature of the role disposition. In this sub-scenario, the victim is unequivocally convinced of the impossibility of changing his or her position neither in the future nor in the present tense. The only possible role for the victim-victim. By assimilating this type of mono-role interaction in bullying as in conflict an individual forms a type of behavior that can lead to a role benefit in the context of following the victim pattern. Such benefits may include pity, consolation prizes, and the opportunity to complain.

It should be emphasized that an exclusive focus on following the victim role pattern can lead to a wide range of mental problems, the emergence or intensification of victim syndrome, depression, etc.

- 2) Disagreement and struggle with the aggressor, revenge.
- 3) Compromise and agreement with the aggressor in the hope of improving the situation with the pressure of society and the aggressor within the framework of bullying as a form of negative leadership.

There are several elements in the context of the victim's disposition in the pre-conflict stage that can influence the development of bullying scenarios, the initial tactics of the victim of bullying, as well as the formation of the nature, and composition of the victim's actions.

Elements of the pre-conflict position of the victim of bullying, which have a determining significance in the context of further actions of victims, the scenario of actions.

- 1) Context of the current position of leadership or hierarchy of the individual in the group (leader, outsider, neutral, etc.) taking into account the concept of the system of dominance-subordination dispositions according to Darendorph.
- 2) Relationship of an individual with the holder of power in the collective.
- 3) Frequency and density of victim/aggressor contacts and support groups in the collective.
- 4) Perception and perception of objective and subjective positions and interests in the conflict by the parties to the conflict.

Thus, it is necessary to introduce the novel and exclusive concept of role benefit into the discourse on bullying. Benefit in this case is presented primarily as emotional satisfaction from the realization of a certain role in the conflict. The dynamics of adolescent collectives assert the possibility of rapid change of role preferences and situationality of benefit.

[\[20\]](#),[\[21\]](#),[\[22\]](#) However, the motivation of adolescents to participate in conflict should be allocated a special role. The goal in a conflict is the expected result of conflict interaction, always expressed as a process of overcoming contradictions concentrated in the zone of success-benefit. Under success in a bullying situation, we can understand a whole range of expected results, including defending one's values or imposing them, raising one's authority through public humiliation of the opponent, gaining power, violence, and coercion. Many western researchers in their papers addressed the essence and relevance of modern technologies and their impact on bullying. [\[23\]](#) Here we can say that social media and modern communicative gadgets may have either positive or negative impact on bullying prevention in educational facilities, especially schools. [\[24\]](#),[\[25\]](#) We cannot ignore the fact that surveillance in schools may help in prevention of bullying as a form of openness and transparency in manifestation of aggressive forms of communication between schoolchildren. [\[25\]](#)

It should be emphasized that bullying is often presented as a destructive form of conflict due to the high presence of the emotional component and the publicity of episodes of constant bullying of the opponent, aimed at gaining emotional benefits and forming a negative public opinion about the victim.

In the conflictology of bullying, we categorize the goals of the conflict as follows

1. Goals aimed at achieving aspects centered in the subject field.
2. Goals that are related to the social aspect of the conflict (realization of status, maintenance of authority in the group, etc.)

3. Goals aimed at justifying one's position and actions for oneself and other people, creating and realizing an emotional precedent.

The fact of presence or absence of the factor of publicity of goals realization influences the manner of manifestation of these or those goals

A) "Content for oneself"

B) "Content for others"

In the case of bullying, we more often see following the scenario B. It is necessary to emphasize the possibility of realization of emotional benefit in all 3 groups of goals.

Conclusion.

The problematics of bullying research remains invariably topical and relevant. The research offers a new concept of role and emotional benefits in situations of bullying as a form of conflict. The authors of the study are convinced of the importance of effective intervention in conflict and also hold the position of the necessity of conflict resolution in bullying situations.

Библиография

1. Coser L. The functions of the social conflict. NYC: The free press, 1956. Pp. 8-16.
2. Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y.C, Prentice-Hall, 1973. Pp 10-18.
3. Darendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press. California, 1959. Pp. 50-81.
4. Trufanov, G. A. Governmental control over information distribution as a basis of the social conflict // Конфликтология. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – P. 207-221. – EDN SMRPDE.
5. Trufanov, G. A. The problem of bullying in schools: conflictological comprehension // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – No. 9. – P. 115-128. – DOI: 10.34755/IROK.2021.72.59.076. – EDN KNGVMN.
6. Усов, С. С. Эмоционально-оценочная номинация реалий в политическом дискурсе в XXI в / С. С. Усов, М. А. Сафонов, Н. Л. Харченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3(146). – С. 105-109. – EDN NPTBRS.
7. Содержательно-подтекстовый аспект информативности дискурса в публицистическом тексте / Н. С. Варфоломеева, С. С. Усов, И. Ю. Багдасарова [и др.] // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – № 4. – С. 50-55. – DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.050. – EDN BSLJZM.
8. Языковые средства выражения элементов фантастики в политическом дискурсе / И. А. Синицына, М. А. Сафонов, С. С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 254-263. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
9. Содержательно-подтекстовый слой информативности текста как способ выражения авторской модальности (на примере рассказа И.А. Бунина "в Париже") / Н. Л. Харченко, М. А. Сафонов, С. С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 419-428. – EDN XVBPRJ.
10. Trufanov, G. A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media //

- Конфликтология. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 132-158. – EDN DZCTXE.
11. Trufanov, G. A. Modern aspects of conflict management in business organizations in the context of conflict studies in business / G. A. Trufanov // Actual Issues of the Modern Economy. – 2021. – No. 8. – P. 14-23. – DOI: 10.34755/IROK.2021.51.36.025. – EDN BPHW SA.
 12. Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Björkqvist, K., Österman, K., Kaukainen, A. (1996). Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group. *Aggressive Behavior*, 22, 1-15. doi: 10.1002/(SICI)1098-2337(1996)22:13.0.CO;2-T
 13. Bayraktar, F., Machackova, H., Dedkova, L., Cerna, A., Ševčíková A. (2015). Cyberbullying: The discriminant factors among cyberbullies, cybervictims, and cyberRunning head: ROLES IN CYBER BULLYING 25 victims in a Czech adolescent sample. *Journal of Interpersonal Violence*, 30, 3192-3216. doi: 10.1177/0886260514555006.
 14. Lam, L. T., Cheng, Z., Liu, X. (2013). Violent online games exposure and cyberbullying/victimization among adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16, 159-164. doi:10.1089/cyber.2012.0087.
 15. Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y-F., & Moreno, M. (2015). Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: A multisite study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 79-86. doi:10.1089/cyber.2014.0371.
 16. Brack, K., & Caltabiano, N. (2014). Cyberbullying and self-esteem in Australian adults. *Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 8, article 7. doi: 10.5817/CP2014-2-7.
 17. Bauman, S. (2010). Cyberbullying in a rural intermediate school: An exploratory study. *Journal of Early Adolescence*, 30, 803-833. doi: 10.1177/0272431609350927.
 18. Aoyama, I., Bernard-Brak, L., Talbert, T. (2011). Cyberbullying among high school students: Cluster analysis, sex and age differences and the level of parental monitoring. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology, and Learning*, 1, 25-35. doi: 10.4018/ijcbpl.2011010103
 19. Hentig H. Remarks on the Interaction of perpetrator and Victim // The of Criminal and Criminology, 1941. V. 31.
 20. Schoen, S., Schoen, A. (2010). Bullying and Harassment in the United States. *The Clearing House*, 83(2), 68-72.
 21. Dehue, F. (2013). Cyberbullying research: New perspectives and alternative methodologies. Introduction to the special issue. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23, 1-6. doi: 10.1002/casp.2139.
 22. Dehue, F., Bolman, C., Völlink, T. (2008). Cyberbullying: Youngsters' experiences and parental perception. *CyberPsychology & Behavior*, 11, 217-223. doi:10.1089/cpb.2007.0008.
 23. Brooks, R. A., & Cohen, J. W. (2020). The Nature, Scope, and Response to School Bullying. In *Criminology Explains School Bullying* (1st ed., Vol. 2, pp. 7–28). University of California Press.
 24. Bloom, A. B. (2020). Building Civic Capacity in Schools and Communities. *National Civic Review*, 109(1), 6-15.
 25. Grmuša, A. (2023). The effectivnes of video surveillance in preventing and intervening bullying in secondary schools in Serbia. In F. Alcantud-Marín, Y. Alonso-Estebar, C. Berenguer Forner, M. J. Cantero López, J. C. Meléndez Moral, A. R. Moliner Albero, B. Rosello Miranda, M. del M. Sánchez García, P. Sancho Requena, E. Satorres Pons, N.

Senent-Capuz, M. Soriano-Ferrer, P. Viguer Seguí, & A. Ygual Fernández (Eds.), *Actas del XI Congreso Internacional de Psicología y Educación.* (pp. 2765-2774). Dykinson, S.L.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в годы Перестройки произошли кардинальные перемены в общественно-политической жизни страны, сразу встал вопрос о стратегии воспитательной работы среди подрастающего поколения. Фактически на фоне резкого снижения доверия и, в конечном итоге, полномасштабного кризиса коммунистической идеологии все более очевидным становилась задача формирования новых духовных ориентиров, с которым в 1990-е гг. государство Российское не справилось. Уже в начале XXI в. российские власти приняли серьезные меры для становления школьных, молодежных объединений, в основе которых лежат важные патриотические задачи. Президент РФ В.В. Путин справедливо отмечает: «Все, что мы с вами делаем, в самом широком смысле этого слова - в демографии, образовании, экономике, в сфере безопасности - подчинено главному: чтобы наши дети, молодежь росли счастливыми, жили в благополучной, суверенной стране». В этой связи вызывает важность изучение различных социальных и психологических аспектов в школьной и молодежной среде, особенно настоящими профессионалами своего дела.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является школьный буллинг. Автор ставит своими задачами раскрыть роли участников буллинга, проанализировать зарубежные подходы, а также выявить цели буллинга.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор предлагает «новую концепцию ролевых и эмоциональных выгод в ситуациях буллинга как формы конфликта».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 25 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы Г.А. Труфанова, Р. Брукса и Д. Коэна, С. Баумана, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения школьной травли. Автор также привлекает классические исследования Л. Козера и Р. Дарендорфа. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как конфликтологией, в целом, так и конфликтами в школьной среде, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней

можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «исследования буллинга имеют важное значение по нескольким причинам, индивидуальному, общественному и институциональному уровням». Автор обращает внимание на то, что «определенные цели и задачи при буллинге теоретически может преследовать не только агрессор, но и жертва». При этом, «разница между стремлениями жертвы и агрессора как основных образцов для подражания может заключаться в желании продолжить или прекратить эпизоды издевательств соответственно».

Главным выводом статьи является то, что «буллинг часто представляется как деструктивная форма конфликта из-за высокого присутствия эмоциональной составляющей и огласки эпизодов постоянного издевательства над оппонентом, направленного на получение эмоциональной выгоды и формирование негативного общественного мнения о жертве».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана на английском языке, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках решения конфликтов в школьной среде.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Англоязычные метаданные

Ethnic Kurdistan in the context of 21st century Geopolitics

Baravi Melina Vladimirovna

Postgraduate student of the Department of History and Politics of Russia, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Prospekt Gagarina str., 23

✉ melinabaravi@gmail.com

Kretov Andrei Dmitrievich

Graduate student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Prospekt Gagarina str., 23

✉ krietov2000@mail.ru

Tarasova Daria Aleksandrovna

Postgraduate student; National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Institute of International Relations and World History

23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

✉ daria.tarasova@corp.mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the Kurdish issue from the perspective of its development prospects in the geopolitical aspect. The material contains the author's analysis of possible solutions to the Kurdish issue from the perspective of different states and supranational blocs, as well as factors that contribute to and hinder the resolution of the Kurdish issue in the foreseeable future. The material contains information about what factors influence the positions of the largest regional and international players on the analyzed issue. The creation of a Kurdish state seems unlikely; the alternative is, at a maximum, granting Kurdish communities maximum autonomy, at a minimum, changing their legal status in countries, primarily in Turkey, where their position is most vulnerable. The constant deterioration of the situation of the Kurds and their exclusion from the legal agenda in Turkey is called a possible cause of the civil war. The Kurdish issue cannot be resolved militarily, and possible solutions are individual for all affected countries, which, however, themselves suffer from internal crises (Syria, Iraq), and Iran, which lives under Sharia law, also suffers from sanctions pressure. In addition, there is no unity within the Kurdish communities themselves, which further complicates the political struggle. At the moment it is possible to distinguish long-term and short-term prospects for resolving the Kurdish issue, both from the position of the people themselves and other interested actors. The authors also analyze the complicating circumstances, which include the interest of external actors (such as the United States and NATO as a whole) to use the Kurds to solve their own geopolitical problems in the region; internal contradictions among the Kurdish leaders themselves, which does not allow reaching a consensus on a number of organizational issues, and a difficult economic situation.

Keywords: Kurdistan Workers' Party, Turkey, Iran, Iraq, Syria, Kurdish-Turkish conflict, Greater Middle East, Middle East, Kurdistan, Kurds

References (transliterated)

1. Druzhilovskii S. B. Vliyanie irakskogo krizisa na uregulirovaniye kurdskoi problemy v Turetskoi Respublike / Kurdskii vopros v Zapadnoi Azii v nachale XXI veka. M., 2016. S. 141-152.
2. Iraqi Kurdistan in Middle Eastern politics / Edited by Alex Danilovich. London; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2018.
3. Zubkova A. I. Kurdskii vopros i politicheskaya stabil'nost' v Turetskoi Respublike // Politicheskaya stabil'nost': metodologiya sravnitel'nykh issledovanii, analiz regional'nykh problemnykh zon. M.: RUDN, 2019. S. 98-125.
4. Il'yasov R.M. Struktura i politicheskii status Rabochei partii Kurdistana v sovremennoi Turtsii // Kazanskaya nauka. 2018. №5. S. 17-23.
5. K voprosu o vooruzhennoi bor'be kurdskogo naroda // Druzhba. 2020. №10. S. 10-14.
6. Kasaev E. Kurdskaya problema Blizhnego Vostoka // Obozrevatel', 2018. №10. S. 106-112.
7. Bayir D. Minorities and Nationalism in Turkish Law. Routledge. New York, 2013, 300-330.
8. Rogozhina E.M., Baravi M.V. Vliyanie mezhdunarodnykh faktorov na etnicheskii kurdistan v KhKh veke. Sbornik statei po materialam LIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom 12 (45). Moskva, 2021.
9. Xypolia I. Racist aspects of modern Turkish nationalism // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 2016.
10. Cornell S. E. The Kurdish Question in Turkish politics, 2001.
11. Karmin D. D. Odzhalan v poiskakh novoi rodiny // Kurdistan rapport. 2018. № 23. S. 52.
12. Zhigalina O.I. Istoki kurdskoi gosudarstvennosti // Druzhba. 2018. №4. S. 33-48.
13. Avetisyan E.G. Politika Rossii na Blizhnem Vostoke i ee vliyanie na mezhdunarodnyi imidzh gosudarstva // Aktual'nye problemy sovremennoy mezhdunarodnykh otnoshenii. 2017. №10.

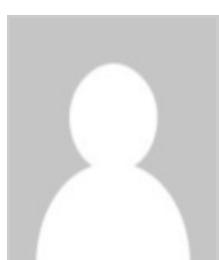
Analysis of Russia's policy in the Middle East in 2000-2023 in the works of foreign researchers.

Ionov Dmitriy Dmitrievich

Graduate student of the Institute of International Relations and World History, Department of Political Science, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2

✉ dmitriy.ionov@unn.ru

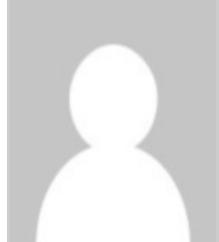

Koreneva Lyudmila Nikolaevna

Graduate student of the Institute of International Relations and World History of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2

✉ korluyd@gmail.com

Nazarov Aleksei Dmitrievich

Graduate student of the Institute of International Relations and World History of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2

✉ nazarov.alex.8989@mail.ru

Ryzhov Igor' Valer'evich

Doctor of History

Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory "Study of World and Regional socio-political processes" of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2

✉ ivr@fmo.unn.ru

Abstract. The article is devoted to the scientific consideration of foreign researchers' views on the issues and prospects of military-political, trade-economic and socio-cultural relations of the Russian Federation with the countries of the Middle East during the presidency of V.V. Putin and D.A. Medvedev from 2000 to 2023. The paper aims to identify the main points of view of foreign researchers on the issues and prospects of military-political, trade, economic, social and cultural relations of the Russian Federation with the Middle East countries during the presidency of V.V. Putin and D.A. Medvedev in 2000-2023. The purpose of the work is to highlight the main points of view on Russia's Middle East policy and identify the key areas of interest among foreign researchers. The object of the study is to examine the geopolitical significance of the region and the ways in which this significance is reflected in the studies of foreign scholars. The subject is the views of foreign researchers on Russia's policy in the Middle East. The article analyzes the differences and similarities in the interpretations of the effectiveness and consequences of Russia's actions in the region. The study is based on the principles of objectivity, systematicity and consistency. The main conclusions of the paper are that foreign researchers have different attitudes towards Russia's policy in the Middle East. Some see this policy as a constructive approach to developing relations with all countries in the region, while others point to Russia's desire to strengthen its influence and interests in certain countries and, at the same time, Russia's attempt to upset the already fragile balance of power in the region, which is considered one of the most tense and unstable in the world.

Keywords: Arab-Israeli conflict, Arab Spring, international mediation, geopolitical interests, conflict-prone region, foreign oriental studies, regional safety, historiography, Middle East, Russia

References (transliterated)

1. Abdul Razzaq, B.H. The Middle East and its Strategic Dimensions: a theoretical study // Political Sciences Journal. [Electronic resource]. – URL: <https://jcopolicy.uobaghdad.edu.iq/index.php/jcopolicy/article/view/544/466> (accessed: 29.07.2023).
2. Abdullah Mohammed Ali-essen Abdullah. Russia's foreign policy on Middle East from 2011-2014 // Arab Democratic Center. [Electronic resource]. – URL: <https://democraticac.de/?p=16397> (accessed: 30.07.2023).
3. Blanchard C.M. Middle East and North Africa: Implications of the Russia-Ukraine War // Congressional Research Service. – 2023. – 30 p.

4. Carter P.M. Understanding Russia's Interest in Conflict Zones // United States Institute of Peace. – 2020.
5. Facon I. Russia's quest for influence in North Africa and the Middle East // Observatoire du monde arabo-musulman du Sahel. – 2017. – 23 p.
6. Fadhil AL-Mafrajiy, D.H. The development of Russian-Iraqi relations for the period (2011-2019) // Political Sciences Journal. [Electronic resource]. – URL: <https://jcopolicy.uobaghdad.edu.iq/index.php/jcopolicy/article/view/596/450> (accessed: 29.07.2023).
7. Freedman R.O. Russian Policy toward the Middle East: The Yeltsin Legacy and the Putin Challenge // Middle East Journal. – Vol. 55. – 2001. – No. 1. – P. 58-90.
8. Marom A.H. Russia's Foreign Policy in the Middle East // IDSF. [Electronic resource]. – URL: <https://idsf.org.il/en/interviews-en/russias-foreign-policy-in-the-middle-east/> (accessed: 23.03.2023).
9. Katz M.N. Conflicting aims, limited means: Russia in the Middle East // POLICY BRIEF. – 2015. – № 201. – P. 1-7.
10. Kaya İ.N. Rusya'nın Orta Doğu Politikası: Dış Politikaveİlişkiler (1992-2022) // Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi. [Electronic resource]. – URL: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/72343/rusyanin_orta_dogu_politikasi_dis_politika_ve_iliskiler_1992-2022 (accessed: 03.08.2023).
11. Lund A. Russia in the Middle East // Publishing House of the Swedish International Institute. – 2019. – No. 2. – 52 p.
12. Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern policy. Regional ambitions, global objectives // Ośrodek Studiów Wschodnich. – 2017. – № 71. – 50 p.
13. Rumer E., Weiss A.S. A Brief Guide to Russia's Return to the Middle East // Carnegie Endowment for International Peace [Electronic resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/24/brief-guide-to-russia-s-return-to-middle-east-pub-80134> (accessed: 26.03.2023).
14. Schneider B.A. Russian Foreign Policy in the Middle East: Priorities and Effectiveness // University of Denver. – 2012. – 112 p.
15. Talbot V. The role of Russia in the region of the Middle East and North Africa. Strategy or opportunism? // IEMed, European Mediterranean Institute. – 2019. – 114 p.
16. Yıldız M. Rusya'nın Ortadoğu'ya Dönüşünün Askeri Boyutu // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – Cilt: 9. – Sayı: 1. – ss. 83-107.
17. Zvyagel'skaya I.D. Blizhnevostochnyi klinch. Konflikt na Blizhnem Vostoke i politika Rossii. M.: Aspekt Press, 2014. – 208 s.
18. Luzyanin S.G. Vostochnaya politika Vladimira Putina: Vozvrashchenie Rossii na «Bol'shoi Vostok» (2004–2008 gg.). M.: Vostok-Zapad, AST, 2007. – 448 s.
19. Rossiya i strany Vostoka v postbipolyarnyi period / Pod red. D.V. Strel'tsova. M.: Aspekt Press, 2014. – 368 s.
20. Ryzhov I.V., Totskaya E.P. Analiz politiki Rossii na Blizhnem Vostoke v 2000-2015 gg. V rabotakh rossiiskikh issledovatelei // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 4. S. 82-90.
21. Uказ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 25.07.2023)

The Indian experience of region building as a way to counter

competitive regionalism in the Asia-Pacific region and the Middle East

Belkov Aleksandr Dmitrievich

Student, Department of Comparative Politics, RUDN University named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ aleksanderbelkov@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the modern regional integration of India on the example of the associations I2U2 and IMEC. The aim of the research is to identify successful methods and approaches of India, which it uses in integration efforts in the Asia-Pacific region. India's successful approaches to the process of adapting to new challenges against the background of China's strengthening in the region are being studied. The basis of the work is a systematic approach and analysis of statistical data, as well as event analysis and content analysis of official documents, Internet sources, historical and institutional methods, induction and deduction methods are used, theories of new regionalism and transregionalism, as well as the theory of regional security blocks are applied. The relevance of the study is determined by the complicated geopolitical situation in which Russia needs to apply more effective practices for rapid integration in this region. The scientific novelty consists in applying theoretical developments to a practice-oriented study of empirically observed regionalization processes in the Asia-Pacific region.

In the context of a changing world order, India uses the new opportunities through new region building, applies the approaches of cooperative regionalism and transregionalism, and cooperates on all inter-regional platforms. It finds new partners and markets for its products, participates in integration associations and puts forward its own transport and logistics projects. This helps the country consolidate its leading position. India's integration experience plays a significant practical role for Russia and for other countries striving for development and leadership.

Keywords: competition, security blocks, conflict, region building, IMEC, I2U2, Asia-Pacific region, cooperative regionalism, India, Integration

References (transliterated)

1. Voskresenskii A.D. Vostochnaya Aziya i ili ATR: sostav regiona / Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika / pod red. A.V. Torkunova. M.: Prosveshchenie, 2004.
2. Toropchin G.V. ATR ili ITR? Territorial'nye ramki i smyslovoe napolnenie // Problemy Dal'nego Vostoka. 2020, № 5. S. 89-103. DOI: 10.31857/S013128120012463-0.
3. Kuznetsov D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii // Sravnitel'naya politika. 2016. T. 7. № 2 (23). S. 14-25. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25
4. Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. Transregionalizm — novyi fenomen mirovoi politiki // POLIS. Politicheskie issledovaniya. 2019.
5. Hännig, Heiner; Roloff, Ralf; Rüland, Jürgen. Interregionalism and International Relations. Oxon: Routledge, 2006.
6. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Relations // B. Buzan, O. Waever. Cambridge, 2003.

7. Degterev D. A., Istomin I. A. Sistemnoe modelirovanie mezhunarodnykh otnoshenii // Mirovaya ekonomika i mezhunarodnye otnosheniya, 2015, № 11. S. 17-30.
DOI:10.20542/0131-2227-2015-59-11-17-30
8. Lebedeva N.B. Prodvizhenie Indii v ATR: problemy i perspektivy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2012. №3. S. 144-171.
9. Lunev S. I. Indiya kak odin iz novykh tsentrov global'nogo vliyaniya // Sravnitel'naya politika, №2 (8), 2012. S. 90-104.
10. Bragina E.A. Indiya: sozdanie spetsial'nykh ekonomiceskikh zon. IMEMO RAN, 2016. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-sozdanie-spetsialynih-ekonomiceskikh-zon> (data obrashcheniya: 05.02.2024)
11. Galishcheva N. V. Globalizatsiya indiiskoi ekonomiki: tendentsii i perspektivy // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. 2(53). S.71-89. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89.
12. Volodin A. G. Indiya v mire regionalizatsii // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. – 2017. – T. 10. – № 4. – S. 178-191.
13. Il'icheva Yu. A. Osobennosti sotrudnichestva Indii so stranami ASEAN v oblasti bezopasnosti v regione Yugo-Vostochnoi Azii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2019. – № 3. S. 36-46. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.3.29990
14. Mungreishang Horam Contextualizing India's "Act East" Policy Within the Geopolitical Dynamics of the Asia-Pacific Region // Indian Journal of Asian Affairs, Vol. 35, No. 1 (June 2022), pp. 58-72.
15. Prakash A., Garcia Herrero A., Czapnik B., Chen L., Shrestha R., Verico K., Dash P., Hawke G., Chlissma Putra R. Regional Integration in Indo-Pacific: Connectivity, Cooperation, and New Supply-Chain Linkages /Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2023 / ERIA Research Project Report 2022 No. 19 (ed. by A. Prakash). URL: <https://www.eria.org/publications/regional-integration-in-indo-pacific-connectivity-cooperation-and-new-supply-chain-linkages/> (accessed 09.02.2024)
16. Behera, L. K. (2023). AUKUS and India's Indo-Pacific Strategy. International Journal, 78(3), 375-393. DOI:10.1177/00207020231197785
17. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, March 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2015zt/xjpcxbayzlt2015nnh/201503/t20150328_705553.html (data obrashcheniya: 09.02.2024)
18. The World Bank: Doing Business. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings> (accessed 09.02.2024)
19. Lagutina M. L. Global'nyi region kak element mirovoi politicheskoi sistemy XXI veka // Sravnitel'naya politika. 2015. №2 (19). S. 16-21.
20. TASS: Istoriya realizatsii natsional'nykh proektov v raznykh stranakh. 11.02.2019. URL: <https://tass.ru/info/6101801> (data obrashcheniya: 05.02.2024)
21. Sinha D. India's Look East Policy and the Northeast. Ministry of External Affairs Government of India, April 25, 2016. URL: <https://www.meaindia.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?505> (accessed 11.02.2024)
22. Kesavan K. V. India's «Act East» policy and regional cooperation Observer Research Foundation, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/indiasthe-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375> (accessed 11.02.2024)

23. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2). The White House. 14.07.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 11.02.2024)
24. Press Information Bureau: G-20 and India's Presidency. Ministry of External Affairs. 10.12.2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1882356> (accessed 11.02.2024)
25. Lagutina M.L., Mikhailenko E.B. Regionalizm v global'nyu epokhu: obzor zarubezhnykh i rossiiskikh podkhodov // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 20. № 2. S. 261-278.
26. House, The White (July 14, 2022). Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 11.02.2024)
27. Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor. The White House. 09.09.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (accessed 12.02.2024)
28. India News Network: PM Modi v Abu-Dabi: Indiya i OAE podpisivayut dvustoronnyyu investitsionnyu dogovorennost', 13.02.2024. URL: <https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240213/pm-modi-in-abu-dhabi-india-uae-sign-bilateral-investment-treaty> (accessed 13.02.2024)
29. Bloomberg: Abu Dhabi Weighs Investment Pledges Worth \$50 Billion for India. 02.11.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-02/abu-dhabi-weighs-investment-pledges-worth-50-billion-for-india> (accessed 13.02.2024)
30. Galistcheva, Natalia, India and I2U2: Main Trends and Perspectives (May 31, 2023). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4465439> (accessed 14.02.2024)
31. Manjari Singh. I2U2: A Strategic Bloc Or A Minilateral Partnership? The Defence Horizon Journal. 21.07.2022. URL: <https://www.thedefencehorizon.org/post/i2u2-strategic-bloc-minilateral-partnership> (accessed 14.02.2024)
32. Mladenov N. Minilateralism: A Concept That Is Changing the World Order? Apr 14, 2023 // The Washington Institute for Near East Policy. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/minilateralism-concept-changing-world-order> (accessed 14.02.2024)
33. Rajeswari Pillai Rajagopalan. Explaining the Rise of Minilaterals in the Indo-Pacific. Issue Brief № 490, Observer Research Foundation. September, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/research/explaining-the-rise-of-minilaterals-in-the-indo-pacific> (accessed 14.02.2024)

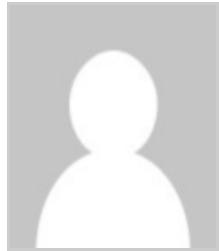
The role of the North Caucasian Diaspora (Muhajirs) in the Ottoman Empire in bilateral relations between Russia and Turkey in 1917-1921 in the context of revolutions, external and internal conflicts

Israfilov Adam Khamzatovich

Postgraduate student at the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University

117198, Russia, Moscow, Moscow, Mklukh-Maklaya str., 6

✉ adam-kadet@mail.ru

Abstract. The author examines the influence of the North Caucasian diaspora (Muhajirs) on the relations of the Ottoman Empire, and later Turkey with Russia in the context of the creation of the Union of Highlanders of the North Caucasus and Dagestan in the region of the same name during the conflicts – the Civil War in Russia and the War of Independence of Turkey.

The end of the First World War was marked by the fall of the largest European empires, including the Russian and Ottoman empires. These cataclysms have led to an increase in conflict in the region. In addition, these processes contributed to the growth of national consciousness of the peoples who were part of these states. At the same time, the social upsurge took place not only in the country of origin, but also in the diaspora, which, using its social position in the receiving country, tried to influence foreign policy in order to realize its historical "myth". In turn, the diaspora simultaneously acted as an informal "instrument" in relations between Russia and Turkey. The research used general scientific methods such as analysis and synthesis, induction and deduction, the unity of historical and logical. A wide source and historiographical base was used. The study revealed that representatives of the diaspora had a double identity: on the one hand, they retained the "myth" of their historical homeland, on the other, they considered themselves loyal subjects of the Ottoman state. Based on their dual self-identification, their activities and the policy of the Turkish state in the Caucasus resulted, forming a kind of symbiosis, so the foreign policy interests of the state were intertwined with the desire of the muhajirs to return to their homeland. At the same time, the country of origin, although actively cooperating with the diaspora, also pursued its own interests. However, as the revolutions in Russia and Turkey faded and the state apparatus of the two countries strengthened, the diaspora factor began to decrease – national interests prevailed over the interests of individual ethnic groups.

Keywords: The Diaspora, Chechnya, The North Caucasus, conflict, muhajirs, revolution, Turkey, Civil war, Russia, The Mountain Republic

References (transliterated)

1. Asan H. Kırım-Kafkasya Muhacirlerinin Karşılaştığı Sorunlar: Diyarbakır ve Çevresi Örneği // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. – 2021. – № 2. – R. 1941-1954.
2. Shavlaeva T.M. Khozyaistvennaya deyatel'nost' chechenskikh mukhadzhirov v pervye gody deportatsii // American Scientific Journal. – 2019. – № 28. – S. 9-12.
3. Chochiev G. On the History of the North Caucasian Diaspora in Turkey // Iran & the Caucasus. – 2007. – № 2 (11). – R. 213-226.
4. Garsaev L. M., Garasaev Kh.-A. M., Magomedova R. M., Guseinova I. S. Voennaya elita Turtsii iz potomkov chechenskikh mukhadzhirov // Obrazovanie i pravo. – 2020. – № 8. – S. 420-425.
5. Gingeras R. The Sons of Two Fatherlands: Turkey and the North Caucasian Diaspora 1914-1923 // European Journal of Turkish Studies Social Sciences on Contemporary Turkey Complete List. – 2011. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/4424> (Data

obrashcheniya: 01.12.2022)

6. Badaev S.-E.S. Chechenskaya diaspora na Srednem i Blizhnem Vostoke: istoriya i sovremennoe: monografiya. Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat imeni Revolyutsii 1905 g. – 2008. – 315 s.
7. Matveev V.A. «Cherkesskii vopros»: sovremennye interpretatsii i realii epokhi // Issledovanie po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. – M., IEA RAN, 2011. – № 226. – 38 s.
8. Celikpala M. From Immigrants to Diaspora: Influence of the North Caucasian Diaspora in Turkey // Middle Eastern Studies. – 2006. – № 3 (42). – R. 423-446.
9. Chochiev G.V. Turtsiya, Kavkaz i severokavkazskaya diaspora vo vremya i posle Pervoi mirovoi voiny // Kavkaz v gody pervoi mirovoi voiny: geroika i povsednevnost': sbornik statei. – Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, – 2014. – S. 21-35.
10. Ershov V.F. Severokavkazskoe zarubezh'e 1920-1930-kh gg. v Turtsii, Zapadnoi Evrope i SShA: evolyutsiya i sotsial'no-kul'turnaya spetsifika // Arkhivy i obshchestvo: nauchno-prosveshitel'skii zhurnal. – 2012. – № 22. – S. 121-133.
11. Chochiev G.V. Kavkazoorientirovannaya deyatel'nost' cherkesskoi politicheskoi elity v Turtsii v 1918-1921 gg. // Gramota – 2014. – № 4 (42). – C. 205-208.
12. Kambiev A.M. Abdul-Medzhid Chermoev - pervyi glava Gorskoj respubliki v gody Grazhdanskoi voiny na Severnom Kavkaze // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 81-1. S. 21-23.
13. Gülsen A. A Failed Independence Movement in the Context of the Great Powers Competition: The North Caucasian Struggle for Independence (1917-1920) // Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi SBE Dergisi. 2021. № 11 (1). R. 245-259.
14. Chochiev G.V. Britanskii dokument o kavkazskoorientirovannoii deyatel'nosti cherkesskoi politicheskoi elity v Turtsii posle Pervoi mirovoi voiny // Zhurnal dlya uchenykh. 2014. № 11 (95). S. 106-109.
15. Tsvetkova T. The North Caucasian Diaspora Factor in the Soviet-Turkish Relations (1919-1921) // Journal of Caucasian Studies. – 2021. – № 12 (6). – P. 259-294.
16. Sultan M. The Jihad of Said Shamil and Sultan Murad for the liberation of the Caucasus // Central Asian Survey. – 1991. – № 10 (1-2). – P. 181-187.

Scientific research by British authors on the Second World War as an element of information and psychological confrontation with Russia

[Il'ichev Aleksei Vladimirovich](#)

Postgraduate student, Department of Political Sciences and Philosophy, Sevastopol State University

33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia

[✉ alexeiilyichev@yandex.ru](mailto:alexeiilyichev@yandex.ru)

Abstract. The article examines the political and ideological narratives in the scientific research of British authors devoted to the Second World War. The purpose of this publication is to study the works of British authors as a tool of information and psychological warfare aimed at promoting a certain ideological agenda in Russian society. In the course of the study, some recommendations were formulated that can contribute to strengthening state policy in the field of preserving historical memory. The subject of the research is the scientific

research of such authors as: E. Beevor, M. Hastings, T.Ripley, K.Aylesby, S. Crawford, N. Cornish, S.Hart, R. Hart and M. Hughes. The object is political and ideological narratives aimed at promoting the pro-Western agenda in the information and educational field, as well as in the publishing sphere. The research methodology was subordinated to the goals and objectives of the work, directly reflecting the interdisciplinary nature of the topic under study. To identify the main narratives in the works of foreign authors, a qualitative content analysis was conducted aimed at reflecting the main plots, images and their political and ideological content. According to the results of the study, it was revealed that the distortion and manipulation of historical memory in the research of British authors is aimed at promoting a certain ideological and political agenda. This process is carried out using a one-sided selection of facts in the description, certain events and the placement of narrative accents, as well as in the dehumanization of the Red Army and the Soviet Union. The narrative constructed by Western authors is aimed at both the internal audience and the younger generation within our country, in order to involve them in the areola of Western information policy. Today, the narrative of the Second World War is used by modern researchers and politicians of the Western world as a tool to promote the anti-Russian agenda. In order to counteract the Western policy of distorting historical memory, it is necessary to take a number of the following measures: the promotion of popular scientific journals on history, the return of editorial edits and articles from the editor when publishing research by Western authors, the return of printing memoirs of Red Army soldiers and the restriction of publication of memoirs of the German military.

Keywords: Eastern Front, Foreign literature, Political Technologies, Russophobia, British authors, USSR, Special Military Operation, Information Warfare, Historical Culture, World War II

References (transliterated)

1. Novyi tekst Konstitutsii RF s popravkami 2020 [Elektronnyi resurs], URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (data obrashcheniya 18.01.2024).
2. Kiknadze V.G. Kak idei natsionalizma i neofashizma ovladevayut massami. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta №13 (1), 2023. S. 91-97.
3. Naryshkin: zashchita istoricheskoi pravdy yavlyaetsya vazhnoi gosudarstvennoi zadachei Rossii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13049185> (data obrashcheniya 18.01.2024).
4. Carr E. H. What is History? Penguin Books, 1990. 188 p.
5. Nikiforov Yu. Fal'sifikatsiya istorii Vtoroi mirovoi voiny. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.cher-city.ru/node/falsifi-kaciya_istorii (data obrashcheniya 18.01.2024).
6. Lushin A.N. Fal'sifikatsii istorii: teoreticheskii podkhod k probleme (na primere Rossii) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii № 23, 2013. C. 21-25.
7. Putin prizval SNG maksimal'no sokhranit' i obogatit' obshchee mnogonatsional'noe dostoyanie. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/politika/19565857> (data obrashcheniya 18.01.2024).
8. Putin raskryl tsel' popytok fal'sifikatsii istorii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ria.ru/20221115/istoriya-1831643095.html> (data obrashcheniya 18.01.2024).
9. Wolfe A. J. Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science, 2018. 312 p.
10. Bivor E. Vtoraya mirovaya voina. M.: Kolibri, 2014. 991 c.

11. Khaisting M. Vtoraya mirovaya voina: Ad na zemle. M: Al'pina non-fikshn, 2015. 698 s.
12. Stat'ya 6.1. Zapret publichnogo otozhdestvleniya tselei, reshenii i deistvii rukovodstva SSSR, komandovaniya i voennosluzhashchikh SSSR s tselyami, resheniyami i deistviyami rukovodstva natsistskoi Germanii, komandovaniya i voennosluzhashchikh natsistskoi Germanii i evropeiskikh stran osi v khode Vtoroi mirovoi voiny, a takzhe otritsaniya reshayushchei roli sovetskogo naroda v razgrome natsistskoi Germanii i gumanitarnoi missii SSSR pri osvobozhdenii stran Evropy [Elektronnyi resurs]. URL: <https://base.garant.ru/1518946/f533d167513979e2d229fe32a1897b73/#friends> (data obrashcheniya 18.01.2024).
13. Ripli T. Vermakht. Germanskaya armiya vo Vtoroi mirovoi voine. 1939-1945. M.: ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2010. 335 s.
14. Eilsbi K. Plan Barbarossa. Vtorzhenie fashistskikh voisk na territoriyu SSSR. 1941. M.: ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2010. 223 s.
15. Krouford S. Vostochnyi front den' za dnem. Germanskii vermakht protiv Krasnoi armii. 1941-1945. M.: ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2011. 302 s.
16. Bivor E. Stalingrad. Smolensk: Rusich, 1999. 448 s.
17. Kornish N. Kurskaya bitva. Velichaishee v istorii tankovoe srazhenie. M.: Tsentrpoligraf, 2008. 223 s.
18. Khart S., Khart R., Kh'yuz M. Ryadovye Vermakhta i SS. Nemetskii soldat Vtoroi mirovoi voiny. M.: Eksmo, 2006. 192 s.
19. Epple N.V. Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh. «NLO», 2020. 576 s.
20. Kramer M. Russia Is Repeating Its Brutal History in Ukraine [Elektronnyi resurs]. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/russia-repeating-its-brutal-history-ukraine> (data obrashcheniya 18.01.2024).
21. Istorik: Nyneshnie prestupleniya RF v Ukraine vyzyvayut odnoznachnye assotsiatsii s prestupleniyami Krasnoi armii v Pol'she. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.polskieradio.pl/397/8260/artykul/2969897> (data obrashcheniya 18.01.2024).
22. Moorhouse R. Roger Moorhouse on the historical echoes of the war in Ukraine [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.historyextra.com/period/21st-century/ukraine-conflict-how-echoes-parallels-ww2/> (data obrashcheniya 18.01.2024).
23. Stop Comparing Ukraine to World War I [Elektronnyi resurs]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/18/ukraine-counteroffensive-world-war-i-ii-western-front-normandy-trench-warfare-strategy-history/> (data obrashcheniya 18.01.2024).
24. Remarks by President Biden Ahead of the One-Year Anniversary of Russia's Brutal and Unprovoked Invasion of Ukraine [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/21/remarks-by-president-biden-ahead-of-the-one-year-anniversary-of-russias-brutal-and-unprovoked-invasion-of-ukraine/> (data obrashcheniya 18.01.2024).
25. READ: Biden's remarks on wars in Ukraine and Israel [Elektronnyi resurs]. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/19/politics/read-biden-oval-office-israel-ukraine/index.html> (data obrashcheniya 18.01.2024).
26. Izdateli "Istorika" ob"ysnili, pochemu byt' diletantom prosto, no neinteresno [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.pravda.ru/news/science/1281182-istorik/> (data obrashcheniya 18.01.2024).
27. VTsIOM: bol'shinstvo rossiyan zayavili ob interese k istorii svoei strany [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17374331> (data obrashcheniya 18.01.2024).

28. Lesina L.A. Formirovanie ustoichivogo interesa k istorii kak osnova patrioticheskogo vospitaniya molodezhi // Sovremennye issledovaniya sotsial'nyi problem. T.9. №2-2, 2018. S. 138-144.
29. Istorik. Redaktsiya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/about> (data obrashcheniya 18.01.2024).
30. "Rodina" prirosla millionom .Auditoriya odnogo nomera zhurnala v marte i aprele etogo goda sostavila 1 081 100 chitatelei [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rg.ru/2023/07/25/rodina-prirosla-millionom.html> (data obrashcheniya 18.01.2024).
31. Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration. C. 1941-2001. Cambridge University Press, 2015. 308 p.
32. Dolski M. «Portal of Liberation»: D-Day Myth as American Self-Affirmation // D-Day in History and Memory. Denton: UNT Press, 2014. P. 43-84.
33. Burmakina N.G. Reprezentatsiya kategorii avtoritetnosti v zhanre nauchnoi stat'i // Natsional'naya identichnost' skvoz' prizmu dialoga kul'tur. Issledovaniya v oblasti gumanitarnykh nauk v iberoamerikanskem i rossiiskom nauchnom prostranstve. Materialy III Mezhdunarodnogo kongressa. Rostov-na-Donu-Taganrog, 2020. S. 362-368.
34. Nataliya Tan'shina: Rusofobiya v sisteme rossiiskogo obrazovaniya i gumanitarnogo znaniya [Elektronnyi resurs]. URL: https://vk.com/@bditelnost_info-nataliya-tanshina-rusofobiya-v-sisteme-rossiiskogo-obrazovan (data obrashcheniya 18.01.2024).
35. Irkhin A.A. Bor'ba za «umy i serdtsa» naroda Ukrayny: rossiiskie pozitsii i prichiny upushchennykh vozmozhnostei. Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. 2016. Vyp.1. S. 64-70.
36. Irkhin A.A. Rossiya i zapad: metodologicheskii uroven' konkurentsii. Zapad – Vostok. // Zapal-Vostok. 2015. №8. S. 9-1.

A study of the genesis and transformation of the narratives about the conflict between China and Western countries

Koshmarov Mikhail

PhD in Technical Science

Director for the Development of Innovative Technologies, Russian Social Business Promotion Centre

101000, Russia, Moscow, Luchnikov, 2

 mk69@ya.ru

Abstract. The subject of this article is the narratives of the conflict between the Chinese and British empires in the XVIII-XIX centuries and about the Korean War of 1950-1953. The purpose of the study is to identify and analyze stable narratives and cliches about these conflicts, to show their genesis, transformation and target groups.

As the analyzed material, the diplomatic correspondence given in A. Toynbee's "A study of History" and in G. Kissinger's "On China" are compared; additional updated sources are considered. The identified inconsistencies in key issues are analyzed by comparing, as well as the situational and historical context of the appearance of these texts and their interpretations.

The Cold War narrative about the Chinese delegation to Moscow in 1949-1950 has also been disassembled and deconstructed.

The methodological basis of linguistic research of texts consists of content analysis, intent analysis, discourse analysis, narrative analysis.

The results revealed distortions of the analyzed narratives about the conflict between the Chinese and British empires in the XVIII-XIX centuries; about the negotiations between the PRC and the USSR in 1949-1950. The primary sources that deserve attention and further research are indicated. Parallels have been drawn between the events under study, which were not previously considered in this way; an analysis has been carried out in the light of the identification of these correlations. The ambiguity and tendentiousness of many theses of Kissinger's work are substantiated. The reasons and the probable target group for which these narratives were created are analyzed. In conclusion, China's declared vision of the development of international relations in connection with the historical context is analyzed. A thesis is put forward on the applicability of the data obtained to predict the current conflict between China and the United States over Taiwan.

Keywords: mercantilism, East India Company, Macartney Embassy, Taiwan, Technological unipolarity, propaganda, Korean War, Opium wars, Community of Common Destiny, China

References (transliterated)

1. Sun'-Tszy. Iskusstvo voiny. M.: AST. 2019. 160 c.
2. Xiaobing L. A History of the Modern Chinese Army. The University Press of Kentucky. 2007. 430 c.
3. Fuko M. Rozhdenie Biopolitiki. S-Pb.: Nauka. 2010. 448 s.
4. Brodel' F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v XV-XVIII vv. T. 3. Vremya Mira. M.:Progress. 1992. 752 s.
5. Konfutsii. Lun' Yui. M.: Vostochnaya literatura. 2001. 191 s.
6. Kissindzher. G. O Kitae. M.: AST. 2014. 640 s.
7. Dunning T. Trades' unions and strikes: their philosophy and intention. London. 1860. 55 s.
8. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M.: Eksmo. 2007. 960 s.
9. Vsemirnaya Istorya v shesti tomakh. T. 5. M.: Nauka. 2019. 943 s.
10. Cheng P. Lestz M. The Search for Modern China: A Documentary Collection. New York: Norton, 1999. 531 s.
11. Toinbi A. Postizhenie istorii. M.: Akademicheskii proekt. 2019. 802 s.
12. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. M.: AST. 2003. 571 s.
13. White A. F. China and Foreign Powers. London: Oxford University Press. 1927. 78 s.
14. Morse H.B. The Chronicles of The East India Company Trading to China 1635-1834. V. 2. Publisher Oxford At The Clarendon Press. 1926. 435 s.
15. Morse H.B. (1926). The Chronicles of The East India Company Trading to China 1635-1834. V.1. Publisher Oxford At The Clarendon Press. 305 s.
16. Ledovskii A.M. Peregovory I.V. Stalina s Mao Tszedunom v dekabre 1949-fevrale 1950 g. Novye arkhivnye dokumenty // «Novaya i noveishaya istoriya». 1997. №1, S. 23-74.
17. Federal Reserve and other central banks convert temporary bilateral liquidity swap arrangements to standing arrangements
<https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/monetary20131031a.htm>
 (data obrashcheniya 15.12.23.)
18. Kissinger. N. The Meaning Of History Reflections On Spengler, Toynbee, And Kant.

- Harvard University. 1951. 388 s.
19. Nobelevskaya premiya mira 1973. Genri Kissindzher. <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1973/kissinger/biographical/> (data obrashcheniya 15.12.23.)
20. Memorandum for the psychological strategy board. The U. S. Doctrinal Program, PSB D-33, June 29, 1953. (<https://cryptome.org/2012/05/cia-doctrinal-program.pdf> (data obrashcheniya 15.12.2023))
21. Sozdanie soobshchestva edinoi sud'by. Vystuplenie predsedatelya KNR Si Tzin'pina v khode debatov na 70-i Genassamblee OON. http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztd/QQ13/201512/t20151202_3113377.htm?ysclid=1kqq18k138141639464 (data obrashcheniya 15.12.23.)
22. National Security Strategy. White House. Washington.2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (data obrashcheniya 15.12.23.)

Aspects of role models in bullying as a basis for interaction.

Trufanov Geb Alekseevich

Researcher, Faculty of Humanities, Department of International Relations, University of Donja Gorica, Podgorica, Montenegro

81000, Montenegro, Podgorica municipality, Podgorica, Oktoih str., 1, room s11

valentinothedocor123@gmail.com

Evstafev Aleksandr Viktorovich

Senior Lecturer, Department of Higher Mathematics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Politehnicheskaya str., 29, office 1

evstafev93@mail.ru

Tomin Vitalii Vyacheslavovich

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg, Pobedy Ave., 13, 13

vnimot@yandex.ru

Akulina Elena Evgenievna

PhD in Pedagogy

Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University); Volga Region Cossack Institute of Management and Food Technologies

433515,, Russia, Ulyanovsk region, Dimitrovgrad, 28.30 Gvardeyskaya str., room 309

elenshark@mail.ru

Abstract. The object of this study is the role models that can be chosen by the participants of the confrontation within the framework of bullying, the subject of the study was social consequences of the application of specific behavioral scenarios in the conflict. These consequences are manifested through the results of the confrontation and the impact of these results on the statuses and positions in the educational environment at different levels, changes in the structure of factions, and interaction between them. Among the applied

research methods are comparison, generalization, and synthesis. In the context of conflict methodology, the work is based on the consideration of the theories of conflict functions of Lewis Coser and the conflict of Ralph Darendorf. The innovative aspect of the research consists of a comprehensive understanding and analysis of Western experience in the field of pedagogy and the development of new conceptual models. It should be emphasized that few studies of bullying in Russian pedagogical conflictology have been carried out. Western researchers often consider the victim of bullying as a passive participant deprived of subjectivity. The authors propose to perceive bullying as a conflict and consider it not only as bullying but also as a situation of negative leadership. The new models considered in our study highlight victim role scripts and assimilation/accommodation of behaviors within the aggressor/victim dichotomy. In addition, the novelty of the study is manifested in the introduction of the concept of role (emotional) benefit and a comprehensive consideration of the aspects of benefit that a "victim" receives in a conflict. The authors propose a system of scenarios and sub-scenarios of victim behavior, taking into account the assimilation/accommodation of certain behavioral patterns when subjects are included in a bullying situation.

Keywords: bullying, sustainable development of social skills, conflictmanagement, effective communication, interaction, agressor, victim, conflict, crisis, school conflict regulation services

References (transliterated)

1. Coser L. The functions of the social conflict. NYC: The free press, 1956. Pp. 8-16.
2. Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y.C, Prentice-Hall, 1973. Pp 10-18.
3. Darendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press. California, 1959. Pp. 50-81.
4. Trufanov, G. A. Governmental control over information distribution as a basis of the social conflict // Konfliktologiya. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – P. 207-221. – EDN SMRPDE.
5. Trufanov, G. A. The problem of bullying in schools: conflictological comprehension // Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva. – 2021. – No. 9. – P. 115-128. – DOI: 10.34755/IROK.2021.72.59.076. – EDN KNGVMN.
6. Usov, S. S. Emotsional'no-otsenochnaya nominatsiya realii v politicheskem diskurse v XXI v / S. S. Usov, M. A. Safonov, N. L. Kharchenko // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 3(146). – S. 105-109. – EDN NPTBRS.
7. Soderzhatel'no-podtekstovyи aspekt informativnosti diskursa v publitsisticheskem tekste / N. S. Varfolomeeva, S. S. Usov, I. Yu. Bagdasarova [i dr.] // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremenном mire. – 2021. – № 4. – S. 50-55. – DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.050. – EDN BSLJZM.
8. Yazykovye sredstva vyrazheniya elementov fantastiki v politicheskem diskurse / I. A. Sinityna, M. A. Safonov, S. S. Usov [i dr.] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Iстoriya i filologiya. – 2021. – T. 31, № 2. – S. 254-263. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
9. Soderzhatel'no-podtekstovyи sloi informativnosti teksta kak sposob vyrazheniya avtorskoi modal'nosti (na primere rasskaza I.A. Bunina "v Parizhe") / N. L. Kharchenko, M. A. Safonov, S. S. Usov [i dr.] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Iстoriya i filologiya. – 2018. – T. 28, № 3. – S. 419-428. – EDN XVBPRJ.
10. Trufanov, G. A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media //

- Konfliktologiya. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 132-158. – EDN DZCTXE.
11. Trufanov, G. A. Modern aspects of conflict management in business organizations in the context of conflict studies in business // Actual Issues of the Modern Economy. – 2021. – No. 8. – P. 14-23. – DOI: 10.34755/IROK.2021.51.36.025. – EDN BPHWSA.
 12. Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Björkqvist, K., Österman, K., Kaukiainen, A. (1996). Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group. *Aggressive Behavior*, 22, 1-15. doi: 10.1002/(SICI)1098-2337(1996)22:13.0.CO;2-T
 13. Bayraktar, F., Machackova, H., Dedkova, L., Cerna, A., Ševčíková A. (2015). Cyberbullying: The discriminant factors among cyberbullies, cybervictims, and cyberRunning head: ROLES IN CYBER BULLYING 25 victims in a Czech adolescent sample. *Journal of Interpersonal Violence*, 30, 3192-3216. doi: 10.1177/0886260514555006.
 14. Lam, L. T., Cheng, Z., Liu, X. (2013). Violent online games exposure and cyberbullying/victimization among adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16, 159-164. doi:10.1089/cyber.2012.0087.
 15. Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y-F., & Moreno, M. (2015). Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: A multisite study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 79-86. doi:10.1089/cyber.2014.0371.
 16. Brack, K., & Caltabiano, N. (2014). Cyberbullying and self-esteem in Australian adults. *Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 8, article 7. doi: 10.5817/CP2014-2-7.
 17. Bauman, S. (2010). Cyberbullying in a rural intermediate school: An exploratory study. *Journal of Early Adolescence*, 30, 803-833. doi: 10.1177/0272431609350927.
 18. Aoyama, I., Bernard-Brak, L., Talbert, T. (2011). Cyberbullying among high school students: Cluster analysis, sex and age differences and the level of parental monitoring. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology, and Learning*, 1, 25-35. doi: 10.4018/ijcbpl.2011010103
 19. Hentig H. Remarks on the Interaction of perpetrator and Victim // The of Criminal and Criminology, 1941. V. 31.
 20. Schoen, S., Schoen, A. (2010). Bullying and Harassment in the United States. *The Clearing House*, 83(2), 68-72.
 21. Dehue, F. (2013). Cyberbullying research: New perspectives and alternative methodologies. Introduction to the special issue. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23, 1-6. doi: 10.1002/casp.2139.
 22. Dehue, F., Bolman, C., Völlink, T. (2008). Cyberbullying: Youngsters' experiences and parental perception. *CyberPsychology & Behavior*, 11, 217-223. doi:10.1089/cpb.2007.0008.
 23. Brooks, R. A., & Cohen, J. W. (2020). The Nature, Scope, and Response to School Bullying. In Criminology Explains School Bullying (1st ed., Vol. 2, pp. 7-28). University of California Press.
 24. Bloom, A. B. (2020). Building Civic Capacity in Schools and Communities. *National Civic Review*, 109(1), 6-15.
 25. Grmuša, A. (2023). The effectivnes of video surveillance in preventing and intervening bullying in secondary schools in Serbia. In F. Alcantud-Marín, Y. Alonso-Estebar, C. Berenguer Forner, M. J. Cantero López, J. C. Meléndez Moral, A. R. Moliner Albero, B. Rosello Miranda, M. del M. Sánchez García, P. Sancho Requena, E. Satorres Pons, N. Senent-Capuz, M. Soriano-Ferrer, P. Viguer Seguí, & A. Ygual Fernández (Eds.), *Actas*

del XI Congreso Internacional de Psicología y Educación (pp. 2765-2774). Dykinson, S.L.

To the issue of the role classification of participants in bullying situations.

Trufanov Gleb Alekseevich

Researcher, Faculty of Humanities, Department of International Relations, University of Donja Gorica, Podgorica, Montenegro

81000, Montenegro, Podgorica municipality, Podgorica, Oktoih str., 1, room s11

 valentinothedocor123@gmail.com

Bobrovnikova Nataliya Sergeevna

Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

125 Lenin Ave., building 4, office 1, Tula, 00026, Russia

 vicious.angel@yandex.ru

Tomin Vitalii Vyacheslavovich

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg, Pobedy Ave., 13, 13

 vnimot@yandex.ru

Evstafev Aleksandr Viktorovich

Senior Lecturer, Department of Higher Mathematics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Politehnicheskaya str., 29, office 1

 evstafev93@mail.ru

Abstract. The object of this study is the role models that can be chosen by the participants of the confrontation in the framework of bullying. It should be noted that the authors of the study consider bullying as a form of pedagogical conflict, which can significantly affect the educational process and mental health of students. The relevance of the study is also revealed through the perception of bullying not just as bullying, but as a conflict, where the parties are involved in a confrontation and have subjectivity. The subject of the research is the social consequences of following behavioral scenarios in conflict. Such consequences are revealed through the result of confrontation, as well as the impact of the result of such confrontation on changes in statuses and positions within the educational environment at different levels, changes in distribution, emergence, change, fragmentation, and disappearance of factions within the educational environment. The methodological basis of this study is the analysis of a wide range of scientific sources: scientific and practical pedagogical, psychological, sociological, conflictology literature, and periodical scientific publications. Among the applied methods of scientific research are: comparison, generalization, and synthesis. In the context of conflict methodology, this work is built around the theory of conflict functions Lewis Kozer, and Ralph Darendorf's theory of conflict. The novelty of the study is revealed through a comprehensive analysis of the experience of Western researchers in the field of pedagogy, as well as the development of new conceptual models. Western researchers assign a passive role to the victim of bullying, thereby depriving her of subjectivity. The authors propose to perceive bullying as a conflict, and bullying not

only as bullying but also as a situation of negative leadership.

Keywords: effective communication, interaction, aggressor, victim, bullying, school, school conflict regulation services, conflict regulation, crisis, conflict

References (transliterated)

1. Coser L. The functions of the social conflict. NYC: The free press, 1956. Pp. 8-16.
2. Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y.C, Prentice-Hall, 1973. Pp 10-18.
3. Darendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press. California, 1959. Pp. 50-81.
4. Trufanov, G. A. Governmental control over information distribution as a basis of the social conflict // Konfliktologiya. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – P. 207-221. – EDN SMRPDE.
5. Trufanov, G. A. The problem of bullying in schools: conflictological comprehension // Voprosy ustochichivogo razvitiya obshchestva. – 2021. – No. 9. – P. 115-128. – DOI: 10.34755/IROK.2021.72.59.076. – EDN KNGVMN.
6. Usov, S. S. Emotsional'no-otsenochnaya nominatsiya realii v politicheskem diskurse v XXI v / S. S. Usov, M. A. Safonov, N. L. Kharchenko // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 3(146). – S. 105-109. – EDN NPTBRS.
7. Soderzhatel'no-podtekstovyи aspekt informativnosti diskursa v publisisticheskem tekste / N. S. Varfolomeeva, S. S. Usov, I. Yu. Bagdasarova [i dr.] // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremenном mire. – 2021. – № 4. – S. 50-55. – DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.050. – EDN BSLJZM.
8. Yazykovye sredstva vyrazheniya elementov fantastiki v politicheskem diskurse / I. A. Sinityna, M. A. Safonov, S. S. Usov [i dr.] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Iстoriya i filologiya. – 2021. – T. 31, № 2. – S. 254-263. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
9. Soderzhatel'no-podtekstovyи sloi informativnosti teksta kak sposob vyrazheniya avtorskoi modal'nosti (na primere rasskaza I.A. Bunina "v Parizhe") / N. L. Kharchenko, M. A. Safonov, S. S. Usov [i dr.] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Iстoriya i filologiya. – 2018. – T. 28, № 3. – S. 419-428. – EDN XVBPRJ.
10. Trufanov, G. A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media // Konfliktologiya. – 2021. – Vol. 16, No. 1. – P. 132-158. – EDN DZCTXE.
11. Trufanov, G. A. Modern aspects of conflict management in business organizations in the context of conflict studies in business / G. A. Trufanov // Actual Issues of the Modern Economy. – 2021. – No. 8. – P. 14-23. – DOI: 10.34755/IROK.2021.51.36.025. – EDN BPHWSA.
12. Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Björkqvist, K., Österman, K., Kaukiainen, A. (1996). Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group. Aggressive Behavior, 22, 1-15. doi: 10.1002/(SICI)1098-2337(1996)22:13.0.CO;2-T
13. Bayraktar, F., Machackova, H., Dedkova, L., Cerna, A., Ševčíková A. (2015). Cyberbullying: The discriminant factors among cyberbullies, cybervictims, and cyberRunning head: ROLES IN CYBER BULLYING 25 victims in a Czech adolescent sample. Journal of Interpersonal Violence, 30, 3192-3216. doi: 10.1177/0886260514555006.

14. Lam, L. T., Cheng, Z., Liu, X. (2013). Violent online games exposure and cyberbullying/victimization among adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16, 159-164. doi:10.1089/cyber.2012.0087.
15. Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y-F., & Moreno, M. (2015). Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: A multisite study. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 79-86. doi:10.1089/cyber.2014.0371.
16. Brack, K., & Caltabiano, N. (2014). Cyberbullying and self-esteem in Australian adults. *Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 8, article 7. doi: 10.5817/CP2014-2-7.
17. Bauman, S. (2010). Cyberbullying in a rural intermediate school: An exploratory study. *Journal of Early Adolescence*, 30, 803-833. doi: 10.1177/0272431609350927.
18. Aoyama, I., Bernard-Brak, L., Talbert, T. (2011). Cyberbullying among high school students: Cluster analysis, sex and age differences and the level of parental monitoring. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology, and Learning*, 1, 25-35. doi: 10.4018/ijcbpl.2011010103
19. Hentig H. Remarks on the Interaction of perpetrator and Victim // The of Criminal and Criminology, 1941. V. 31.
20. Schoen, S., Schoen, A. (2010). Bullying and Harassment in the United States. *The Clearing House*, 83(2), 68-72.
21. Dehue, F. (2013). Cyberbullying research: New perspectives and alternative methodologies. Introduction to the special issue. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23, 1-6. doi: 10.1002/casp.2139.
22. Dehue, F., Bolman, C., Völlink, T. (2008). Cyberbullying: Youngsters' experiences and parental perception. *CyberPsychology & Behavior*, 11, 217-223. doi:10.1089/cpb.2007.0008.
23. Brooks, R. A., & Cohen, J. W. (2020). The Nature, Scope, and Response to School Bullying. In *Criminology Explains School Bullying* (1st ed., Vol. 2, pp. 7–28). University of California Press.
24. Bloom, A. B. (2020). Building Civic Capacity in Schools and Communities. *National Civic Review*, 109(1), 6-15.
25. Grmuša, A. (2023). The effectiveness of video surveillance in preventing and intervening bullying in secondary schools in Serbia. In F. Alcantud-Marín, Y. Alonso-Estebaran, C. Berenguer Forner, M. J. Cantero López, J. C. Meléndez Moral, A. R. Moliner Albero, B. Rosello Miranda, M. del M. Sánchez García, P. Sancho Requena, E. Satorres Pons, N. Senent-Capuz, M. Soriano-Ferrer, P. Viguer Seguí, & A. Ygual Fernández (Eds.), *Actas del XI Congreso Internacional de Psicología y Educación*. (pp. 2765-2774). Dykinson, S.L.